

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

1C
публшинг

ЧУЖОЁ ЛИЦО

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский
Агасфер. Чужое лицо

«1С-Паблишинг»

2020

Каликинский В. А.

Агасфер. Чужое лицо / В. А. Каликинский — «1С-Паблишинг», 2020 — (Детектив с историей (1С))

Главный герой – Михаил Берг, известный любителям жанра по роману «Посол». Бывший блестящий офицер стал калекой и оказался в розыске из-за того, что вступился за друга – японского посла. Берг долго скрывался в стенах монастыря. И вот наконец-то находит себе дело: становится у истоков контрразведки России и с командой единомышленников противодействует агентуре западных стран и Японии. Во второй книге над Агасфером нависает угроза суда по делу двадцатилетней давности, поэтому руководство благоразумно отправляет его в Иркутск, а незадолго до неминуемой войны с Японией русский агент получает приказ перебраться на Сахалин. Здесь Бергу предстоит не только скрываться от своих врагов, но и вступить в борьбу с истинной хозяйкой острова Сонькой Золотой Ручкой. Каторга превратила некогда элегантную аферистку в безжалостную убийцу...

Содержание

От автора	5
Для тех, кто не читал «Старьевщика»	7
Пролог	9
Глава первая	14
Глава вторая	30
Глава третья	45
Глава четвертая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Чужое лицо

От автора

Начало XX века. Россия наводнена агентами иностранных разведок – британскими, германскими, австро-венгерскими, японскими и румынскими шпионами. Им слабо противостоят разрозненные разведчики и контрразведчики из различных ведомств – военные и морские атташе при российских посольствах в различных странах, чиновники МИДа, зарубежная агентура Департамента полиции. Причем последняя самым естественным образом охотится не столько за иностранными шпионами, сколько за политическими эмигрантами, укрывшимися от произвола самодержавия в Европе.

Группа высших офицеров русской армии хорошо понимает необходимость создания в стране единого органа разведки и контрразведки, однако император Александр III, получивший прозвище Миротворца и подаривший России полтора десятилетия мирной жизни без войн и даже сколько-нибудь крупных конфликтов, и слышать не хочет о «таком приготовлении России к войне». В этой политике его поддерживает целый ряд приближенных к трону сановников, многие из которых сами торгуют и Россией, и ее военными секретами.

Тем не менее небольшая группа единомышленников-патриотов – рискуя чинами, положением в обществе и даже своим будущим – втайне продолжает готовить создание в России серьезной организации, способной противостоять разбазариванию военных и экономических секретов страны. Идейный руководитель единомышленников-патриотов – полковник Андрей Архипов, вынужденный из-за происков своих противников выйти в отставку. Именно в двери его дома в Санкт-Петербурге однажды постучал Агасфер – бывший гвардейский офицер-сапер, лишенный чинов, наград, прав, состояния и даже семьи, долгое время вынужденный скрываться от незаслуженного гнева императора Александра II.

Агасфер – инвалид: кисть его левой руки отсечена в поединке с помощником японского дипломата, пытавшимся сорвать русско-японские переговоры по острову Сахалин. Однако отсутствие руки вполне компенсирует изумительная память русского патриота с немецкими корнями – Михаила Берга.

Агасфер без колебаний примыкает к «заговорщикам», вместе с ними и самостоятельно проводит несколько смелых операций в России и за ее пределами и даже вербует на русскую службу советника Германского посольства, возглавляющего всю разведывательную сеть немецких агентов.

Когда Александр III умирает и русский трон занимает его наследник, Николай II, военный министр Куропаткин подает новому самодержцу обоснованную докладную записку о необходимости создания специального органа разведки и контрразведки. Николай II пишет на записке одно-единственное слово: «Согласен. Николай».

Казалось бы, вопрос решен: при Главном штабе появляется новая структура – Разведывательное отделение, которое возглавляет талантливый разведчик-самоучка ротмистр Владимир Лавров. Штат РО невелик, и поначалу насчитывал всего семь человек. Невелик и бюджет Разведывательного отделения, он не сравним с огромными суммами, отпускаемыми иностранными разведками для добывания российских военных и экономических секретов. Тем не менее Лавров со своей командой вполне успешно ведет разведывательную и контрразведывательную деятельность. Но...

Неизбежные при смене русского самодержца пертурбации и перемены в русском правительстве начинают тормозить деятельность Разведывательного отделения. Меняется министр

внутренних дел, на смену директору Департамента полиции Зволянскому приходит тщеславный и мстительный Лопухин. Его не радуют успехи Разведывательного отделения в борьбе со шпионажем, он создает при Департаменте полиции свое собственное секретное Отделение по борьбе с международным шпионством, которое возглавляет известный авантюрист Манасевич-Мануйлов.

Над Агасфером снова нависла угроза Суда Особого присутствия – по делу более чем 20-летней давности. Не желая терять ценного разведчика и хорошего товарища, Лавров втайне от своих кураторов отправляет его под чужим именем в Иркутск. А незадолго перед неминуемой войной с Японией Агасфер получает приказ перебраться на Сахалин. Если война все же начнется, Агасфер должен любыми путями перебраться в Японию и организовать там резидентуру Разведывательного отделения...

Очень многие герои моего второго романа «Чужое лицо» из серии «Агасфер» – реальные исторические персонажи, жившие на рубеже XIX–XX веков. Лишь Михаил Берг, ставший Агасфером – образ собирательный. В первой книге серии «Агасфер» – «Старьевщике» – он помог автору собрать команду патриотов России, пытающихся препятствовать разгулу разведчиков Германии, Австро-Венгрии, Японии.

В «Чужом лице» Агасфер не только вынужден скрываться от нажитых им серьезных врагов на далеком острове Сахалин, но и вступает в борьбу с истинной хозяйкой острова – Сонькой Золотой Ручкой. Каторга сделала из некогда изящной аферистки безжалостного убийцу...

Автор позволил себе несколько «погрешить» с историей и в некоторых местах слегка сдвинуть хронологию тех лет и дней.

Для тех, кто не читал «Старьевщика» (вместо Предисловия)

...Гудок паровой машины словно переключил время с тяжелого ожидания на непостижимую воображением быстроту. С первым его аккордом Асикага молниеносно вырвал свой меч из ножен и без замаха нанес Бергу слева рубящий удар в горизонтальной плоскости. Катана ударила по основанию сабли, которую Берг держал обеими руками, со страшной силой, едва не выбив оружие. Удар был настолько мощным, что острое меча коснулось шеи офицера.

Не успев сообразить, ранен он или нет, Берг уже видел, как тяжелый клинок противника, словно вопреки физическим законам, остановился у его лица и тут же стал возноситься вверх, для завершающего удара. Какой-то первобытный инстинкт бросил молодого офицера не назад, не вбок – а под ноги противника, в то самое мгновение, когда сердито жужжащий меч распорол воздух за его спиной.

Перекатившись вперед и вбок, Берг спешно поднимался на ноги, с отчаянием констатируя, что противник намного быстрее его. Что он просто не успеет отразить третий удар. Асикага, по-кошачьи извернувшись, уже почти нанес этот удар. Клинок летел к левому боку поднимающегося на ноги противника...

Берг попытался защититься от удара саблей – с таким же успехом он мог подставить под тяжелый меч легкую тросточку. Катана легко отбросила сабельный клинок и ударила по левой руке Берга – и одновременно сам Асикага получил страшный и неожиданный для него удар крылом семафора, мимо которого в тот момент промчался поезд.

На глазах Берга тело японца с наполовину оторванной головой с сучащими ногами было отброшено на самый край крыши вагона, перекатилось пару раз по инерции и свалилось вниз. Все было кончено. А поезд продолжал мчаться вперед...

Вцепившись в добытую шкатулку, Берг снова потерял сознание. И уже не слышал, как случившийся среди пассажиров доктор из Варшавы сердито распекал железнодорожный персонал за медлительность. Бегло осмотрев раненого, он потребовал немедленной доставки его в больничный стационар. Властный тон доктора оказал на старшего кондуктора магическое действие: он распорядился перенести носилки с раненым в угольный тендер локомотива. Туда же забрался со своим саквояжем и доктор, а кондуктор, приказав машинисту отцепить вагоны, поместился с зажженным красным фонарем на крохотной площадке над передней решеткой паровоза.

Опоясавшись тучей пара, локомотив тронулся с места и, набирая скорость, ринулся вперед. Кондуктор знал, что они на «зеленой улице», однако из предосторожности все время размахивал красным фонарем и поминутно, перегнувшись, грозил машинисту кулаком: сигнал, сигнал подавай! Вот локомотив и ревел почти непрерывно, на предельной скорости мчась к Варшаве.

На крыльце стоял господин в черной визитке и при аккуратной бородке. Посетитель прикоснулся двумя пальцами к венскому котелку и шаркнул ногой:

– Позвольте рекомендоваться: доктор Шлейзер из Варшавы! Предупреждая ненужные вопросы, я сразу и категорически заявляю вам, сударь, что не ищу практики или пациентов.

– Тогда что вам угодно?

– Говорит ли вам что-либо имя Михаила фон Берга, сударь?

– Мишеля? – Хозяин особняка невольно поглядел по сторонам, шагнул к посетителю. – Да, разумеется – это жених моей дочери... Прошу вас, проходите, доктор.

– Благодарю... Слушайте меня внимательно, сударь! Господин фон Берг, которого вы уже завтра, возможно, откажетесь признавать женихом вашей дочери, попал в большие неприятности. Спасибо Иисусу – при монастыре, куда я его отвез еле живого, был приют для престарелых и убогих! А там – вполне компетентный персонал сестер милосердия и даже два доктора, ушедшие от мира. Там я произвел единственно возможное, на мой взгляд, медицинское действие – ампутировал молодому человеку и без того почти что отрубленную руку...

Пролог

– Объявился наш Агасфер! – улыбаясь, сообщил Манасевич-Мануйлов¹ входя в кабинет директора Департамента полиции Лопухина. – В Иркутске он! Но есть сведения, что в ближайшее время, месяца этак через два, он оттуда съедет...

– Откуда сведения? – не поднимая головы от бумаг, поинтересовался директор.

– Ну вы же знаете, свои источники я не выдаю, уважаемый Алексей Александрович! Вы же знаете, ваше высокопревосходительство, есть у меня в Разведывательном отделении человечешко...

Мануйлов вольготно развалился в кресле, однако тут же, поймав взгляд Лопухина, поджался и сел скромнее. Директор же, с нескрываемой злобой глядя на него, еле удержался от того, чтобы не закричать в голос, не вскочить, не затопать ногами. Как он ненавидел этого выскочку! Ненавидел – но поделаться с ним ничего не мог: слишком был ловок голубой Сапфир².

Его отец раввин Тодрес Манасевич был организатором подпольной фирмы по изготовлению и распространению фальшивых знаков почтовой оплаты. Нажив миллионы, он в конце концов угодил на каторгу в Сибирь, где вскоре скончался, оставив своего единственного сына Изю круглым сиротой. Как бы сложилась судьба юного Манасевича, не свались на него неожиданное богатство сибирского купца Федора Мануйлова? Он усыновил и воспитал малолетку. После внезапной смерти Мануйлова Изя Манасевич наследовал 200-тысячное состояние. Впрочем, купец оказался чудаком, оговорившим в завещании, что унаследованное состояние передается наследнику только по достижении им тридцатипятилетнего возраста.

За этим гомосексуалистом, шпионом и начальником Заграничной политической агентуры следовал шлейф скандалов в пределах всей Европы! За ним числились темные денежные махинации, обсчет агентов и присвоение больших денежных сумм за устаревшие, а то и заведомо ложные сведения. Негодяй – но членство в «Голубом клубе» Северной столицы и близкое знакомство с «буграми»-гомосексуалистами, приближенными ко двору его императорского величества, делало его неприкасаемым!

– Ваше высокопревосходительство, – начал было Манасевич-Мануйлов.

– Куда Агасфер может выехать из Иркутска? – перебил его директор.

Мануйлов пожал плечами:

– Сие пока неизвестно. Насколько я разбираюсь в географии, из Иркутска можно отправиться либо в Центральную Россию, либо на Дальний Восток. Ну, как вариант – в Китай...

– Узнайте уж, будьте так добры, Иван Федорович! А уж потом милости прошу, – Лопухин снова, не обращая более внимания на посетителя, углубился в бумаги.

– Гм... Может, в Вену дозволите съездить, господин директор? Шепнуть бы там кое-кому про Агасфера – глядишь, и дела веселее пойдут!

– В Вене у российской полиции не может быть друзей, господин Манасевич-Мануйлов! И в казне нет лишних денег – ваши аппетиты слишком велики! Да-да, и не смейте возражать! Впрочем, за свой счет – делайте что хотите... Свободны!

¹ Иван (Абрам) Манасевич-Мануйлов – деятель российских спецслужб, журналист, агент охранного отделения, чиновник особых поручений Департамента полиции, надворный советник. Вместе с Комиссаровым организовал и возглавил в числе прочего Отделение по розыску о международном шпионстве в составе Департамента полиции, занимавшееся контрразведкой внутри страны.

² Агентурная кличка Манасевича-Мануйлова – с намеком на его гомосексуальные предпочтения.

– Разрешите, герр оберст?

– Прошу, Гедеке! – сделав над собой усилие, полковник Рунге постарался придать своему лицу нейтральное выражение.

Рунге терпеть не мог обер-лейтенанта и догадывался, что тот платит ему той же монетой. Впрочем, а как иначе мог относиться к начальству вчерашний капитан, у которого это начальство лично содрало по звездочке с каждой стороны стоячего воротника и сделало из гауптмана обер-лейтенанта? Да еще и посадило за канцелярскую работу почти на полгода...

К тому же полковник Рунге хорошо помнил, как, свалив вину за провал вербовки русского разведчика Агасфера на гауптмана Гедеке, он и сам едва сохранил за собой чин и должность. Подсунутый Агасферу в качестве приманки секретный меморандум с перечнем кличек и подлинных имен разведчиков, работавших на русских военных объектах и в штабах, стал поистине бумерангом и обошелся Австро-Венгрии почти в две сотни разоблаченных и арестованных агентов³.

Могло дойти и до военно-полевого суда, но в последний момент Рунге сообразил, что, сделав Гедеке козлом отпущения, он и сам сядет рядом с ним на скамью подсудимых. В конечном итоге провал операции удалось свалить на фельдфебеля, который оставил под носом Агасфера портфель с секретными документами и не озаботился их заменой фальшивыми.

По правде говоря, получив приказ завершить операцию с Агасфером, полковник Рунге мог бы легко найти другого исполнителя, но у Гедеке был ряд преимуществ: он хорошо знал и русский язык, и проклятого русского разведчика. Ну и конечно, у него была заинтересованность в личном исправлении допущенной когда-то ошибки.

– Не надоело перебирать за столом бумажки, Гедеке? – поинтересовался полковник, сверкнув на подчиненного стеклышком монокля.

Дружеские нотки в голосе не обманули Гедеке: он слишком хорошо знал, как может в любую секунду смениться настроение полковника. Поэтому он, по-прежнему глядя чуть выше головы начальства, осторожно ответил:

– В разведке важна любая работа, герр оберст!

– Хм... Ладно, Гедеке, не буду ходить вокруг да около: у вас появился шанс вернуть себе третью звездочку на воротник, а заодно рассчитаться с истинным виновником ваших неудач. Не исключена и награда – мне наметили на орден Франца-Иосифа! Разумеется, если порученное вам задание будет выполнено быстро и четко. Вы не догадываетесь, Гедеке, что я имею в виду?

– Неужели Агасфер, герр оберст? Но, позволю заметить, из отчетов наших агентов, с которыми я гм... много работаю в последнее время, можно сделать вывод, что он исчез еще прошлой осенью!

– Кстати, его ищем не только мы и наши немецкие коллеги – но и сами русские. Именно от них я получил информацию о точном местопребывании Агасфера.

– Хм... Немного подозрительно, герр оберст... Ну, мы и разведка рейха – это понятно. Но почему он находится в розыске у своих?

– Следствие межведомственной вражды, Гедеке! Он сильно прищемил хвост кому-то из сильных мира сего в Петербурге. Вам придется выехать в Россию, Гедеке! Точнее – в Сибирь, в район озера Байкал. И побыстрее: исходя из полученной информации, Агасфер задержится в Иркутске только до весны, вернее, до вскрытия сибирских рек ото льда.

– Я поеду один, герр оберст?

³ См. роман «Старьевщик».

– Нет, с вами поедет Терентьев. У него свои счеты к нахальному калеке. К тому же этот кокаинист изрядно намозолил тут всем глаза, рассказывая о своих заслугах...

– Сслушаюсь, герр оберст! Мое задание?

– Отыщите Агасфера и ликвидируйте его. Надо показать русскому Разведывательному отделению, что австрийская разведка кое-чего стоит! Агасфер нанес нам огромный кадровый урон, и его ликвидация хоть в малой степени позволит восстановить справедливость. В Иркутске вы найдете Серафиму Бергстрем – помните такую, Гедеке?

– Так точно, герр оберст! Это подруга нашего агента Гримма, сосланная в Сибирь. Ей, если не ошибаюсь, тоже есть что предъявить господину Агасферу...

– Тут вы не ошибаетесь, и я рад этому, Гедеке! Документы, деньги и последние данные по Агасферу – в канцелярии. Удачи вам, Гедеке!

– Простите, герр оберст, а что мне делать после выполнения этого задания с Терентьевым и мадам Серафимой?

– Гедеке, я начинаю сомневаться в верности своего выбора, – устало покрутил головой Рунге. – Постарайтесь на сей раз не быть ослом. Подумайте сами: ну за каким дьяволом тащить эти человеческие отбросы в Европу? Оставьте их там, в Сибири, рядом с покойным.

– Я все понял, герр оберст! – Гедек кинул два пальца к козырьку фески с двуглавым орлом, поразительно похожим на русский герб, лихо развернулся и вышел из кабинета полковника.

Внешне Разведывательное отделение, размещенное на Таврической, 17 в Петербурге, походило на обычную контору, коих в начале века в Северной столице расплодилось великое множество. И скромная табличка у входа оповещала прохожих, что здесь имеет место быть перестраховочное товарищество на паях «Злобин и К°». Внутреннее помещение тоже было самым обычным: барьер, за которым трещали модные арифмометры «Odnner» и негромко перекликалась одетые в белые сорочки с черными сатиновыми нарукавниками клерки. У окна под развесистой пальмой в пузатой кадке клевал носом служащий в фуражке с надписью «курьер» – словом, контора как контора. Лишь очень внимательный посетитель мог обратить внимание на то, что все сотрудники от 30 до 40 лет, а у курьера китель под мышками подозрительно оттопыривается с двух сторон (чему виной, несомненно, были револьверы, крепко сбитыми мужчинами в наплечных кобурах).

На второй этаж конторы, в святая святых, можно было проникнуть через тайные ходы из соседней конторы, через неработающий ватерклозет товарищества и с соседней улицы. Здесь обитал начальник РО ротмистр Лавров и его ближайшие помощники. А за содержимое металлических шкафов в этом кабинете знающие люди из европейских разведок, не задумываясь, отдали бы годовой бюджет своей страны.

Лавров задвинул замаскированную заслонку, через которую он мог незаметно наблюдать за тем, что делается на первом этаже, и в глубокой задумчивости вернулся за свой рабочий стол.

Через несколько минут замигала одна из лампочек, оповещающая о том, что на подходе посетитель из своих. Лавров поднял глаза и за толстым зеркальным стеклом увидел знакомую фигуру бывшего сыщика и начальника летучего отряда Евстратия Медникова, ставшего по новым правилам игры наблюдательным агентом 1-го класса Александром Харитоновым.

Щелкнул механизм дистанционного замка, которым начальник РО, не вставая с места, мог открывать дверь. Вторая кнопка, тревожная, могла мгновенно опустить перед застекленной входной дверью бронированный стальной лист толщиной без малого в дюйм, и тогда незваным гостям пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы попасть сюда.

Лавров кивнул, приветствуя вошедшего. Медников, расстегнув пиджак американского покроя, тяжело опустился в кресло. В кабинете повисла тяжелая пауза.

– Ну что, Степаныч, нарыл чего-нибудь интересного? – наконец без особой надежды поинтересовался начальник. Только за собой он оставил право называть сыщика по-старому.

– Ничего хорошего, господин ротмистр, – мрачно покачал головой агент. – «Крыша течет» все-таки у нас, язви ее в душу! Два десятка людей всего в нашей конторе, только семеро – оперативный состав. Уж проверенный-перепроверенный народ, кажется – и все равно подсадной завелся! Не знаю, на кого и думать!

– А может, перестраховываемся, Евстратий? Товарищество-то у нас по вывеске как раз перестраховочное! – невесело усмехнулся ротмистр. – Ладно, шутки в сторону! Давай-ка еще раз прогоним ситуацию. И вот что у нас получается: Агасфер, как мы и обговаривали, на связь выходит только через переписку супруги с ее подругой. Коды шифровок разовые, и, как меня сорок раз заверяли господа криптологи, в принципе нераскалываемые. Да и не было в них ничего про время отъезда Агасфера. Теперь лед с Ангары, судя по сообщениям газет, сошел – стало быть, наступило время отправляться Агасферу в дальнейший путь.

– Нынче в первой декаде мая лед там пошел, – вставил Медников.

– Ага... А в середине апреля у мадам Бергстрем, за которой мы присматриваем – в одном городе с Агасфером, стерва, на поселении живет все-таки, – появляются вдруг сразу два гостя. Одного из них твои ребята из охраны Петербурга срисовали еще здесь. И тебе по старой дружбе шепнули.

– Так точно, Терентьев объявился. Только он уже не Терентьев, с другими документами приехал, и личность изменил. Я тогда вам, если помните, сразу доложил...

– А я трогать запретил до поры до времени, помню. Очень хотелось второго вычислить. А вычислить удалось совсем недавно. Знаешь, Медников, кто вторым «путешественником» оказался?

Выдержав эффектную паузу, Лавров выдал:

– Никто иной, как разжалованный из гауптманов в обер-лейтенанты господин Гедеке! Тот самый, который у полковника Рунге в австрийской разведке работает и который в свое время так нашего Агасфера в Варшаве прижал, что тот еле оттуда ноги унес!

– Дела-а-а, – протянул ошеломленный Медников.

– Да, дела! Хорошо хоть, что мы Терентьева из виду не упускали. Так что теперь знаем, что за «путешественники» у мадам Бергстрем появились.

– Так брать обоих надо, Владимир Николаевич! – Медников вскочил с кресла. – Они же по душу нашего Агасфера в Иркутск поехали!

– Брать, говоришь? – Лавров тоже встал, прошелся по кабинету и остановился напротив старого сыщика. – Боюсь, что поздно, Евстратий! Я третьего дня своим людям в Иркутск шифровку отправил: задержать обоих под любым предлогом! Поздно! Гляди!

Вернувшись к столу, Лавров вынул из верхней папки синеватый бланк шифротелеграммы и протянул Медникову.

034286/03 СПб., Лаврову. Строго конфиденциально!

Выполнить ваше указание о немедленном задержании немецких путешественников фон Фишера и Лунге возможным не представляется по причине их срочного отъезда в район строительства Кр-Байкальской ветки ж/д. Вместе с ними, по словам квартирной хозяйки, выехала из Иркутска Серафима Бергстрем.

П-к Сережкин Шифровальщик к-н Забродный

– И что ж теперь делать? – Медников выглядел потрясенным. – У него же еще и Настька беременная – вот нашли тоже время... Что делать-то?

– Ждать, Евстратий! Только ждать. Агасфер, как ты знаешь, далеко не мальчик. И постоять за себя умеет! – Лавров помолчал, достал из шкафа графинчик, рюмку. – Жалко, что ты, старообрядец чертов, не пьешь! Самое бы время выпить за удачу нашего Агасфера.

– Доставай вторую рюмку, – глухо отозвался Медников. – Простит мне Всевышний, полагаю, сие прегрешение. А тебя, начальник, об одном прошу: найдем ежели гниду у себя – мне его отдай, а? Отдашь? Я с ним без следствия и суда разбираться стану...

Глава первая

(май 1903 года, Иркутск)

Весна нынче в Иркутске была похожа на норовистую непостоянную девицу: яркие дни с греющим лица и души солнышком сменялись тусклой ветреной непогодью. А то и вовсе казалось, что зима останется тут навечно – с трескучими морозами, неожиданными выюгами – это в апреле-то, прости господи! Вот и нынче: на дворе май, а метет, как в феврале! И с ужасом думаешь, что скоро надо надевать шинель, и, не слишком поспешая, чтобы не потерять начальственного достоинства, спуститься на десяток ступеней и нырнуть в экипаж.

Генерал-губернатор и командующий войсками Иркутского округа, генерал от инфантерии Горемыкин отошел от окна и тряхнул колокольчиком. Из присутственной комнаты в кабинет мгновенно всунулся адъютант Сорокин, всем своим видом изображая кипучую энергию и желание употребить ее во благо любимого начальника.

– Слушаю, Александр Дмитриевич! – по-свойски, но с должной почтительностью адъютант приготовил деловую тетрадь и карандаш.

– Оставьте эту вашу писанину, штабс-капитан! – поморщился Горемыкин. – Что там у нас нынче? Нету больше посетителей?

– Никак нет, сидит один статский, ваше высокопревосходительство!

– Черт их носит в такую погоду! – изумился губернатор. – Впрочем, просите! Я не думаю, что это надолго. А сам, голубчик, не считите за труд, скажите мерзавцу Матвею, чтобы в экипаже печурку затопил! Он, небось, у швейцара, в тепле задницу греет, а я как подумаю, что в стылом экипаже полчаса ехать – бррр!

– Слушаюсь, Александр Дмитриевич! Стало быть, штафирка статская пусть заходит?

– Да-да, пусть. Не купец, надеюсь? – запоздало спохватился генерал.

– Не похож-с, – покачал головой уже в дверях адъютант. – Хотя я эту рожу где-то видел. Определенно видел!

– Ну, просите, просите... Только предупредите сразу: губернатор, мол, много времени уделить не сможет – крайне занят!

Сорокин понимающе кивнул и исчез. Не прошло и минуты, как дверь снова распахнулась, и на пороге появился господин средних лет в черной паре и с модной столичной тросточкой в левой руке. Это был не кто иной, как Агасфер. Поклонившись, он негромко представился:

– Титулярный советник Бергман. Инспектор Главного тюремного управления Министерства юстиции. Имею честь представиться по причине своего отбытия из вверенного вашему высокопревосходительству округа...

– По Министерству юстиции служите, господин Бергман? – не совсем вежливо перебил Горемыкин. – А почему без мундира, милостивый государь? Или в Министерстве юстиции сие при визите к первому лицу, осуществляющему распорядительные функции в округе, считается необязательным? И почему, собственно, по отбытию, а не по прибытию в мой округ?!

– Потому что я, ваше высокопревосходительство, на самом деле не по Министерству юстиции служу, – улыбнулся посетитель, доставая из кармана конверт и подавая Горемыкину извлеченную из него карточку с золотым обрезом:

Предъявитель сего является личным секретным порученцем военного министра генерал-адъютанта Куропаткина, со всеми вытекающими из сего полномочиями. Имеет право входа в Главный штаб в любое время суток. Содействие предъявителя сего всеми офицерами и генералами

РА выполняется по его первому требованию, об отказе в содействии докладывается лично военному министру.

(подпись) Куропаткин

Машинально взяв в руку карточку, Горемыкин бросил на нее взгляд и невольно подтянулся. Вернувшись к своему рабочему столу, надел очки и внимательно изучил подпись военного министра. Он практически еженедельно получал из Петербурга циркуляры, приказы и распоряжения с этой размашистой подписью, поэтому ему не было нужды сравнивать ее с оригиналом.

– Прошу садиться! – кашлянув, произнес Горемыкин. – И извольте объясниться, господин титулярный советник Бергман. Насколько я понимаю, вы изволите быть тайным ревизором военного министерства? Полковник Сапрыкин, начальник контрразведывательного отделения округа, знает о вашей миссии?

– Никак нет, ваше высокопревосходительство, не знает.

– А почему, позвольте осведомиться?

– Я действую согласно полученным мной указаниям военного министра Куропаткина, ваше высокопревосходительство.

– То есть шпионите за своим же братом, офицером? – криво усмехнулся генерал. – Ну и как у вас получается, господин Бергман?

– Боюсь, что неправильно понят вашим высокопревосходительством.

– Что ж тут может быть непонятного? – снова усмехнулся генерал-губернатор. – Совершенно очевидно, что и среди офицеров есть люди, которым доставляет удовольствие узнавать гадости про своих товарищей и фискальничать. Вот вы, к примеру: надели на себя, с позволения сказать, чужую личину, вошли в доверие к офицерам моего округа, что-то выпытывали, подслушивали, надо полагать... А перед отъездом пришли ко мне и будете теперь открывать мне глаза на моих подчиненных и боевых товарищей. Если, конечно, парочку доносов в Санкт-Петербург уже не отправили... Чего ж сразу-то по приезду не явились? Чтобы все по-честному было? Кстати, вы давно в Иркутске?

– Почти полгода... Так вы позволите изложить цель моего визита, ваше высокопревосходительство?

– Излагайте. Раз уж явились, господин как вас там... Бергман? Только умоляю: покороче!

– Должен для начала признаться, ваше высокопревосходительство, что Бергман – не более чем мой рабочий псевдоним. Во-вторых, Иркутский военный округ – не главная моя цель. Скорее, промежуточная. Вынужденная, можно сказать. Я гвардейский офицер и служу в Разведывательном отделении Главного штаба. Надеюсь, вы, ваше высокопревосходительство, слышали об этой новой структуре? И о внимании, которое уделяется нашей деятельности командованием и лично... Гм...

– Только в самых общих чертах. Тема «рыцарей плаща и кинжала» более, по моему разумению, подходит для развлечения скушающих дамочек и всякого рода романтических личностей. А у меня работа, сударь! Огромный массив более *прозаической* работы...

– Не сомневаюсь, ваше высокопревосходительство. Уверен, что в Петербурге высоко ценят неутомимую службу...

– Перестаньте, милостивый государь! Я не нуждаюсь в комплиментах подобного рода, да еще и от... от...

– ...шпиона, – невозмутимо закончил Агасфер. – Тем не менее я, с вашего позволения, или без оно, продолжу. В Иркутск я прибыл с документами инспектора Главного тюремного управления, потому получил приказ освоить совершенно новое для меня дело. Затем мне предстоит выполнить главное задание моего начальства. Попутно меня настоятельно просили осмотреться, так сказать, и в Иркутске.

– В каком смысле, простите, – *осмотреться*? – В последнее слово генерал вложил весь сарказм, на какой был способен.

– Иркутск – одна из ключевых точек на Транссибирской железной дороге. И единственная ниточка, связывающая центр России с Дальним Востоком. Главный штаб, вам должно быть это известно, рассматривает Японию как одного из наиболее вероятных военных противников. Причем в ближайшее время. И весьма обеспокоен ее активностью...

– Ах, оставьте, милостивый государь, эту многозначительность, основанную, как мне чудится, на досужих сплетнях бездельников! Я читаю, представьте себе, отчеты и донесения наших военных атташе, в том числе из Японии, в которых черным по белому писано, что эта страна и ее армия будет представлять сколько-нибудь реальную опасность не ранее как лет этак через 15–20.

– Я тоже читал эти отчеты, ваше высокопревосходительство, – улыбнулся Агасфер. – Ну а что вы скажете на это?

Сделав небольшое усилие, он отцепил от левой руки трость, достал из портфеля, висевшего на длинном ремне через плечо, коричневую папку и со всей возможной почтительностью положил ее перед Горемыкиным. Тот брезгливо подцепил карандашом крышку папки и начал читать. Не дочитав, однако, и до половины, Горемыкин встал, опершись обеими руками о раскрытую папку и, задыхаясь от негодования, спросил:

– А позвольте у вас осведомиться, милостивый государь, каким образом к вам в руки попали эти секретные документы?! Большая их часть находится у меня в надежных сейфах, и если покидает их, то сие происходит под строжайшим контролем!

Агасфер хмыкнул:

– Все документы из этой папки имеются в распоряжении японских шпионов, которых в Иркутске едва ли не больше, чем в Петербурге, ваше высокопревосходительство! Не будучи сильно обременен своей инспекторской деятельностью на ниве Главного тюремного управления, я уже пять месяцев беру уроки японского языка у местных японцев. Вернее сказать, у двух резидентов японской разведки. Одного из них вы, ваше высокоблагородие, несомненно, знаете. Это господин Косайдзи, открывший в Иркутске фотоателье примерно два года назад. Я видел у него, кстати, ваш портрет с семейством на парадном месте в студии.

Горемыкин смутился:

– Ну и что с того, что у него висит моя фотография? Он делает отличные снимки, и весь город это знает...

– А вот чего вы, ваше высокопревосходительство, не знаете, так это того, что фотограф Косайдзи является резидентом японского общества «Гэньёся» и выпускником «Школы русского языка» в японском городе Саппоро. Учеником самого Макано Дзиро⁴, проехавшим всю Россию с разведывательной миссией в 1897 году. Должен вам заметить, ваше высокопревосходительство, что с дозволения своего начальства и для пользы дела я позволил себя завербовать и получаю неплохие подачки за то, что хожу в офицерский клуб Иркутского военного округа и подыскиваю кандидатуры для господина Косайдзи. Правда, до сих пор рекомендованные мной офицеры его разочаровывали: они либо не знают военных тайн, либо категорически отказываются от сотрудничества с японцами. Так что Косайдзи даже грозит снять меня с довольствия как неумеху, – рассмеялся Агасфер.

– Невероятно! – прошептал Горемыкин, еще раз проглядывая папку с документами. – Вы хотите уверить меня, что знаете предателей в штабе, которые позволили умыкнуть у меня из-под носа секретнейшие документы и передать их этому, как его – Косайдзи?!

⁴ Подлинное имя японского разведчика и руководителя тайного полугосударственного тайного общества. На рубеже веков в Японии существовало немало подобных обществ, созданных для подготовки шпионов со знанием русского, корейского и китайского языков.

– Не всех, к сожалению, – признался Агасфер. – Господин Косайдзи – очень осторожный человек. Но пять-шесть человек я мог бы вам назвать, ваше высокопревосходительство. Остальных, полагаю, можно вычислить по характеру представленных здесь документов. Сделанные мной пометки на каждом из них означают время, когда они поступили в распоряжение японского резидента. Сопоставьте это время с временем работы над этими документами офицеров своего штаба – и все, надеюсь, будет понятно.

– Невероятно! – повторил Горемыкин. – Однако позвольте, господин Бергман: вы сами упомянули, что японские шпионы весьма осторожны. Как же вам удалось снять копии?

– Бог наградил меня необычайной памятью и способностями к запоминанию, которые мне удалось развить, ваше высокопревосходительство. Извольте убедиться сами: дайте мне на несколько минут любой документ с вашего стола или книгу – и я запомню и повторю прочитанное слово в слово...

Недоверчиво ворча, Горемыкин вручил посетителю подробный план прошлогодних маневров войск округа. Он продолжал недоверчиво улыбаться, видя, как тот быстро перелистывает страницы. Перелистав документ, Агасфер пожал плечами и вернул его генералу:

– С какой страницы прикажете цитировать, ваше высокопревосходительство?

Генерал наугад раскрыл топографическую часть отчета:

– С шестьдесят пятой страницы извольте...

– С шестьдесят пятой, – Агасфер нахмурился, полужакрыл глаза и начал монотонно воспроизводить только что просмотренный документ. Следивший за текстом Горемыкин скоро захлопнул папку и с восхищением уставился на посетителя:

– А таблицы, графики, тексты на иностранных языках – тоже умеете?

– Таблицы и графики занимают чуть больше времени, – признался Агасфер. – То же касается и любого незнакомого мне языка...

Горемыкин встал:

– Надеюсь, милостивый государь, вы простите мой скепсис и несколько резких выражений, допущенных мной в начале нашей беседы. Однако вы должны меня понять – не каждый день, знаете ли, приходится встречаться с подобным. Чем могу быть вам полезен, э... Вот черт, знаю, что вы офицер, причем весьма необычный – а вынужден называть вас сударем или милостивым государем! Вы действительно не имеете право представиться по чину – даже мне, генералу от инфантерии?

– Счел бы честью. Но увы, ваше высокопревосходительство! – покачал головой Агасфер. – Просьб и пожеланий также не имею. А вот кое-что рекомендовать вам рискну. Или попросить – как вам будет угодно. Первое – предатели. Избавляться от них, безусловно, необходимо, но, умоляю, без лишнего шума и трибуналов. Найдите возможность перевести их на должности, где они будут лишены доступа к секретным материалам. Очень аккуратно, по одному – чтобы не спугнуть японских резидентов. Капитана Захарчука можно и арестовать со всеми вытекающими из этого последствиями – произведя у него на квартире негласный осмотр. Я уверен, что он хранит копии секретных документов дома.

– Будет сделано, – заверил Горемыкин. – Что еще?

– Кругобайкальская ветка железной дороги, предмет вашего личного кураторства, ваше высокопревосходительство. Для ее строительства нанимаются в основном рабочие-японцы. Наши инженеры довольны их дисциплинированностью, отсутствием пьянства и аккуратностью. Однако есть основания полагать, что все эти «рабочие» – военнослужащие-резервисты, а их десятники – унтер-офицеры. Не хочу пугать ваше высокопревосходительство, но хорошо бы усилить контроль за их работой. Не исключая возможность вредительства и даже диверсии в случае войны с Японией. Что-то вроде бомб замедленного действия. Необходимо также

тщательно следить за отселением из полосы отчуждения⁵ всех лиц монголоидной расы – и не только их.

– Эх, батенька, это все гораздо легче запланировать, чем сделать, – посетовал Горемыкин. – Система полицейского надзора в моем округе довольно сложна. Помимо общей и жандармской полиции, в губернии действует ряд специализированных и вспомогательных охранительных формирований. В 1900 году вместо казачьей полиции, содержащейся за счет золотопромышленников, на золотых приисках была учреждена горно-полицейская стража. Реформирование горной полиции преследовало своей целью вывести ее из материальной зависимости от золотопромышленников. Комплектование горно-полицейских команд велось добровольцами, отслужившими действительную военную службу. В целом они удовлетворительно справлялись со своими обязанностями, главной из которых являлась борьба с хищением и другими незаконными способами приобретения золота. А что касается полиции сыскной, то тут дело плохо! Сыскарей в Иркутске, насколько я знаю, меньше десятка, причем половина – городовые, умеющие только «праздничную» мзду собирать. А тут еще политическая полиция... Кому железную дорогу-то охранять?

– Обещаю, что в первой же докладной записке поставлю свое начальство в известность о сложившейся ситуации. Думаю, дело сдвинется. – Агасфер встал, взялся за трость. – Ну а засим – честь имею, ваше высокопревосходительство!

– Спасибо, батенька! Куда дальше-то двинете, ежели не секрет?

– Всех планов и задумок моего начальства я просто не знаю, – уклонился от прямого ответа Агасфер. Однако, не желая обижать недоверием генерала, решился сказать часть правды: – скажем так: далее на восток, ваше высокопревосходительство. Здесь я ожидал вскрытия рек и прохода по ним основных льдов. Ну, теперь, слава богу, вроде препятствий нет. За пару недель доберусь на почтовых до Сретенска, а там уже по воде, пароходиками. Знающие люди говорили, что от Сретенска до Благовещенска 1200 морских миль, а до Хабаровки⁶ около двух тысяч. За месяц доберемся, ежели Бог даст. Надеюсь, вы понимаете, что мой маршрут является государственной тайной. А ежели кто будет особо интересоваться – можно сказать, что, по вашим сведениям, мы направляемся в Китай.

– Так вы не один?

– С супругой, ваше высокопревосходительство, – улыбнулся Агасфер.

Горемыкин покачал головой:

– Места тут дикие, необжитые. Особенно в Забайкалье. Не страшно за супругу?

– Она у меня храбрая, хоть и смолянка!⁷

– Погодите-ка! – Горемыкин выбрался из-за стола, быстро достал из шкафа многозарядный маузер⁸ и винчестер⁹, протянул оружие гостю. – Надеюсь, от такого подарка не откажетесь, господин офицер?

– Не откажусь, – кивнул Агасфер. – Покорнейше благодарю, ваше высокопревосходительство.

Горемыкин смущенно кашлянул:

⁵ Полоса отчуждения КВЖД – отведенные по контракту 1896 г. земли для постройки и эксплуатации дороги. Под станционные поселки земли отчуждались по мере практической надобности. В полосе отчуждения допускалось строительство служебных помещений и даже жилых домов для обслуживающего персонала.

⁶ Так в начале XX века назывался нынешний Хабаровск.

⁷ Так называли девиц, получивших образование и воспитание в Смольном институте благородных девиц.

⁸ 10-зарядный пистолет. Одна из причин популярности пистолета Маузера – его огромная по тем временам мощность. Пистолет позиционировался как легкий карабин, чем он в сущности и являлся: деревянная кобура использовалась в качестве приклада, а убойная сила пули заявлялась на дальность до 1000 м.

⁹ Обычно под названием «винчестер» подразумевают наиболее популярную модель 1866 г. Первые рекламные объявления гласили, что опытный стрелок мог израсходовать магазин винтовки за 15 секунд. Это говорит о том, что у этой винтовки была высокая скорострельность – около 60 выстрелов в минуту.

– Я гляжу, у вас левая рука не того... Освойтесь с винчестером-то?

– Не сомневайтесь.

– Так, может, нынче вас подвезти до дома? С таким-то грузом?

– Благодарю, не стоит афишировать мое близкое знакомство с генералом от инфантерии! Вот если бы вы были столь любезны распорядиться доставить свои поистине бесценные подарки ко мне на квартиру – был бы премного обязан! И, если это возможно, взял бы на себя дерзость попросить для переправы через Ангару ваш личный катер. Дело в том, что моя супруга э... в интересном положении, и рисковать лишний раз не хотелось бы.

– О чем речь, батенька! Берите, ради бога. Когда понадобится, тогда и берите! Протелефонируйте моему адъютанту, Сорокину – я распоряджусь!

Агасфер написал на поданном генералом листе бумаги свой адрес и, поклонившись, вышел.

– Долго же вы, Александр Дмитриевич, этого штафирку своим обществом баловали, – немедленно просунулся в кабинет штабс-капитан Сорокин. – Матвей готов, я лично проследил, чтобы две печурки с древесным углем в экипаж поставил! Домой-с изволите отправляться?

– Домой, домой! – ворчливо отозвался Горемыкин. – Возьми-ка вот этот адресок, отправь по нему с нарочным мои подарки! Кстати, я обещал дать ему для переправы катер. Когда он протелефонирует в штаб – лично проводишь.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Ого! – Сорокин завистливо поглядел на маузер и винчестер. – Чем же вас этот субъект прельстил, позволю спросить?

– Это, брат, не статская штафирка, а офицер. Побольше бы таких у меня в округе, а не свистоплясов вроде тебя!

Сорокин поджал тонкие губы. Подавая генерал-губернатору шинель, он нарочито-равнодушно поинтересовался:

– Чем же он лучше-то, Александр Дмитриевич? Уж на что я стараюсь, так стараюсь каждое ваше, даже невысказанное желание выполнить...

– Обиделся? Ничего, это полезно, брат! А человек, которого ты «штафиркой» называешь – настоящий боевой офицер! Выполняет секретное задание Генштаба, поэтому и под чужим именем живет. И своей жизнью, полагаю, часто рискует!

И Горемыкин в порыве откровенности по дороге к экипажу рассказал адъютанту кое-что из того, что услышал от своего посетителя. Сорокин слушал очень внимательно, и уже у самых парадных дверей позволил себе чуть придержать генерала за рукав:

– А я бы все же шифровочку насчет нашего героя отправил в Генштаб! Мало ли! Так и так, мол: располагает ли такой-то объявленными полномочиями?

– Отправляй! – разрешил генерал. – Можешь моим именем подписать!

– Ваше высокопревосходительство, шифровка из Иркутска, от генерал-губернатора Горемыкина. Сейчас принести или в папочку со входящими на завтрашнее утро положить?

Куропаткин поднял на порученца усталые, в красных прожилках, глаза. Несколько мгновений военному министру понадобилось для того, чтобы сопоставить географическое понятие и полузабытое имя. Сморгнув, он кивнул:

– Немедленно!

Прочитав расшифрованный текст, он распорядился:

– Шифровальщика ко мне!

Когда через несколько минут бледный от недосыпания офицер в круглых очках и с шифровальным блокнотом в руке скользнул в кабинет военного министра, тот уже сформулировал в уме короткий и точный ответ.

– Пишите: *«ИВО, Горемыкину. Офицер, представившийся вам Бергманом, является моим особо доверенным лицом. Особая примета: отсутствие кисти левой руки. Приказываю оказывать Бергману все требуемое ему содействие. Конечный маршрут его следования сохранять в строжайшей тайне. Куропаткин»*. Отправьте немедленно!

Усадив генерал-губернатора в экипаж и погрозив кучеру Матвею кулаком: смотри, мол, у меня! – штабс-капитан Сорокин, насвистывая мелодию из модной оперетки, вернулся в резиденцию. Составил шифровку в Петербург насчет полномочий последнего посетителя Горемыкина, отдал ее офицеру-шифровальщику с наказом отправить незамедлительно. Привел свой рабочий стол в порядок: убрал секретные документы в сейф, а бумаги попроще разложил по папкам и сложил их стопочкой. Завтра они лягут на стол генерал-губернатора.

Покончив с делами казенными, штаб-капитан потер ладоши и счел себя вправе заняться делами личными. Отперев особый ящик в своем столе, он достал оттуда стопку надушенных конвертов и визитных карточек от известных иркутских дам-сердцеедок, выпятив нижнюю губу, перебрал их, выбирая на сегодня ту, которая поможет скрасить ему длинный вечер. А может, и не только вечер – Сорокин был убежденным холостяком и не считал короткие романы и интрижки с местными дамами чем-то из ряда вон выходящим.

Он перетасовал визитные карточки еще раз, опытным взглядом выбирая наиболее перспективных в «ночном отношении» партнерш на сегодня – таких оказалось совсем немного, ежели не считать замужних дам, чьи супруги в настоящее время находились в длительных отлучках и деловых столичных поездках. Интрижки с замужними дамами, конечно, прибавляли в жизни перчику, но были делом рискованным. Причем опасность таилась не столько в неожиданном возвращении грозных и ревнивых супругов, сколько в болтливых язычках самих дам.

Определившись с «ночным» вопросом, Сорокин стал раскладывать из оставшихся карточек последний «пасьянс», который он для себя именовал культурно-финансовым. Приятный вечер с продолжением предполагал для начала какую-то культурно-развлекательную программу, и вот здесь надо было крепко подумать.

Две дамы из последнего «пасьянса», мадам Василькова и совсем молодая вдова коммерсанта Леннера, были наиболее перспективны в смысле «продолжения». Однако их придется вести в модные магазины и неизбежно покупать подарки. Одним из самых крупных магазинов в Иркутске того времени был «Пассаж» на Пестеревской улице. Здесь кавалеры приобретали в подарок дамам часы, золотые и серебряные безделушки. Одежду, ткани, большой выбор мужского и дамского белья, галстуки, батистовые платки, шубы, обувь и большой выбор различных мануфактур предлагал магазин Кальмера.

Некоторые просвещенные дамы, считающие, что лучший знак памяти – книга, вели кавалеров в «Книжную торговлю Синицина». Но, увы, таковых в «коллекции» штабс-капитана Сорокина не было. Не было в этой «коллекции» и любительниц посещения зоологического сада Сутормина с панорамой и фонографом. В этом жалком зверинце было всего-навсего несколько видов попугаев, обезьян, аллигатор, два дикобраза и какой-то странного вида медведь, которого хозяин именовал хоботовым.

Не стоило сбрасывать со счетов и непременною прелюдию к продолжению вечера – посещение одного из модных ресторанов города. Иные дамы, словно проверяя кавалеров на щед-

рость, норовили затащить их в дорогие заведения, а из меню неизменно выбирали самые дорогие блюда и вина. К сожалению, две дамы из последнего «пасьянса» были именно такого типа.

А с наличностью нынче у Сорокина было негусто, так что он со вздохом положил визитки мадам Васильковой и вдовицы Леннер в общую стопку. И тут же вспомнил про еще одну даму, чей визитки в его коллекции, к сожалению, не было – мадам Серафима Бергстрем!

Дамочка была, правда, из ссыльных, но, спасибо хоть, не по политической линии! Сорокина представили ей на одном из новогодних благотворительных базаров. Потом было несколько прогулок по городу – пешком и на выпрошенном у генерал-губернатора моторе. В ресторациях мадам вела себя, не в пример прочим, скромно, кавалера на размер кошелька не проверяла. А у Сорокина, как нарочно, нынче имелся пригласительный билет на сегодняшний знаменитый прием иркутского миллионщика Сиверса, чей особняк располагался на Тихвинской площади. На балах у миллионщика присутствовало только избранное общество: богатые золотопромышленники, штабные офицеры в полной униформе, железнодорожные инженеры из столицы, нарядные дамы. Иногда туда заглядывал и генерал-губернатор. На балконе зала для танцев располагался полковой оркестр, а у фонтана в большом зимнем саду, освещенном гигантскими китайскими фонарями, весь вечер играл струнный оркестр.

Итак, решено: мадам Бергстрем и бал у Сиверса!

Сорокин ножничками поправил перед зеркалом усы, надушил их специальной помадой. Проверил перед зеркалом четкость пробора и протелефонировал в штабную конюшню, вызывая разгонный экипаж. По дороге к даме он собирался выполнить поручение генерал-губернатора и отвезти его подарок этому странному однорукому калеке.

Мероприятие с мадам Бергстрем, правда, чуть не сорвалось: у нее гостили приезжие путешественники из Германии. Однако у них хватило такта не напрашиваться за компанию к Сиверсу. Невнятно пробормотав свои имена, они сослались на усталость с дороги и поспешили укрыться в одной из дальних комнат дома, снимаемого мадам у купеческой вдовы.

Мадам весьма обрадовалась приглашению к Сиверсу. Она была весела, оживлена и потратила на сборы и переодевание не более получаса. Зато наличие гостей в доме испортило настроение штабс-капитану: проклятые путешественники, похоже, поставили крест на продолжении столь многообещающего вечера.

Хмурость Сорокина не укрылась от мадам Бергстрем. Еще в экипаже она просунула руку под его локоть и почти пропела:

– Ах, мой бедный Николя! Хотите, я угадаю причину вашей внезапной озабоченности?

Тот попытался уверить очаровательную Серафиму, что вовсе ничем не озабочен. Но мадам лишь тихо рассмеялась:

– Пригласив меня на бал, вы, Николя, наверняка рассчитывали закончить вечер в моей уютной спальне. Молчите, несносный! – перебила она смущенного прозорливостью штабс-капитана, попытавшегося возразить. – Но вы плохо знаете женщин, особенно таких, как я! Если ваш Сиверс с его балом мне понравится – считайте себя приглашенным на другой бал! Бал Любви!

– Но как же ваши гости? – пролепетал Сорокин, шалея от страсти и покрывая холодные руки мадам поцелуями.

– А какое нам до них дело? – засмеялась Серафима. – И что им до нас?

Сиверс, как говорится, не подвел: музыканты старались вовсю, в парадном зале и даже в зимнем саду кружились пары. Мадам Бергстрем была в полном восторге и не замечала косых взглядов и презрительных улыбок местных дам, для которых статус ссыльной красавицы не был тайной.

– Я непременно добуду такое же приглашение на ближайший бал-маскарад! – пообещал Сорокин. – Говорят, что маскарады здесь превосходят столичные! Кстати, о маскарадах: не далее как сегодня я имел сомнительное удовольствие познакомиться с человеком, для кото-

рого вся жизнь – маскарад. Представляете, Серафима, он явился нынче к моему шефу в статском, хотя служит по линии Министерства внутренних дел. Не успел мой старикан выговорить визитеру за нарушение регламента, как выяснилось, что этот калека – вовсе не тюремщик, а боевой офицер! Предъявил мандат от самого Куропаткина, представляете?!

– Калека – и боевой офицер? – удивилась Серафима.

– Представьте себе! У него вместо левой кисти – протез! Мой шеф был так растроган, что подарил ему прекрасное оружие, которое ваш покорный раб завез к нему на квартиру.

Мадам Бергстрем едва не сбилась с такта, но вовремя взяла себя в руки и лишь переспросила:

– Вы сказали, Николая, у этого калеки нет левой руки? Ему лет сорок, и на щеке у него длинный шрам? Его имя – Берг?

– Немного длиннее – Бергман, по-моему. А вот шрама я что-то не приметил, – покачал головой Сорокин. – А вы что – знакомы?

– Петербург – это, в сущности, тоже большая деревня, где все друг друга знают, – заявила мадам. – Разумеется, мы давние знакомые и даже друзья! Но... Неужели вы ревнуете, Николая?

– Может, и приревновал бы, если бы этот субъект не покидал Иркутск в самое ближайшее время. Он, насколько я понял, ожидал здесь лишь вскрытия Ангары. Мне, кстати, поручено лично обеспечить его переправу на катере генерал-губернатора!

Усмехнувшись про себя, Серафима Бергстрем подумала: какой шок произвело бы на этого усатого индюка известие о том, что своей ссылкой она по большому счету обязана именно этому калеке. И еще она подумала о том, что ее немецкие гости прибыли в Иркутск очень вовремя!

– А вот я никогда не каталась по Ангаре, да еще на катере его высокопревосходительства, – вздохнула Серафима.

– О чем речь, моя прелесть?! Когда надо будет переправлять вашего друга, я пришлю к вам нарочного с запиской. Думаю, ваш друг не будет возражать против такой очаровательной спутницы!

Удаляясь от резиденции генерал-губернатора Горемыкина, Агасфер поднял воротник пальто и поглубже надвинул на лоб шляпу: пронизывающий ветер с Ангары поставил крест на запланированной было прощальной прогулке по городу и вынудил его свистнуть извозчика. Жительство он имел на казенной квартире, в «тюремной слободке», неподалеку от знаменитого на всю Россию Александровского централа. Вместе с супругой Настенькой, без сожаления оставившей Петербург, «инспектор Бергман» занимал небольшой домик о трех комнатах, стоявший в ряду таких же, похожих, ровно близнецы, казенных квартир, в которых проживали тюремные чиновники.

Сам Александровский централ располагался в ложбине между двух высоких гор. В центре – двухэтажное здание из темно-красного кирпича, фасад которого выходил на тракт.

Под крышей над главным входом – большая полуовальная вывеска с позолоченным двуглавым орлом. Над ним – надпись: «Александровская центральная каторжная тюрьма».

Централ был знаменит, без преувеличения, на весь мир. Заключение попадали сюда из петербургских Крестов, московской Бутырки, варшавской Цитадели, Метехского замка в Тифлисе и других казематов. Одни надолго застревают в здешних камерах, для других централ был лишь этапом на тернистом пути каторжан. Тюрьма пережила смену множества методов воспитания, политических режимов, да и самих хозяев зданий.

Совершив первый свой инспекторский обход централа, Агасфер немало подивился его устройству и порядку. Эта тюрьма не отличалась строгостью режима, и арестанты чувство-

вали себя здесь вольготно. Каторжане могли отлучаться из тюрьмы даже в Иркутск, для уголовников был смягченный режим, хотя по их спинам и погуливали розги, практиковался карцер, а руки и ноги порой сковывали кандалы...

Своеобразная революция тюремного перевоспитания преступников в центральном, как рассказали «инспектору», произошла в 1880-е годы, когда начальником централа здесь стал некто Сипягин. Чуть позже его произвели в должность иркутского тюремного инспектора, а на его место пришел Лясотович, продолживший и развивший политику своего предшественника. С появлением в Александровской тюрьме этих двух либералов ее каторжный режим коренным образом изменился: вместо системы, основанной на наказании преступников, появилась тенденция к их исправлению гуманным путем.

Розги, кандалы и даже карцеры исчезли. Начальство сделало все возможное, чтобы организовать работы, в которых арестанты были бы заинтересованы. Возник целый ряд мастерских, прибыль с которых шла на улучшение положения арестантов, а третья часть заработка копилась, записывалась на их счет и выдавалась сидельцам по отбытии наказания. В санитарном и гигиеническом отношении тюрьма превратилась в образцовое учреждение.

Агасфер поплотнее закутал голову в башлык: продувало даже в крытом экипаже. С «коллегами» и тюремной администрацией «инспектор» поддерживал подчеркнуто-официальные отношения. Иркутяне, не особо скрывая, отчаянно завидовали заезжему из столицы светилу, над которым не было вездесущего начальства. Бергман приходил на службу в выделенный ему кабинет к восьми часам утра, обкладывался вытребованными с вечера бумагами и до обеда занимался ими. Как именно занимался, никто не знал. Строились различные предположения, из уст в уста передавались самые невероятные сплетни.

К полудню «инспектор» уходил, оставив тюремному делопроизводителю список потребных ему на следующий день справок и дел. Обычно он направлялся прямо домой, обедал, отдыхал, а остальное время до позднего вечера посвящал изучению японского языка, для чего шел к одному из обосновавшихся в Иркутске фотографов или владельцев прачечных.

Изредка «инспектора» видели в местном театре, купеческом или офицерском клубе. Везде он держался сдержанно, в споры не вступал, в друзья ни к кому не набивался.

Его супруга выходила в свет и того реже. Она приветливо принимала у себя соседских дам, делилась столичными рецептами стряпни, однако визиты вежливости отдавала через один. Не сплетничала, больше слушала и молча улыбалась.

В конце концов, на «инспектора» Бергмана и его супругу перестали обращать внимание и принимали такими, какие они есть.

...Агасфер выскочил из экипажа, кинул вознице полтинник и принялся вытирать калоши о железную решетку, прибитую, как и у всех соседей, к нижней ступеньке крыльца.

Супруга, Настенька Стеклова, потащила «Мишеньку Топтыгина» в столовую, по пути стаскивая с него башлык, шинель, калоши и сапоги, и торжественно усадила за стол, на котором красовался очередной ее кулинарный шедевр, приготовленный, как правило, под руководством прислуги, повара-арестанта. Осужденных женщин в Александровском центральном было крайне мало, и в прислуги-кулинары охотно шли по разнарядке вчерашние мошенники, грабители и даже убийцы. Бергманам, например, прислуживал молодой карточный шулер Константин, в свободное время развлекавший их карточными фокусами и прочими «пассажами и вольтами».

...На обед был сибирский борщ и куриные котлетки. А на «десерт» возле тарелки Агасфера лежало письмо из далекого, казавшегося отсюда призрачным, Петербурга.

Письма Настеньке приходили примерно раз в месяц, и всегда отправитель был один и тот же – Софья Быстрицкая, закадычная подруга еще со времен их совместного пребывания в Смольном. Эти письма Настенька каждый раз отдавала мужу с грустинкой в глазах, ведь на самом деле писала не подруга, и не ей. Автором сих посланий, переписанных аккуратным женским почерком, был начальник Разведывательного отделения Генштаба ротмистр Лавров.

Нынче Агасфер пораньше отпустил Константина, взял письмо, однако в спальню, где обычно расшифровывал корреспонденцию, направился не сразу. Усадив Настеньку на колени, он осторожно погладил ее округлившийся живот и пытливо заглянул в глаза, словно спрашивая: ну, скоро ли?

Жена обняла его за шею, догадливо спросила:

– Что, скоро нам дальше отправляться?

Агасфер молча кивнул:

– Я попросил у Горемыкина для переправы через Ангару его личный катер. Все-таки надежней, льды еще не все прошли...

Несмотря на то что газеты того времени взахлеб писали о европейском облике Иркутска, этот город на далекой восточной окраине России оставался еще во многом далеким от мировой цивилизации.

«Город, благодаря своему удачному местоположению и железной дороге, в торговом отношении занимает одно из видных мест среди городов Сибири, с каждым годом его население увеличивается, ежегодно появляется масса новых построек, – писали досужие репортеры. – Грязь на улицах, прежде достигавшая легендарных размеров, ныне отодвигается все дальше и дальше к окраинам. Главные улицы почти все замощены булыжником. На Большой улице местами имеется даже торцовая мостовая. Тротуары имеются на всех без исключения улицах, на главных – большей частью каменные или асфальтовые. Улицы прямые и широкие. Освещение окраин – керосиновое, при помощи фонарей Галкина и других систем, центр же освещается электричеством».

Не менее серьезным оставался и вопрос строительства постоянного моста через Ангару. Два раза в год осеннее и весеннее половодья отрезали город от прочего мира. Остро нуждающиеся вынуждены были переправляться через и без того опасную реку среди огромных льдин.

– И потом, милая, мы отправляемся в путь только через неделю. За это время почти все ледяные поля пройдут!

– А там эти ужасные почтовые тарантасы! – вздохнула Настя. – Впрочем, я слышала, что беременным женщинам такая тряска только на пользу. Укрепляются мышцы!

Поцеловав жену, Агасфер с письмом отправился в спальню.

После расшифровки письмо и вспомогательные коды отправлялись в пылающий камин – Агасфер запоминал содержание сообщений дословно и прятал где-то на дальней полочке своего мозга.

Дела в Петербурге оставляли желать лучшего. Для контрразведки Главного штаба ситуация осложнялась тем, что в острую конкуренцию с ней вступило новосозданное секретное подразделение Департамента полиции министерства внутренних дел – Отделение дипломатической агентуры. Не обходилось и без вездесущего Манасевича-Мануйлова.

Лавров, в частности, писал: «Опираясь на исключительные права Департамента полиции и располагая средствами, во много раз превосходящими средства Разведывательного отделения, упомянутая выше организация стала брать под надзор наблюдаемых нами лиц, перекупать наших или просто запрещать им служить нам, пытаться всячески препятствовать нашей работе, а затем начала вторгаться и в Главное управление Генерального штаба: перлюстрировать корреспонденцию офицеров и учреждать за ними наружное наблюдение. Разведывательное отделение, в конце концов, оказалось сжатым со всех сторон, вся наша работа перешла в режим самоохранения и лишь отчасти на выполнение отдельных поручений, специальная же деятельность свелась почти к одному формализму».

Агасфер знал, что Лавров боролся как только мог. Дело доходило до прямого противостояния директора Департамента полиции Лопухина и военного министра Куропаткина. Последний пытался апеллировать даже к молодому царю, давшему жизнь новому подразделению,

однако Николай II, ссылаясь на свою некомпетентность в разведке и контрразведке, постоянно уходил от решения вопроса в чью бы то ни было пользу.

В секретные дела супруга Настенька не лезла – довольствовалась тем, что была рядом с любимым.

Пока Агасфер возился с шифрами и кодами, прибыл посланец генерал-губернатора с огромным свертком. И когда Агасфер вышел наконец из спальни, Настенька с любопытством вертела в руках маузер.

– Осторожно, милая, он может быть заряжен! – Агасфер мягко забрал у жены оружие, взвесил его в руке. – Хочешь, я научу тебя стрелять? Это весьма полезно для нашего путешествия!

Ретроспектива 1

(август 1886 г., Новгород – Одесса)

...Над тюремным корпусом Новгородского острога, двухэтажным зданием с четырьмя круглыми башнями по углам, суетливо чертили небо крикливые вороны. Больше всего птиц было у центральной части корпуса – над встроенной церквушкой, увенчанной небольшой звонницей. На первом и втором этажах левого и правого крыла острога были размещены общие камеры, в башнях – одиночные. В подвальном помещении, непосредственно под церковью, архитектор предусмотрел карцеры. Тюремный дворик был примечателен изрядным количеством хозяйственных построек: сараюшек, амбаров, караульни, кузницы. Здесь же размещался больничный барак и конюшня. На внешнем дворе чернели сырые деревянные бараки для политических заключенных и пересыльных арестантов.

Двухэтажный арестантский корпус вполне соответствовал требованиям закона о размещении заключенных по роду преступления. В нем имелись отдельные камеры для мужчин, женщин и несовершеннолетних. Официальные лица, инспектировавшие тюрьму, отмечали, что в тюремных помещениях острога от сырости воздух «крайне изнурительный и вредный для здоровья».

Помимо центральной, были еще четыре лестницы, расположенные в башнях. Они позволяли, минуя главный вход, попасть из любой части корпуса в специальные огороженные дворики, предназначенные для прогулок заключенных. Все это должно было препятствовать общению различных групп арестантов.

В административном корпусе, рядом с въездом на тюремный двор, находились кордегардии (караульные помещения), комнаты для вновь поступающих арестантов и квартира тюремного смотрителя. Основные хозяйственные постройки (баня с прачечной, конюшня, погреб-ледник) примыкали непосредственно к ограде, в двух углах которой, с внутренней стороны, находились каменные будки-караульни.

В здешних камерах, рассчитанных на 12–15 человек, во время пересылки «утрамбовывалось» до 300 душ – мужчин, женщин, подростков. Люди спали буквально друг на друге. Для отправления естественных потребностей арестантов выпускали во внутренний дворик один раз в сутки, на полчаса. Надо ли говорить, что скверная пища чаще всего не позволяла людям дожидаться этих несчастных 30 минут, и под ругань и пинки сокамерников вынужденные естественные отправления совершались здесь же, в страшной тесноте и ужасной атмосфере.

Начальник острога, узнав, что среди поступивших под его опеку новичков есть знаменитая на всю Европу Сонька Золотая Ручка, решил «развлечься» и распорядился поселить ее в 16-ю камеру, где в атмосфере относительного комфорта обретались шестеро «иванов» – страшных убийц и садистов, которых боялся весь уголовный мир.

Когда тяжелая дверь камеры захлопнулась за Сонькой, арестанты побросали карты и ошарашенно уставились на неожиданное видение. Переглянувшись, начали вставать.

– Робя, глянь, какой подарочек нам начальник подкинул!

Двое проворно соскочили с нар, снимая на ходу штаны и готовясь «принять подарочек». Сонька не двигалась с места, лишь пепелила присутствующих презрительными взглядами.

– Ты кто такая будешь? – для порядка поинтересовался старшой камеры, глядя, как товарищи деловито сдирают с Соньки юбку и примериваются к соитию.

– Я – Сонька Золотая Ручка. А ты – хам! А вы – ну-ка, спрячьте поскорее в штаны свои «сокровища», пока не простудились!

– А ну, стой, робя! – рявкнул со своего места старшой. – Не трогай бабу! Ты что, и вправду Сонька?

– А то не видишь! – огрызнулась та, еле живая от страха.

Через пару минут обстановка в камере разительно изменилась. Соньке освободили лучшее место, накрыли армяками угол с собственными экскрементами и отгородили тряпками угол для нужд Соньки. Достали и порезали суровой ниткой соленое сало, выудили откуда-то свежую сайку и несколько вареных яиц.

Начальник острога, ожидавший увидеть через глазок совершенно другое, выругался и возжелал было немедленно «восстановить статус-кво» – переселить Соньку в одну из общих камер. Однако его заместитель отсоветовал:

– Нешто бунта хотите, господин начальник? Ежели Соньку *эти варнаки* признали, то любое наше покушение на ее личность будет расценено ими... очень плохо! Бунт непременно начнется – а оно нам надо?

Бунта начальник, естественно, не желал. А потому только плюнул и постарался запятать досаду поглубже. А Сонька так и осталась в 16-й камере, пользуясь неуклюжим вниманием и почтением свирепых «иванов» и изредка развлекая их скудными рассказами о своих прежних похождениях. Так и скоротали время до весны. А в мае следующего года Главное тюремное управление спустило приказ об отправке значительной части арестантов в Одессу, для отправки на каторгу морем.

Софью Блювштейн (в девичестве Шейндля-Сура Лейбова Соломониак) привезли в солнечную Одессу в специальном тюремном литерном поезде № 2-бис. Вместе с ней из пересыльных камер Нижегородского острога¹⁰ прибыло два десятка женщин-арестанток. Женщин вывели из вагона, около часа подержали на ногах в тупике, пока не подошло еще два литерных тюремных поезда. Тогда всех арестанток согнали в один вагон, возле которого наспех была сооружена будочка для отправления естественных надобностей, и опять велели ждать. Всего арестанток женского пола оказалось 170.

Разнесли традиционные арестантские деревянные ящички с кусками вареной говядины и полуфунтовым ломтем хлеба. Арестантки с жадностью накинлись на еду: еще сутки-двое назад такая пайка показалась бы им сказкой!

– Теперь скорее бы на пароход! – то и дело слышалось вокруг. Но погрузка на пароход задерживалась...

¹⁰ Нижегородский окружной суд был последним в вольной жизни Соньки Золотой Ручки. Отправлять талантливую артистичную воровку в другие пересылки власти не пожелали: в статейных списках мадам Блювштейн слова «Крайне склонна к побегам!» были подчеркнуты двумя красными жирными линиями.

Для 170 женщин-каторжанок один из нижних тюремных трюмов парохода «Ярославль» пришлось переделывать.

Собственно, трюм для перевозки арестантов Марсельская судостроительная компания соорудила прямо над палубой машинного отделения. Вмещал он 800 «пассажиров». Однако когда «Ярославль» пришвартовался к Карантинному молу в Одессе, первая же комиссия Общества Добровольного флота, в состав которой входили представители Главного тюремного управления, легкомыслие французов забракowała.

– Помилуйте, господа! Это что же получается? Все восемьсот душ в одном помещении будут находиться?! Никак невозможно-с! А посты для караульных где, позвольте спросить? Случись, не приведи господи, бунт – этакая прорва арестантов, собранная воедино, будет совершенно неуправляемой!

Тюремщиков неожиданно поддержали опытные моряки-капитаны:

– А знаете ли вы, господа, что эти восемьсот душ, перебегая по команде сведущего в морском деле человека с правого на левый борт и обратно, буквально за несколько минут способны раскачать судно до его полного опрокидывания¹¹, то бишь опрокидывания?

Представители Марселя попытались возражать, с гордостью указывая на опоясывающие тюремный трюм вертикальные трубы с множеством отверстий по всей высоте.

– Messieurs, veuillez noter prévues des mesures contre une éventuelle émeute! Capitaine de navire il suffit de donner à l'équipe, et la vapeur de la chaudière de la machine à haute température (plus de 600 degrés Celsius instantanément de prison décourage pas niers désir de se rebeller! Ils seront soudés comme des cafards!¹²

– Что-с?! Вы предлагаете русским морякам роль палачей? – рявкнул, выступив вперед контр-адмирал из Комитета по устройству Общества Добровольного флота. Его побагровевшая физиономия была столь страшна, что французы предпочли поспешно укрыться за чужими спинами. – Сами сколько крови людской пролили во время своих революций, и нам предлагаете?!

Едва не вспыхнувший международный скандал общими усилиями погасили, контр-адмирала успокоили. Французы признали свою техническую ошибку и предложили за счет компании разделить тюремный трюм по всей его длине решетчатым коридором для пребывания в оном караульных матросов.

И вот – новая проблема! Капитан «Ярославля» Сергей Фаддеич Винокуров, получив разнарядку для перевозки на Сахалин 630 арестантов, в числе коих числилось 170 особ женского пола, немедленно отправился в Одесское агентство Комитета Общества Добровольного флота с мотивированным протестом.

– Как хотите, господа, а везти в двух трюмах попеременно мужчин и женщин я категорически отказываюсь! Для арестанток женского полу нужно изолированное помещение!

– Ну и что вы волнуетесь? – успокаивал капитана петербургский чиновник, киснувший в Одессе второй месяц и считающий дни до окончания своей служебной командировки. – У вас

¹¹ Оверкиль (англ. overkeel) – опрокидывание судна вверх килем (днищем). К искусственным причинам, приводящим к оверкилю, можно причислить ошибки управления судном, некорректный технический расчет остойчивости при проектировании судна, нарушение центра масс судна, вызванное неправильным расположением грузов, а также агрессивными действиями пассажиров.

¹² – Господа, обратите внимание на предусмотренные меры против возможного бунта! Капитану корабля стоит лишь дать команду, и пар из котлов машины с температурой более 600 градусов Цельсия мигом отобьет у арестантов желание бунтовать! Они будут сварены как тараканы! (фр.)

же на «Ярославле» два отдельных трюма? Вот и разделите арестантов! Мужики потеснятся в одном – не बारे, чай! Доплывут, небось...

Винокуров упрямо стоял на своем:

– Ваше превосходительство! Это же чистая математика! Будь мужиков-арестантов хотя бы на полторы сотни меньше – дьявол бы с ними! Можно было бы уравновесить разницу неравномерным размещением палубного груза – но в данном случае весь груз придется размещать вдоль одного борта! Это резко нарушит остойчивость судна даже в условиях плавания в спокойных водах. Однако маршрут «Ярославля» предполагает плавание в известных непогодой и частыми штормами морях!

– Да вы поймите, господин капитан! Литерные поезда с арестантами уже на пути в Одессу. Прикажете разворачивать их и везти арестантов обратно, в пересылки? Или оставить полторы-две сотни душ в Одесской тюрьме, и без того, по моим сведениям, переполненной?

– Пока арестанты не прибыли сюда, надо разделить один из трюмов на две неравные части, пропорционально числу лиц женского и мужского полу, – не унимался капитан.

– А за чей счет, позвольте спросить? Вы же не хуже меня понимаете, что переписка между Главным тюремным управлением и Обществом Добровольного флота займет не один месяц – никто не захочет брать на себя дополнительные расходы! А кормить арестантов нужно каждый день! Голубчик, да поставьте там какую-нибудь переборку из подручных материалов – и пусть плывут! Вам-то, простите, какое дело – чем арестанты будут на своей палубе заниматься? Лишь бы не бунтовали, да верхних пассажиров не пугали.

– Ваше превосходительство, вам самому-то не смешно? Деревянную переборку изголодавшиеся по бабам арестанты зубами перегрызут уже к концу первого дня пути! Начнут баб делить. Как? Известное дело, кулаками! А для капитана неприятности! Тем паче – с горе-караульными, про которых мне почему-то позабыли упомянуть! Не далее как вчера, ваше превосходительство, я случайно узнал, что Главное тюремное управление в видах экономии отказывается комплектовать «Ярославль» опытными караульщиками. И охранять мой «живой груз» будут два десятка обычных военных матросиков, которых перебрасывают по долгу службы во Владивосток! Они мне тут, полагаю, наохраняют! Что же мне – со старшим помощником вместо них караульную службу всю дорогу нести? Так и я этой службы не знаю... Не знаю, и знать, ваше превосходительство, не желаю!

Его превосходительство подавил зевок. Взятый Обществом курс на комплектование командного состава исключительно лучшими военными капитанами имел и свою оборотную сторону. Многие из назначенных капитанов плавали с известными во всем мире флотоводцами, были лично знакомы с членами императорской фамилии. На такого не рывкнешь, к порядку чинопочитания не призовешь. Нажалется своему покровителю – и прости-прощай теплое местечко!

Пришлось обещать принять самые срочные меры.

Хотя единственной срочной мерой в данном случае оставались деньги. Куда ни кинь, а надобно немедленно кидаться в ножки местным богатым, просить, умолять, вызывать к патриотизму...

Настроение у его превосходительства было напрочь испорчено.

Потом была медленная погрузка на пароход, предваряемая медицинским осмотром, сверкой «статейных списков» с их фигурантами, тщательным обыском отправляемых через два океана арестантов.

Личность Соньки Золотой Ручки привлекла на Карантинный мол Одесского порта не только зевак, но и десятки газетчиков, в том числе московских и петербургских. Да и прилич-

ная одесская публика пропустить такое зрелище, естественно, не могла. Имела место, разумеется, и описанная затем в сотнях публикаций дерзкая выходка мадам Блювштейн – та лихо срезала у подозревавшего легендарную мошенницу градоначальника Зеленого золотые часы. Которые, впрочем, тут же преподнесла их сконфуженному градоначальнику в подарок.

Выругавшись как грузчик с Привоза, но, сохраняя лицо, Зеленой криво улыбнулся аферистке, и под смешки и аплодисменты толпы похвалил ее за ловкость рук.

Соньку в числе остальных женщин определили в носовую часть левого трюма – позже капитан рвал на себе волосы за свою «галантность» – решение оборудовать женский арестантский отсек трюма именно в носовой части, куда входило парусиновое жерло вентиляционной шахты диаметром около сажени. Такое же жерло вентилировало правый трюм. Оба, разумеется, были разделены крепкими решетками – но какая решетка удержит изголодавшихся без женского полу и арестантов, и матросов!

Глава вторая

(май 1903 г., Иркутск – Забайкалье)

Выпроводив штабс-капитана Сорокина еще на рассвете, Серафима решила было еще поспать, однако ее чуткое ухо уловило тихий разговор «немецких путешественников», и сон как рукой сняло. Серафима накинула пеньюар и босиком по ледяным доскам пола направилась на голоса.

У двери комнаты, занятой гостями, она остановилась, прислушалась и удивленно подняла брови: немцы говорили по-русски! Стукнув в дверь костяшками пальцев, она тут же толкнула ее и вошла в комнату, освещенную двумя свечами.

Гости, лежавшие каждый на своей кровати, при неожиданном появлении хозяйки сели с напряженными лицами. У одного рука была засунута под подушку, второй успел достать своей револьвер. Узнав хозяйку, он нехотя спрятал оружие.

Одного из своих гостей мадам Бергстрем вспомнила, как только увидела. Немец или австриец, некогда он был связным ее любовника, Анатолия Гримма. Гауптман Гедеке, довольно хамоватый тип с прозрачными, словно у гадюки, глазами. Второго она не знала, однако, судя по офицерской выправке, он тоже был из военных. Имен, которыми гости представились при первом появлении, Серафима не запомнила.

Она зевнула, присела к столу, достала из кармашка пеньюара изящный портсигар с египетскими папиросками и вопросительно вскинула брови, ожидая, что кто-нибудь из мужчин галантно предложит даме спичку.

– Вообще-то, насколько я слышала, в Европе не отменены правила вежливости, согласно которым мужчины, а тем паче офицеры, должны при появлении дамы вставать, – небрежно заметила Серафима. – И Россия здесь исключением не является, господа *немецкие путешественники*. Кроме того, разве вы не видите, что дама желает закурить?

Гедеке насмешливо покосился на Серафиму, не пошевелив и пальцем. Зато его спутник подскочил, накинул халат, выхватил из кармана спички, зажег одну и поднес мадам чуть подрагивающими пальцами.

– Вы более похожи на джентльмена, – пыхнув дымом, одобрительно отметила хозяйка и тут же перешла на немецкий язык. – In Ihrem Dorf haben Sie bestimmt war, ein gewissenhafter Lehrer, Herr Offizier! Ich mich nicht Irre?¹³

Неуверенно улыбнувшись, второй покосился на Гедеке, явно не поняв обращенной к нему фразы. Гедеке зевнул и закинул руки за голову.

– Терентьев, сядьте! Барышня проверяет ваше знание немецкого, не более. А вы успокойтесь, фрау Серафима. Устраивать нам экзамен вас никто не уполномочивал! Да, мой коллега – русский офицер, и это все, что вам положено знать.

– Не хамите, Гедеке! – начала злиться Бергстрем. – В конце концов, вы *у меня* в доме! И этот дом, между прочим, иногда посещает полиция – в порядке надзора над ссыльной. Я же здесь до сих пор в ссылке, если вы не знали! Как вы полагаете, Гедеке, что скажет полиция, застав у меня дома «немецкого путешественника», не знающего родного языка? Зачем вы приехали? Уж это я, наверное, имею право знать?!

– Успокойтесь, фрау. Мы завтра же – вернее, уже сегодня – съедем с вашей квартиры. Мне тоже не по душе жить в притоне, посещаемом русскими штабными офицерами. А наша истинная цель – не ваше дело!

– Не мое? Ха-ха! Подумаешь – секрет Полишенеля! Гедеке, вам нужен Берг!

¹³ В вашей деревне у вас наверняка был добросовестный учитель, господин офицер! Я не ошибаюсь? (иск. нем.)

– Откуда вы узнали, черт вас побери? – вскочил на ноги Гедеке. – Подслушиваете наши разговоры? Ваши ушки можно и укоротить, Schmutzige Hure!

– Ты называешь меня грязной шлюхой?! – мадам Бергстрем, не вставая со стула, ловко запустила в Гедеке кувшином, от которого тот едва увернулся.

Вскочив, она направилась к дверям. Однако Гедеке уже понял, что явно перегнул палку. В два прыжка он догнал хозяйку, обхватил за талию и принялся извиняться, не обращая внимания на пощечины, оплеухи и плевки разъяренной женщины.

– Терентьев, да не стойте вы как столб! Дайте ей воды! – простонал Гедеке, едва успевая уворачиваться. – Иначе она никогда не успокоится! Дорогая Серафима, ну простите вы, наконец, расшатанные нервы старого солдата!

Наконец мадам Бергстрем, все еще тяжело дыша, снова села за стол, сунула в рот папироску. На сей раз Гедеке сам услужливо поднес ей спичку.

Сделав несколько глубоких затяжек, Серафима с иронией поглядела на топчущихся неподалеку мужчин:

– Господа офицеры, вы бы хоть оделись, что ли... Щеголяете в исподнем перед дамой! А я пока, так и быть, приготовлю кофе...

Вернувшись с подносом и кофейными принадлежностями, она застала гостей одетыми и даже улыбающимися. Гедеке принял у хозяйки поднос, разлил по чашечкам кофе.

– Совсем даже неплохо! – оценил он. – Вот уж не подумал бы, что в глубокой российской провинции можно получить отличный кофе!

– Иркутск – это не провинция, а, скорее, перекресток торговых путей из центра России на ее окраины и в Китай, – заметила хозяйка. – Кроме того, область буквально набита золотом, а в самом Иркутске коммерсантов-миллионщиков больше, чем в Петербурге или Берлине. Здесьние золотопромышленники привыкли получать самое лучшее – именно поэтому полки здесьних магазинов более напоминают столичные, нежели провинциальные. Но не будем отвлекаться, господа! Я полагаю, вы прибыли сюда, имея вполне конкретную цель. И эта цель – калека Берг!

– Вы правы, госпожа Бергстрем. Начнем сначала: откуда вы знаете про наш интерес к Бергу? Я беру назад свое предположение о подслушивании, ибо мы с коллегой называли его в своих разговорах несколько иначе. Итак?

– Извольте! Я получила пять лет каторги за покушение на Берга и его петербургского хозяина, полковника Архипова. К сожалению, я только ранила обоих. А о вас, Гедеке, мне рассказывал еще и мой друг, Анатолий Гримм. Ему, кстати, повезло меньше, нежели мне: он попал на настоящую каторгу.

– А вы, мадам, отделались ссылкой?

– У русских есть поговорка, Гедеке: не имей сто рублей, а имей сто друзей...

– Понятно... Значит, прожив в Иркутске почти полгода, вы присматривали за появившимся здесь же Бергом?

– Вы не поверите, Гедеке, но о том, что этот проклятый калека тоже здесь, я узнала случайно, и только нынче вечером. Знаете, иногда штабные офицеры, пытаясь подчеркнуть свою значимость и пустить даме пыль в глаза, выбалтывают лишнее. Вчера, пригласив меня на прием к здесьнему миллионщику Сиверсу, мой знакомый, адъютант генерал-губернатора, заговорил о балах-маскарадах. И тут же проболтался о том, что знает здесь одного человека, для которого вся жизнь стала таким маскарадом. Несколько наводящих вопросов – и я узнала про Берга. Жаль, что он должен вот-вот уехать отсюда. Узнай я про него раньше – могла бы найти случай рассчитаться с ним за все!

– Не беспокойтесь, мадам: вам наверняка представится такая возможность. Недаром же мы с коллегой спешили в Иркутск изо всех сил. И если вы поможете нам...

– А почему, собственно, я должна помогать вам, Гедеке? – пуская дым колечками, спокойно поинтересовалась Серафима.

– То есть как это почему? – возмутился молчавший до сих пор Терентьев. – Ведь именно он, по вашему же собственному признанию, сломал вам всю жизнь!

– Это моя личная месть Бергу! Мое с ним личное дело! А у вас, насколько я понимаю, задание. Приказ. Если вам нужна моя помощь – заинтересуйте меня, господи!

– Если вам нужны деньги, то это, думаю, вполне решаемо, – Гедеке оценивающе поглядел на хозяйку. – Сколько вы хотите за свою помощь, мадам?

– Речь не о деньгах, Гедеке! Мне нужны чистые документы и возможность уехать в Европу.

– Неужели вы полагаете, что у меня с коллегой полные карманы бланков паспортов на все случаи жизни, мадам? – возмутился Гедеке. – И потом, вы правы, мы действуем не сами по себе. Чтобы увезти вас с собой в Европу, мне нужна санкция начальства. А связаться с ним я могу, лишь вернувшись в Петербург.

– Значит, мы не договорились, Гедеке, – невозмутимо пожала плечами Бергстем. – В таком случае действуйте сами. И для начала покиньте мой дом, господи! Как я уже упоминала, сюда регулярно навещается полиция. И вы можете ее заинтересовать – в конце концов, я даже не знаю степени надежности бумаг, которые позволили вам пересечь границу империи и свободно передвигаться по России. Если вас разоблачат и арестуют, то и я вполне могу сменить этот уютный дом на тюремную камеру либо каторгу!

– Дайте подумать, мадам! – Гедеке забарабанил пальцами по столу.

Приказ полковника Рунге был однозначен: необходимо выполнить задание и вернуться в Австрию. Кокаинист Терентьев и эта самодовольная шлюха – «расходный материал», не более того! В Европе им делать нечего! Кроме того, тащить через границу наверняка находящегося в розыске Терентьева и ссыльную бабу – безумный риск! А если удастся расправиться с Агасфером, за которым стоит столь серьезная структура, как Разведывательное отделение, то риск возрастает в разы! Хвала создателю, что Терентьев не понимает этого, его интересует только вовремя полученная доза кокаина. А вот проклятая баба умна, но она и пальцем не пошевелит, пока не получит серьезных гарантий насчет своего будущего. А какие он, Гедеке, может дать ей гарантии?

– Относительно наших бумаг вам не следует беспокоиться, госпожа Бергстем, – наконец заговорил он. – Они вполне надежны: и личные документы, и всевозможные разрешения, и согласования русских министерств. Что касается вас, то мое руководство рассматривало вопрос о заявленной вами нынче цене за свою помощь. Хотите верьте, хотите нет – но в сейфе нашего посольства в Петербурге лежат и ваши новые документы, которые помогут вам покинуть Россию. Мне не разрешили взять их с собой из соображений безопасности. Если вы поможете нам – документы ваши! Не пожелаете помочь – что ж, распрощаемся, и живите как хотите!

– Врете, Гедеке! – Серафима нервно раздавила в пепельнице докуренную папиросу и тут же закурила новую. – Чтобы дать такой ответ, вовсе не обязательно было так долго думать.

– Но я имел в виду, извините, собственную безопасность, мадам! – нашелся Гедеке. – Точного плана устранения Берга пока нет. Не исключено, что акция устранения получит большой резонанс. Согласитесь, что в таком случае одному выскользнуть из России гораздо легче, чем целой группой.

– Что ж, это похоже на правду. Хорошо, я согласна. Можете на меня рассчитывать, Гедеке! Но учтите: если после выполнения задания вы бросите меня и попытаетесь скрыться, я подниму шум! Не успеете вы добраться до границы, как вас будет искать вся полиция России!

– У меня и в мыслях такого не было, – слукавил разведчик. – Значит, по рукам?

Целуя руку мадам, Гедеке подумал, что баба есть баба: Серафима своей угрозой окончательно подписала себе приговор.

После завтрака Гедеке отправился за картой местности в «Книжную торговлю Синицына» и на поиски нового жилья, а Терентьеву был поручен закуп продовольствия и походного снаряжения. Перед тем как уйти из дома, Терентьев нашел повод переговорить с Серафимой тет-а-тет.

Несколько смущаясь, он поинтересовался у мадам – нет ли у нее здесь знакомого надежного аптекаря, у которого можно было бы приобрести немного кокаина без рецепта врача? Мадам пообещала подумать и, возможно, решить эту маленькую проблему. Про себя же она подумала, что запас потребного Терентьеву зелья хранится, скорее всего, у Гедеке, благодаря чему тот и держит напарника на коротком поводке. Что ж, второй «поводок» не будет лишним – во всяком случае, для нее!

Встретилась группа, как и договаривались, в кафе-кондитерской при «Магазине игрушек Кальмера» на Пестеревской улице. По наблюдениям Серафимы Бергстрем, в будние дни посетители сюда заходили редко, а бонны с подопечной малышкой были слишком заняты приглядом за шалунами, чтобы обращать внимание на посторонних.

Атлас карт Иркутской области, купленный Терентьевым, вполне удовлетворил Гедеке. Сибирский почтовый тракт начинался в черте Иркутска, у переправы через Ангару, у придела Троицкой церкви. Далее наезженная дорога пролегла вдоль реки Иркут через большие деревни Смоленское, Веденское и Мотское. Далее, судя по карте, тракт шел тайгой через байкальские сопки до села Култушное, откуда поворачивал на юг, в Монголию.

Место засады было определено сразу – за селением Мотским, где к тракту вплотную подступала тайга. Привлекало это место и тем, что отсюда после «акции» можно было быстро вернуться в Иркутск и по действующей железнодорожной линии отбыть в Петербург.

Чтобы не возбуждать подозрений полиции, от подготовки к «экспедиции» мадам освободили. Ее помощь на этом этапе, как галантно выразился Терентьев, была чисто консультативной. Она подсказала, где и у кого можно по сходной цене купить лошадей и объемный тарантас. Легкую коляску для быстрого возвращения решили купить у другого торговца – во избежание досужих сплетен и неудобных вопросов. На этой же коляске должна была прибыть к месту засады и сама мадам – убедившись, что тарантас Берга «взял старт» после переправы через Ангару и обогнав его.

Терентьев купил в оружейном магазине два охотничьих карабина и винчестер с запасом патронов, пару биноклей, а в «Приисковой торговле Ложкин и сыновья» 10 фунтов динамита в шашках, капсюли с гремучей ртутью и пару фунтов черного пороха – для подрыва основного снаряда.

Скривившись от буйной фантазии Терентьева, Гедеке повернулся к Серафиме:

– Надеюсь, вы сможете разыскать до начала операции для себя что-нибудь более подходящее для тайги, нежели длинную юбку и модную шляпку, мадам? Возможно, нам придется возвращаться обратно круглым путем.

– Полагаете, что, пригнав коляску и предупредив о том, что Берг выехал, я не заработаю обратный билет в Европу? Не беспокойтесь, Гедеке! – усмехнулась Бергстрем. – У меня есть мужская одежда специально для таежных странствий!

Помолчав, она добавила:

– Не забывайте, что у меня к Бергу свой счет! Я просто мечтаю самолично всадить в него пару пуль и ни за что не упущу возможность сделать это!

По удивительному совпадению, в тот же день, только ближе к вечеру, над таким же атласом оценивали свой маршрут и Берг с Настенькой.

– Первую перемену лошадей сделаем в Веденском, – рассуждал вслух Агасфер. – Это около двадцати пять верст от Иркутска. Поглядим, как наш малыш перенесет этот первый участок пути. Если он будет бунтовать, а его мамочка почувствует себя неважно – заночуем там. Если все будет нормально – рискнем еще на один перегон, до Мотской. Там заночуем непременно, а с утра пораньше – дальше двинем: до Култушного дорога трудная, через тайгу, с подъемами...

Настенька только вздыхала, подперев щеку кулачком, а второй рукой слегка похлопывала и поглаживала круглеющий живот – словно уговаривала своего еще не родившегося малыша: ты уж потерпи, милый! Не подведи завтра...

План устройства засады пришлось несколько раз менять: затянувшаяся весна внесла свои коррективы. Если в Иркутске последние почерневшие остатки снега можно было увидеть только в общественном парке и скверах, то за городом снежный покров вплотную подступал к тракту. Добравшись к концу первого дня пути до селения Мотское и переночевав на почтовой станции, Гедеке и Терентьев с утра двинулись дальше, мрачно поглядывая по сторонам и выбирая место засады. Отъехав от села версты три, Гедеке приказал возничему остановиться, выпрыгнул из тарантаса и поманил спутника.

– Ну и как вы представляете себе закладку динамитного заряда, Терентьев? – закуривая, поинтересовался он, показывая глазами на дорогу.

Тракт отнюдь не был пустынным. В обе стороны катились колымаги, тарантасы и целые обозы. Накануне же Терентьев клялся и божился, что, по его сведениям, тракт в это время года безлюден. Он предложил заложить в одну из ямок динамит, выведя на обочину капсулю с гремучей ртутью, соединенный с основным зарядом коротким запальным шнуром. Исполнитель должен был залечь в кустах, в нескольких саженях от тракта, и в нужный момент подорвать заряд – либо под лошадьми, либо под самой повозкой. Этого можно было достичь выстрелом по капсулю, что на близком расстоянии казалось вполне осуществимым. Ошеломленного взрывом Агасфера предполагалось добить из двух стволов, труп спрятать где-нибудь неподалеку в тайге, а самим на легкой коляске, которую должна была пригнать Серафима, тут же вернуться в Иркутск. А там – в спальный вагон поезда Иркутск – Петербург, и – прощай, Азия!

Слушая накануне этот бред, Гедеке не высказал никаких возражений: лично он собирался после выполнения задания возвращаться в Вену один, оставив на тракте рядом с трупом Агасфера заодно бездыханные тела никчемного кокаиниста и вздорной бабы Бергстрем.

Однако вопросы возникали один за другим. Где, например, спрятать до поры до времени свой тарантас и коляску, на которой приедет Серафима? На дороге их не оставишь: встречные и попутные колымаги, заметив стоящий у обочины тарантас, обязательно остановятся, поинтересуются причиной остановки, а то и помощь предложат. В тайге тоже не спрячешься: сугробы по обеим сторонам дороги исключают возможность добраться до зарослей даже пешком. А уж с коляской и тарантасом – и думать было нечего!

Оставалось одно: возвращаться в Мотское и ждать мадам Серафиму там. Как только она сообщит о приближении тарантаса с Агасфером, выдвинуться пешком по тропинке вдоль тракта, залечь где-нибудь в зарослях, дожидаться противника и беглым огнем из двух карабинов

и винчестера расправиться и с ямщиком, и с Агасфером. А заодно и с ненужным балластом, хмыкнул про себя Гедеке.

Переправа через бурную реку прошла удачно. Капитан катера ловко маневрировал между последними крупными льдинами, несущимися по устью Ангары, и даже успел показать путешественникам виднеющуюся в клубах тумана скалу Шаман.

– Существует красивая легенда про эту скалу. Хотите расскажу? – предложил капитан, и, не дожидаясь согласия путешественников, начал рассказывать.

...Старый седой Байкал раньше был добр, и больше всего на свете любил свою дочь, красавицу Ангара. Байкал мечтал выдать ее замуж за Иркут, но своенравная красавица и могучий Енисей полюбили друг друга, и однажды Ангара сбежала к своему любимому. Разгневался Байкал, поднял великую бурю. В страхе разбежались звери, разлетелись птицы, а отец кинул вслед дочери огромную скалу, которая упала на ее горло. Задыхаясь, Ангара просила у Байкала прощения, умоляла дать ей хоть немного воды, чтобы не погибнуть от жажды. Но он так и не простил своенравную дочь. И сказал ей: я могу дать тебе только свои слезы...

– И вот, господа, уже тысячи лет красавица Ангара несет в Енисей только отцовские слезы. А буряты каждый год приносят на скале Шаман жертвы грозному старику: боятся, что однажды простит он свою дочь, сорвет скалу, и тогда вода из его глубин затопит всю землю! Поучительная история, не правда ли, господа путешественники?

Настя, прижавшись к мужу и со страхом глядя на шумные волны, только кивнула. Равнодушным к легенде остался и штабс-капитан Сорокин, сопровождавший Агасфера с супругой по приказанию генерал-губернатора. Искоса поглядывая на офицера, Агасфер про себя только посмеивался: еще до отправки катера штабс-капитан признался ему, что хотел прокатить на катере заодно и даму сердца. А та возьми да и не приди...

Расстроенный женским коварством, Сорокин сколько мог задержал отправку, мерил причал крупными шагами, однако в конце концов махнул рукой, поднялся на борт и скомандовал: «Отчаливай!»

Впрочем, во время переправы он немного успокоился, повеселел и даже помог уложить в приготовленный тарантас немалый багаж путешественников. А на прощанье эффектно вручил Агасферу подарок Горемыкина: его личную «подорожную», согласно которой на территории Иркутской области путешественники имели преимущественное право на первоочередность проезда и на лучших лошадей.

– Впрочем, сегодня вы и так поедете по тракту первыми! – Сорокин небрежно кинул к козырьку два затянутых в белоснежную перчатку пальца и направился обратно к причалу.

– Осмелюсь поправить – не первыми, – усмехнулся в густые усы начальник почтовой конторы. – С час назад дамочка какая-то рванула раньше вас, господа проезжающие. И почему-то на легкой коляске – ну, казенных лошадей она у вас вряд ли перехватит: видимо, недалеко собралась! Так что доброго вам пути!

Приметив, что Берг расчехлил винчестер, усатый начальник покачал головой:

– От лихих людей бережетесь, сударь? Зряшное дело! До станции Култукской можете ехать спокойно. Это на юге, где тракт к Монголии поворачивает, «чаерезы» попадают. Да и вам-то они не помеха!

– «Чаерезы»? – переспросил Агасфер.

– Ну да, «чаерезы». С юга купцы чай везут, так эти черти к последней повозке пристраиваются и норовят срезать на ходу пару тюков с чаем, – пояснил усач.

Окинув оценивающим взглядом округлившуюся фигурку Насти, он лично принес две лишние охапки сена – чтобы не так колдобины чувствовались. Заботливо застегнул матерчатые, с кожаными вставками, боковины тарантаса.

– Это пока ветерком с Байкала прохватывает, – напутствовал он. – А как за ту сопку заедете, так она вас от ветра прикроет. Тогда уж сами регулируйте – когда открыть верх, когда прикрыть. Ну, пошел!

Лошади легко сдвинули с места тарантас на длинных дрогах и шустро покатали его по тракту. Настенька перекрестилась. Дальний путь начался...

Вернувшись на почтовую станцию в Мотском, Гедеке объяснил тамошнему смотрителю причину возвращения плохим самочувствием, и вместе с Терентьевым занял одну из комнат для господ проезжающих. Однако отдыхать он не собирался и немного погодя, захватив спутника, отправился прогуляться по деревне.

Село оказалось большим, дома добротными. Нашелся здесь и трактир, куда «немецкие путешественники» сразу же заглянули. И уже через полчаса свели дружбу с несколькими местными обитателями, которые охотно рассказали про тракт то, что нельзя было вычитать ни в одном путеводителе.

Самым интересным для Гедеке оказалось наличие вдоль основного тракта параллельной дороги, хотя не такой широкой и ухоженной, как основная. Скорее, по отзывам местных, это была широкая тропа. И именно по ней предпочитали ходить крестьяне окрестных сел. Почему? Да потому, что основной тракт использовался, помимо своего основного предназначения, еще и как каторжанская дорога. Раз в неделю, а то и чаще, по нему шли на восток колонны арестантов.

– А арестант, он арестант и есть, – дыша водкой, словоохотливо объясняли собеседники. – Кому охота в острог-то маршировать? Арестанты то и дело от конвойных сбегают: кто на ночевке кандалы подпилит, кто разогнет их с помощью товарищей. Офицер, старший команды, утром партию пересчитает – глядь: одного-двух арестантов в этапе не хватает! Сбегли! Облавы устраивать, партию задерживать невыгодно, да и бесполезно. А на следующую ночевку надо каторжан поголовно сдать, чтобы счет сошелся – иначе офицеру неприятности могут выйти. Вот и придумали ушлые люди, в случае нехватки арестантов, ловить встречных крестьян, да и в строй их! И никому потом ничего не докажешь, пока не доведут до острога. Там, конечно, могут и разобраться – ежели не поленятся запросы писать в те деревни, на которые тот «приблудный» арестант укажет. Но дело это долгое, муторное – в общем, крестьянское население, чтобы не рисковать понапрасну, по тракту не ходит. Для того тропку и набили параллельную!

– Понятно, Терентьев? – выходя из трактира, покрутил головой Гедеке. – Вот вам и самый простой план! Лишь бы по той дороге коляска прошла. Да и пешком пару-тройку верст в крайнем случае можно пройти, а там напрямик, через тайгу к тракту. Шлепнем проклятого калеку – и обратно! А пока давайте поищем эту параллельную дорогу, и на всякий случай найдем резервное жилье. Нам только и не хватало на почтовой станции нос к носу столкнуться с Агасфером, который непременно будет здесь, в Мотском, ночевать!

Тропинку нашли быстро. Пройдя по ней с полверсты, Гедеке прикинул, что она вполне проходима для легкой коляски.

– Ну, что вы молчите, будто язык проглотили? – накинулся он на обратном пути в село на Терентьева. – Хотя, кажется, я вас понимаю. Потерпите: сейчас вернемся, найдем место для ночевки, и получите свою порцию порошка!

– Господин Гедеке, а зачем нам ликвидировать мадам Бергстрем? – неожиданно спросил Терентьев.

– Боже, неужели вы успели влюбиться в эту стерву? – удивился Гедеке. – Или вы вообще имеете жалостливое сердце? Подумайте: зачем она нам? Удирать через пол-России со ссылкой без документов – себе дороже! Как это говорят? «Мавр сделал свое дело – мавр может уходить!»

– Все равно как-то... подловато, – стоял на своем Терентьев. – Можно после акции оставить ее в Иркутске и уехать потихоньку!

– Неужели вы не помните ее угроз, Терентьев? Она ясно заявила, что поднимет шум, если мы ее бросим. Нам до Петербурга добираться по железной дороге больше недели – а она возьмет и заявит в полицию про подозрительных «немецких путешественников». Телеграф в России работает исправно, и нас там встретят! У нас надежные документы, но вас могут опознать, друг мой! По-моему, вы достаточно наследили перед тем, как бежать из России в первый раз – разве не так? Так что отбросьте эту славянскую мягкотелость: ликвидация мадам – вынужденная мера!

– Рассуждая так, и я для вас лишняя обуза, господин Гедеке.

Тот чертыхнулся про себя: надо срочно усыплять подозрительность этого кокаиниста!

– Не берите в голову лишнего, мой друг! – Гедеке похлопал спутника по плечу. – Мы вернемся в Европу вместе. Вы мне нужны, в конце концов!

Вопреки опасениям Агасфера, начало путешествия на тарантасе не вымотало супругу. После ночевки в съезжем доме в Мотском Настя встала бодрая и даже успела до завтрака пройтись по селению и купить настоящей сибирской сметаны. Узнав о ее беременности, жена начальника почтовой станции, поохав, предложила в дополнение к сену еще и перину, и теперь изнутри корзина тарантаса представляла из себя уютное «царское ложе».

Одно было плохо: ехать приходилось в полулежачем положении: ни посидеть, ни переменить позу было невозможно. Поэтому Агасфер не удивился, когда уже через полторы-две версты Настенька выразила желание немного пройтись пешком – чтобы размять затекшие ноги.

Вознице каприз пассажиров не слишком понравился, однако он возражать не стал, лишь предложил:

– Вы, господа хорошие, пешком чапайте, а я, чтобы не киснуть, вперед потихоньку поеду. Чего на месте-то стоять? Устанете – свистните, я вас дождусь.

Агасфер и его спутница пошли вслед за уехавшим немного вперед тарантасом. Тракт в эти утренние часы был пустынным, а таежную тишину лишь подчеркивал пересвист каких-то невидимых с дороги птиц.

– Ой, Мишенька, гляди: подснежник! – Настя от радости даже захлопала в ладоши, заметив у обочины, под навесом потемневшего сугроба бледно-голубой цветок с мохнатыми узорчатыми листьями.

Подбежав к находке, она не торопилась срывать цветок, – сняв перчатки, осторожно гладила кончиками пальцев нежные лепестки.

– Да ты оглянись, Настенька, их тут много! – усмехнулся Агасфер. – Вон еще один, и вон...

Звонкую тишину вдруг нарушили хлопки выстрелов. Агасфер удивленно поднял голову и сразу все понял. Кто-то стрелял по тарантасу, остановившемуся саженьях в пятидесяти впереди.

Стреляли явно из нескольких стволов, причем вспышки выстрелов, насколько успел заметить Агасфер, сверкали совсем близко от тракта, из зарослей кустарника, отделенного от дороги длинным сугробом.

Подскочив к жене, присевшей на корточки рядом с подснежником, Агасфер прижал ее к себе, громко шепнул на ухо:

– Не вставать! Ложись, Настена!

– Что там такое, Миша?

– Пока не знаю. Ложись, тебе сказано!

– Но тут грязь, я перепачкаюсь! – попробовала от растерянности протестовать жена: ее супруг еще никогда не говорил с ней таким голосом со стальными интонациями.

Стрельба впереди продолжалась, от повозки летели щепки. Возничий, осознав неожиданную опасность, при первых выстрелах скатился с козел и распластался на дороге, закрыв голову руками.

Ругая себя за беспечность, Берг силой уложил Настю на дорогу, склонился над ней:

– Настенька, я тебя прошу: ни в коем случае не вставай, что бы ни случилось! Наше оружие в повозке, я должен непременно добраться до него!

– Я тебя не пушу! – Настя вцепилась в рукав мужа. – Ты попадешь под пули! Тебя убьют!

– Нас всех убьют, если мы ничего не будем делать, милая! Я буду очень осторожен, клянусь! В конце концов, я солдат и знаю, как надо вести себя под обстрелом! – Агасфер говорил очень быстро, успокаивающе поглаживая Настю по голове. – Видишь, на другой стороне дороги довольно глубокая отводная канава. Я перекачусь в нее и доползу до тарантаса...

– Тебя убьют! – заплакала жена. – Не пушу!

– Тихо! Плакать будем потом! Слышишь – выстрелы стихают! Они, по-видимому, изрешетили тарантас и сейчас подойдут ближе, чтобы убедиться в том, что расправились с пассажирами! Подойдут, увидят, что в повозке никого нет, и начнут нас искать! Милая, лежи! Лежи, что бы ни случилось! Когда я подползу к повозке, мне, возможно, придется громко стонать или кричать, изображая раненого. Не обращай на это внимания! Главное – не вставай! Они стреляют из-за пригорка – чтобы добраться до тарантаса, им придется как-то перебраться через высокий сугроб. А это не так просто – снег очень глубокий! Я должен успеть!

Последнюю фразу Агасфер произнес уже из отводной канавы. Оценив рельеф местности, он сообразил, что от засады этот участок дороги прикрыт сугробами и кустарником. И поэтому не пополз, а, согнувшись вдвое, побежал вперед.

Тем временем выстрелы смолкли. Настя, едва сдерживая желание встать, через сугробы всматривалась в пригорок, откуда стреляли. Вот оттуда появились темные фигуры – одна, вторая, немного погодя – третья... Фигуры – тоже ползком – выбрались из кустарника и добрались до снежной гряды, отделяющей их от дороги. Здесь ползти было уже невозможно.

Помедлив и, видимо, посоветовавшись, фигуры встали на ноги и, держа тарантас под прицелом, стали перебираться через снежную гряду. Как и предсказывал муж, снег был глубоким и рыхлым, и оттого разбойники, проваливаясь по пояс и выше, двигались медленно.

Приподнявшись на руках, Настя стала искать глазами мужа. Он полз через дорогу так, что от разбойников его прикрывал тарантас. Настя закусила зубами ладошку, чтобы не закричать: а что, если лошади сейчас пойдут? Удивительно, что они во время перестрелки стояли смирно. Сейчас они рванутся, и ее Мишенька окажется на виду у разбойников!

Вот Берг, добравшись до повозки, поднял руку – очевидно, начал расстегивать матерчатую боковину повозки. Встал на колени, пытаясь добраться до оружия, – и проклятый тарантас заскрипел, слегка качнулся. Разбойники заметили это, на мгновение замерли. Потом передний, выкрикнув какую-то команду, бешено рванулся вперед. Двое других опять начали стрелять.

До Насти донесся крик боли, она узнала голос мужа. Забыв про все, о чем он ее предупреждал, она вскочила на ноги, рванулась было вперед – и замерла, увидев, что он уже стоит за задним колесом повозки с маузером в руке. Вот он поднял длинный ствол – но почему-то направил его не в сторону разбойников, а вперед.

Грянул одиночный выстрел, и тут лошади рванули с места, оставив Агасфера один на один с застрывшими в снегу разбойниками.

Маузер снова несколько раз полыхнул огнем, и двое нападавших, уронив ружья, уткнулись в снег. Третий, видимо, невредимый, рванулся назад, по проделанной им в снегу глубокой борозде. Вот он выбрался из сугроба и побежал к кустам – в этот момент маузер еще два раза полыхнул длинными языками огня. Разбойник, застонав, упал.

Не опуская пистолета, Агасфер подошел к вознице, продолжавшему неподвижно лежать на дороге, потрогал его сначала носком сапога, потом похлопал протезом по спине, что-то сказал. Возница с опаской поднял голову, осторожно встал сначала на четвереньки, потом распрямился, выбил об колено шапку и неуверенной рысью кинулся догонять лошадей.

Тут уж Настенька не выдержала. Всхлипывая, она побежала к мужу, обхватила его руками, прижалась лицом к грязной дорожной бекеше.

– Ну-ну, Настенька, успокойся! Все уже кончилось, видишь? Никто не стреляет, наш противник разгромлен...

– Кто они, Мишенька? Господи, как я боялась за тебя!

– Бояться уже нечего, – улыбнулся Агасфер. – А кто они – сейчас узнаем! Возница приведет лошадей, достанем жерди, чтобы способнее было по снегу пробираться – и поглядим. Только ты уже, душа моя, глядеть будешь из тарантаса, поняла?

– Ты их?..

– Одного точно, наповал. Второй вроде шевелится. А третьего я специально обезножил для допроса – слышишь, как воет?

Выдернув из подкатившей повозки несколько длинных жердей-дрог, соединяющих переднюю и заднюю часть тарантаса, Агасфер, не выпуская из руки маузера, с помощью возницы бросил их на снег. Как по мостику, добрался сначала до неподвижных фигур в сугробе, подобрал карабины и швырнул их на дорогу. Перевернул обоих лицами вверх. Зажав маузер подбородком, пощупал жилки на шеях разбойников. Разогнулся, и в этот момент снова загремели выстрелы, на сей раз явно револьверные: стрелял третий разбойник. Агасфер подхватил маузер, и, почти не целясь, выстрелил. Темная фигура выронила револьвер, раскинула руки и замерла.

Агасфер подошел к фигуре, подобрал валявшийся револьвер и в глубокой задумчивости вернулся к повозке.

– Миш... Кто это был? – стараясь не глядеть на убитых, спросила Настя.

– Ты не поверишь, Настенька: меня пыталось догнать мое прошлое. Двое мужчин и одна женщина. Кстати, это она стреляла в меня в Берлине и по возвращении оттуда ранила полковника Архипова. – Агасфер повернулся к топтавшемуся рядом с повозкой вознице: – Есть в Култуке телеграфная контора, борода?

Тот снял шапку, по-солдатски вытянулся:

– Так точно, ваш-бродь, имеется!

– Ты чего тянешься? Я не офицер, – поднял брови Агасфер. – А вот ты, судя по всему, воевал. Правильно?

– В артиллерии, ваш-бродь! Вторая восточная кампания!

– По-солдатски действовал, молодец! – похвалил Агасфер. – А скажи, почему лошади не рванули сразу, как стрельба учинилась?

– Дык я, ваш-бродь, прежде чем на дорогу сигануть, вожжи успел на оглоблю намотать, – возница широко улыбнулся щербатым ртом. – А вы, ваш-бродь, чтобы стронуть экипаж, ухо одной лошадке прострелили!

– Настенька, у нас в аптечке, кажется, что-то кровоостанавливающее было? Дай, пожалуйста, нашему ямщику, пусть лошадку полечит... И надо ехать. Мы, кажется, уже изрядно выбились из графика, не так ли? О происшествии по телеграфу сообщим иркутским властям –

пусть разбираются! И встречным господам проезжающим об инциденте сообщим. Если порожняком едут – может, кто-нибудь согласится захватить тела для опознания иркутской полиции.

Ретроспектива 2

(август – сентябрь 1886 г., Индийский океан)

Решетки, перегораживающие вентиляционные рукава, продержались до Порт-Саида, когда немыслимая жара, усиленная накаленной палубой, вынудила арестантов сбрасывать одну одежду за другой.

Еще до входа в Суэцкий канал капитан, согласно традиции плавучих тюрем Добровольного флота, отдал приказ расковать арестантов. Двое матросов, пыхтя, спустили в разделяющий трюм коридор пару походных наковален, и корабельный кузнец за полдня освободил мужчин-арестантов от их оков.

Расковка арестантов не была ни наградой за хорошее поведение, ни проявлением гуманности. Опыт прежних сплавов показал, что жара и высокая влажность способствуют появлению на коже застойной сыпи, которая быстро превращается в кровоточащие гнойные язвы. А тяжелые железные оковы только способствовали размножению этих язв.

Кроме того, тюремная администрация не желала давать лишних поводов к озлоблению запертых в раскаленные клетки невольников. К слову сказать, партии кандалников, отправляемые пешим ходом через Сибирь, тоже расковывались. И не по случаю жары – просто опытные партионные офицеры знали, что арестанты и сами могли довольно легко освободиться от кандалов, хорошенько намылив лодыжки и кисти рук. И тогда снятые кандалы в случае бунта становились страшным оружием в руках каторжников.

Между тем жара усиливалась с каждым днем. Первыми до костюма Адама разоблачились арестанты-мужчины. Женщины в кофтах с длинными рукавами и юбках до лодыжек продержались на день дольше – а потом одна за другой начали сбрасывать одежду. Сначала тела из приличия обматывались неким подобием индийских сари¹⁴, а потом слабый пол, плюнув на стыдливость, тоже стал расхаживать по своей плавучей тюрьме в чем мать родила. На крайний случай – прикрывшись чем-то вроде набедренных повязок. Напрасно старший помощник капитана Промыслов взывал к совести узниц, или хотя бы к естественной женской скромности – многие, назло начальству либо из женского упрямства, поскидывали с себя последние лоскутки.

В отчаянии Промыслов написал капитану докладную, в коей снимал с себя всякую ответственность за нравственную обстановку в тюремных трюмах. На «военный совет» был приглашен и пароходный доктор Паламарчук, из малороссов.

– А шо я могу поделатъ с этими бесстыдницами? – развел он руками. – Прикажете забинтовать их? Так шо толку-то? От этакой жары да сырости у арестантов неминуемо возникают гноящиеся язвы. И нагота, что ни говори, лучший способ для их профилактики... Нехай голышом ходют – варнакам до ихних прелестей все одно через решетки не добратся.

Однако если от вида обнаженных женских тел, в большинстве своем молодых, мужчины-арестанты из соседнего трюма испытывали только моральные страдания, военные морячки из караульной команды, пользуясь своим свободным состоянием, весьма скоро нашли для себя практический выход из положения.

Не трогая перегораживающую из парусиновых рукавов решетку, они ножами прорезали в ней лаз, горловина которого, благодаря продетой в сделанные по краям разреза дырочки, моментально стягивалась и маскировалась на случай тревоги. И вот как-то вечером, когда

¹⁴ Традиционная женская одежда на индийском субконтиненте, представляющая собой кусок ткани, особым образом обернутой вокруг тела.

«Ярославль» встал на ночную стоянку у одной из станций в Суэцком канале, в женском отделении появились первые «пластуны»-разведчики из числа экипажа.

Для порядка повизжав (впрочем, не слишком громко), женщины-арестантки тут же доказали, что у женщин более практический склад ума, нежели у мужчин.

– Чаво приперлись, служивые? А подарочки принесли? – встретил моряков разноголосый хор.

Старухи же, выскочив вперед и заслонив собой более аппетитных товарок, начали ставить условия:

– Никак молодого тела захотелось, господа матросики? Извольте-позвольте! Только нынче у нас молодухи в полтинник идут! Да нам, старым, за «сватовство» по гривеннику! Без торговли! А иначе шум до начальства вашего подыдем!

Матросы переглянулись: такого оборота они не ожидали.

– Да на что вам деньги, бабочки? – попробовали они пойти на хитрость. – Все одно завтра старпом обыск в арестантском трюме устроит и все поотбирает!

Но старухи были непреклонны.

– Бабочки, да ведь это грех вам! – попробовали зайти с другого «борта» пластуны. – Кто со служивых деньги-то за енто дело берет? А мы так, по любви...

– По любви, так и мотайте отседа побыстрее! Нет полтинничков – нет молодух!

Пошептавшись, караульные матросы решили не сдаваться. Посыпались обещания «важнейших» подарков – не сейчас, конечно, а чуть погодя, после стоянки на острове Цейлон, где матросов непременно отпустят в увольнительную на берег.

– Такие платочки вам принесем, бабочки, – все на Сахалине вашем обзавидуются! Ну, хорош бегать-то от нас, словно от чумовых! Чё, убудет от вас?

Но арестантки стояли, как говорится, насмерть:

– На Цейлоне вашем вас то ли пустют на берег, то ли нет – про то нам неведомо! Опять-таки: мужчины – известные обманщики! Вам лишь бы попользоваться нашей доверчивостью... А денюжки нынче требуются! Так что другого разговора не будет!

Матросы опять пошептались, потом один из них, кряхтя, уполз через лаз со строгим наказом товарищей – кровь с носу добыть плату за «любовь». Караульный, несший охранную вахту в коридоре между отделениями и отчаянно завидовавший смельчакам, начал строжиться:

– Давайте там быстрее, робяты! Разводящий нагрянет – всем на орехи достанется!

– Да хоть ты не зуди, судорога! – шипели на него смельчаки. – Сам же, сволочь, в наш лаз после вахты лезть собрался!

Пока переругивались, вернулись посланцы, принесли две новенькие николаевские полтины и горсточку мелочи для старух. Те, хихикая, пропустили матросов, распялили какие-то тряпки, из-за которых вскоре донеслись мучительные охи и вздохи...

– Как зовут-то тебя? – Спыхватился после «сеанса любви» один матросов, торопясь попасть ногами в штаны форменки.

– Тебе кака разница? – хихикнула новоиспеченная жрица любви. – Думаешь, тебя единого дожидаться тута буду? Нету больше полтинничка? Ну и вали по холодку отсель!

Удовлетворенные «первоходки» выползли через лаз, на ходу обмениваясь впечатлениями. А через несколько минут, пыхтя, через «тоннель любви» полезла следующая тройка матросов, держа в крепких зубах приготовленные монеты.

Так продолжалось до самого рассвета, под завистливое улюлюканье мужиков-арестантов. Утром же, во время традиционного обхода старпома арестантских трюмов, кто-то из каторжников, видимо, не удержался – донес о нарушении Промыслову.

Тот немедленно побежал к капитану. Караульных, свободных от вахты, выстроили на юте и долго пугали трибуналом во Владивостоке. Старшине же, хранившему скудное жалованье

своих подопечных, было сказано прямо: еще один выданный караульщикам аванс – и трибунал ему обеспечен точно!

Тем не менее простая и бесхитростная жизнь в женском арестантском отделении продолжала бить ключом и в следующую, и в последующие ночи. Не помогли и устраиваемые капитаном и его помощниками засады. Вскоре к караульщикам-«лазутчикам» практически открыто присоединились многие из членов экипажа «Ярославля» – у тех с наличностью было получше. Жрицы любви подняли тарифы до 70 копеек за визит – но это мало кого останавливало!

Видя явные нарушения режима со стороны экипажа, осмелели и арестанты, сидевшие в одном отсеке с арестантками, но отделенные от них поспешно воздвигнутой перед самым выходом в море решеткой. Они, разумеется, полтинников за «акт любви» и не думали давать – у многих просто-напросто не было денег. Однако женщины твердо стояли на своем: или плата за удовольствие, или никак! Зажиточные арестанты побряхтели, поматерились и полезли за нычками¹⁵, зашитыми в одежду или ловко укрытыми в подметках котов¹⁶.

Получив гонорар – бумажные рублевики, скрученный в тугие трубочки, – предприимчивые корабельные путаны становились у решетки на коленки, задирали юбки и прижимали круглые зады к прутьям.

Выглядело все это, конечно, по-скотски: парочки прижимались, каждый со своей стороны, к решетке, и судорожно дергались, стараясь поскорее закончить «свидание».

Капитану вскоре надоело нести ночные вахты одному – по каким-то необъяснимым причинам всякий раз его непреодолимо клонило в сон. Сию «необъяснимость» мог бы, если бы захотел, разъяснить кок, подсыпавший по просьбе команды в вечерний чай капитана кое-какое снадобье. В общем, капитан вынужденно махнул рукой на непотребства – тем более что пароход вскоре вышел в Красное море, и удушающая жара сменилась прохладными ветрами, заставившими арестантов вспомнить о своей одежде. Стало чаще штормить, и «Ярославль», тяжело переваливаясь с одной огромной волны на другую, стал все чаще черпать бортами серую морскую воду. Непотребства все это, разумеется, не прекратило – но значительно снизило их количество.

Арестанты из правого трюма, отделенные от левобортников широким коридором, могли только с завистью наблюдать за любовными развлечениями матросов и своих товарищей и заниматься онанизмом. Направленная капитану «петиция» о несправедливости с требованиями поменяться трюмами с товарищами успеха не имела: здесь уж капитан твердо стоял на своем.

Сонька в этих оргиях участия не принимала. Не то чтобы никто не обращал внимания на довольно миловидную женщину, которой едва минуло 35 лет. Скорее уж наоборот: европейская знаменитость привлекала и самых молоденьких матросов – всякому было бы лестно при случае небрежно упомянуть о том, что нынче вот «оприходовал» ту самую Соньку Золотую Ручку. К ней неоднократно подступались с недвусмысленными предложениями – она же только недобро ухмылялась. А на слишком настойчивых в упор глядела своими глазами цвета стали так, что матросики мгновенно тушевались и отступали, ища женщин поговорчивее. Заняв самое прохладное, обдуваемое место в трюме, Сонька с той же недоброй улыбкой обмахивалась веером, сделанным из тряпочек и щепочек, и о чем-то напряженно размышляла. О чем? О чем могла думать мадам Блювштейн, кроме как о побеге?

¹⁵ Нычкой обычно называют припрятанные деньги и прочие ценности, имеющие в тюрьме ценность и хождение. В данном случае имеется в виду сам тайник.

¹⁶ Котами называли арестантскую обувь, сшитую из грубой кожи.

Попробовать обольстить одного из караульных? Такие прецеденты в ее жизни бывали – взять тот же побег, организованный для нее молодым надзирателем смоленского тюремного замка Василием. Влюбившись в знаменитую аферистку с чарующим голосом, он сумел вывести Соньку из тюрьмы. Убежали они недалеко – до поля с одиноким стогом сена, в котором стареющая аферистка подарила Василию единственное, что может дать мужчине спасенная женщина. Она и сама наслаждалась тогда в минуты короткой свободы молодым и сильным телом, словно предчувствуя, что это последняя в ее жизни настоящая любовь. Пусть короткая, на часок, но любовь. Ей было искренне жаль Васю-Василька – она-то знала, что он сейчас заснет, а она потихоньку исчезнет, оставив ему одно-единственное будущее – уже мчащуюся по следам беглецов погоню, каторгу и кандалы...

Там, в стогу, Сонька нашептывала Василию ласковые слова, однако насчет своего собственного будущего не слишком обольщалась. Европейская известность, многочисленные портреты и сам стиль ее работы сделали аферистку легко узнаваемой в любом обществе. Два-три дня, максимум неделька на воле – вот и все... В России ее загнали, как обессиленную лань. И за границу уже не проскочить – в каждой казарме пограничной стражи развешаны ее портреты.

А жаль, вздохнула Сонька. Последние года три-четыре она часто задумывалась о старости, о дочерях и их будущем. Там, в Европе, она благоразумно сделала несколько тайников, в которых хранила наиболее ценные ювелирные изделия и драгоценные камни. Ни одному следователю, ни на одном суде она так и не призналась, что где-то хранится на черный день часть ее добычи. Дерзко отшучивалась, ссылаясь на свое мотовство, на слабую женскую память.

Часть драгоценностей она даже сумела превратить в звонкую наличность – но ее было немного. Чтобы дорого продать легко узнаваемую ювелирку, нужно время, нужен доверенный мастер, способный не только сделать кольца, диадемы и ожерелья неузнаваемыми, но и сохранить их для заказчицы. А ей с этим никак не везло! Мастера или бездарные попадались, или совсем бессовестные: когда она после очередной неприятности с арестом или короткой отсидки являлась за своим добром, ее нахально не узнавали, грозили полицией, приказывали убираться прочь.

И все равно припрятанной добычи могло хватить до конца ее дней – нужно было только время, неспешный поиск хороших мастеров-ювелиров и страна, где она не успела наследить. В общем, время, время и время – которого у нее уже, считай, не было...

И с товарками по тюремному пароходу отношения не складывались. Она открыто презирала этих недалеких бабенок, в основном мужеубийц или поджигательниц, охотно раздвигающими ноги перед матросней за жалкие полтинники. Да еще и с шуточками, прибаутками, скабрзностями в адрес «лентяев» или «неумех». Она не осуждала их вслух – но ведь женщины очень чутки на отношения! И товарки платили ей той же монетой – презрением.

Когда шальная волна – вот удивительно, даже порой во время полного штиля – неожиданно захлестывала распахнутые по случаю жары иллюминаторы и начинала плескаться чуть ли не под коленями, эти плебейки заставляли вычерпывать воду и ее, Соньку. Когда это произошло впервые, мадам Блювштейн лишь отвернулась, грубо, по-мужски выругав «мокрощелок». Однако тут же получила увесистый удар черпаком по голове.

– А ну-ка, еще раз скажи, что не будешь убираться вместе со всеми! – яростно подступила к ней здоровенная бабища.

Сонька умела быстро ориентироваться. И мгновенно сообразила, что одной против сотни разъяренных женщин ей не устоять. Забьют, изуродуют, а матросики только посмеются над гордой аристократкой. Не говоря ни слова, она встала, взяла черпак и принялась вместе со всеми вычерпывать воду.

Однажды ее грубо растолкали ночью. Сонька соскочила со своей шконки с черпаком в руках и услышала презрительный смех.

– Смотрите, бабоньки, фря-то наша совсем умом тронулась: и спит с черпаком! Иди, аристократка, человек тебя сурьезный к решетке кличет!

– Неужели этому сурьезному человеку вас, б...ей подзаборных, мало? Не пойду! – и Сонька решительно полезла на свою шконку.

– Гляди, не проторгуйся, девонька! – опять захохотали бабы. – Нужна ты ему больно со своими обвислыми цыцками! Дело у Семы Блохи к тебе какое-то!

«Ивана» Сему по кличке Блоха Сонька знала. И слышала о нем много: такой, коли захочет, любую молодку мигом и безо всяких полтинников на карачки поставит. Коли зовет такой, надо идти...

Сонька, хоть и спала голой, как все, накинула халат, и, обходя сопящие парочки, направилась к решетке, разделяющей левый отсек трюма надвое.

Сему Блоху она заметила не сразу: раскачивающиеся под коридорным потолком фонари рассыпали повсюду причудливые тени. А Блоха сидел в уголке, только прищуренные глаза посверкивали в полутьме.

– Ну, здравствуй, Софья! Садись-ка рядом, разговор сурьезный к тебе имею!

Помолчав, Сема Блоха удивленно покрутил головой:

– Скажи мне кто лет этак пять назад, что с бабой по самому что ни на есть мужскому делу советоваться стану – плевка бы пожалел на того человека!

– Ну и не советуйся, – фыркнула Сонька. – Я тебя не заставляю...

– Не дерзи! Такое ценить надо! Ты, говорят, женщина головастая, пятерым мужикам в сообразительности фору дашь. И «масть» у тебя не даром в нашем деле наивысшая. Я вот, например, простой вор. А ты на высшей ступени – аферистка! Образованная, несколько языков знаешь, в любом обществе своей выглядишь...

– Сема, ты меня ведь не за комплиментами ночью поднял, а? Наши «мокрошелки» и так своими воплями спать не дают. Позвал советоваться – советуйся, а не тушуйся!

– Ладно... Ну, предупреждать тебя насчет язычка короткого даже не буду – само собой! Должна знать, как каторга с такими поступает. А дело у меня вот какое: подумали-помыслили мы с товарищами и решили захватить кораблик наш, «Ярославль». Что скажешь, Софья?

Глава третья

(июнь 1903 г., Владивосток)

Агасфер осторожно тронул супругу за плечо, накрытое медвежьей шкурой. Настя застонала, высунула из-под шкуры голову.

– Ну, что там, Миша?

– Почти приехали, радость моя! – Агасфер улыбнулся, в который раз казня себя за то, что подверг беременную жену столь тяжкому испытанию. – Озеро Ханка! Мы стоим у устья, грузим на пароходик дрова и ждем попутного ветра!

– Силы небесные... А что потом?

– Нам надо доплыть на баркасе до селения Каменный Рубанов. Там мы в последний раз – клянусь! – сядем на лошадей и уже к вечеру прибудем в селение Встречное. Дальше, моя радость, только водный путь! На баркасе доплывем до Речного, там, согласно депеше, нас ждет военный катер «Абрек». На нем мы и доберемся до Владивостока! Всего каких-то два-три часа!

– Силы небесные! – голова Насти исчезла под мохнатой шкурой.

Агасфер немного покривил душой. До «Абрека» еще предстояло почти 55 верст пройти по реке Суйфун до Речного. А там – последняя ночевка, и уже только потом встреча с военным катером. Какая великая все же страна – Россия!

Но какой бы великой она ни была, через 30 часов «инспектор Бергман» с супругой сошли на берег на каменный причал порта Владивосток.

Над серыми волнами бухты Золотой Рог с криками метались чайки. Командир катера «Абрек», получивший еще на причале какую-то срочную депешу от вестового, наспех козырнул только что высадившимся пассажирам и отдал команду отдавать швартовы.

Причал был абсолютно пуст, если не считать двух грязных собачонок, рывшихся в куче мусора. Настя обессиленно присела на дорожный сундук:

– Вот он какой, оказывается, краешек русской земли... Мишенька, а тут хоть гостиницы есть?

Не успел Агасфер ответить утвердительно, как издали послышался стук копыт. Извозчик? Оказалось, это был казачий патруль. Казаки, заметив путешественников, подъехали прямо к ним.

– Здравствуйте, господа! – поздоровался сотник. – А то мы слышим, что «Абрек» вроде к причалу подходил. Подъезжаем – а катера нет, одни пассажиры. Позвольте осведомиться – издали ли будете, господа хорошие?

– Нынче из Иркутска, а вообще-то из Петербурга, – Агасфер пожалел, что перед высадкой не надел мундир, и представился: – Титулярный советник Бергман. А это моя супруга, Анастасия Васильевна.

Сотник спрыгнул с коня, взял его в повод.

– Гос-с-споди И-исусе, нешто вы, ваше благородие, вдвоем с супругою этакую страсть вытерпели? С самого Иркутска пешим ходом?

Он недоверчиво и даже с некоторым испугом поглядывал на Настю, так и не вставшую со своего сундука.

– Ну почему же пешим? – поправила она сотника. – Примерно половина пути пришлась на реки и всякие попутные водные артерии. Господин казак, а гостиницы у вас во Владивостоке есть?

– Помилуйте! Ну конечно! Вы же устали! Мартынов, аллюр три креста: за извозчиком! – распорядился сотник, однако тут же, оглядев кучу багажа на причале, поправился. – Двух извозчиков сыщи, Мартынов! Духом!

Через полтора часа, блаженно развалившись на перинах лучшего номера гостиницы «Европа», Настя все же пожаловалась спутнику, что-то писавшему за столом гостиничного номера:

– Миша, мне до сих пор кажется, что подо мной все качается и плывет! Так пла-а-авно и медленно... У тебя нет такого ощущения?

– Это бывает, Настенька. Подобное ощущение будет преследовать тебя несколько дней, потом... потом пройдет – если мы не успеем погрузиться на пароход для последнего рывка на Сахалин!

Заслышав стон с кровати, Агасфер засмеялся:

– Это будет большой пароход, и плавание займет всего два-три дня! Вот только когда он придет – никто не знает. Так что отдыхай, милая.

– А ты?

– Я человек служивый. Пойду здешнему начальству представляться – визиты делать. Доктора-акушера для тебя поищу. Есть ли тут такой вообще? Да и город хочу поглядеть – когда-то еще попадешь во Владивосток!

Агасфер знал о некотором своеобразии в управлении огромной областью, городом и его портом. Дело в том, что во Владивостоке начала нового века находились три совершенно независимых руководящих лица – военный губернатор области, комендант крепости Владивосток и командир порта. Нечего и говорить, что в этой ситуации от военного губернатора требовался немалый такт и великосветское чутье, чтобы постоянно избегать межличностных конфликтов.

Вице-губернатор, исполняющий должность своего начальника во время его пребывания в Японии на водах, охотно принял приезжего из центра России – тем более что, судя по красовавшейся на столе зарядной машинке для набивки папирос, иных дел на ближайшие часы у него не предвиделось. Он с изумлением оглядел визитера, одетого в мундир Главного тюремного управления, просмотрел предъявленные бумаги и с видимой неохотой отложил в сторону коробку с табаком, готовыми папиросами, отставил и саму машинку.

– Господин Бергман? Милости просим, милости просим! Ну, рассказывайте, рассказывайте – как там Расеюшка?

Узнав, что посетитель и сам давненько не бывал в российских столицах, а прибыл в Приморье по почтовому тракту из Иркутска, да еще и с женой в интересном положении, вице-губернатор всплеснул ладошами, заахал – не сводя при этом внимательного взгляда с трех массивных перстней с крупными камнями, украшавшими правую руку гостя.

Подивившись отчаянности титулярного советника и его супруги, вице-губернатор, наконец, перешел к делам:

– Итак, вы имеете предписание попасть на Сахалин. При всей кажущейся близости этого острова от наших пенатов... – Вице-губернатор неопределенно ткнул большим пальцем в огромную карту Восточной Сибири, висевшую на стене за его спиной. – Так вот, при всей кажущейся близости острова попасть туда не так просто, господин Бергман! А уж выбраться оттуда, – хихикнул хозяин кабинета, – а уж выбраться обратно еще сложнее, уверяю вас!

Как выяснилось, никакого регулярного сообщения с Сахалином нет – ежели не считать кораблей Общества Добровольного флота, дважды в год отвозящих на остров партии каторжан из самой Одессы. Да, эти «добровольцы» делают попутную остановку и во Владивостокском порту. Один из них, кстати говоря, должен подойти недельки через три согласно телеграфной депеше из Коломбо. Но корабли сии – грузо-пассажирские, и, кроме арестантов, везут на Дальний Восток в основном груз.

– Если не ошибаюсь, на «Ярославле», прибытия которого мы ожидаем, имеется всего одна или две каюты первого класса, сделал задумчивое лицо вице-губернатор. – И эти каюты вполне могут быть заняты чиновниками островной администрации, возвращающимися, скажем, из отпусков. На «Ярославле» наверняка есть свободные места на так называемой пассажирской палубе. Но помилуйте, господин Бергман, удобно ли вам, да еще с беременной женой, с неделей, а то и больше, дней десять, мучиться в таких условиях?

– А почему неделю? – ловко вставил вопрос Агасфер. – Я слышал, что большой корабль идет отсюда до Сахалина не более двух суток!

Вице-губернатор снисходительно улыбнулся, встал и поманил гостя поближе к карте.

– На Сахалине есть лишь два обжитых людьми поселения. Одно из них пост Корсаковский, вот здесь. – Он ткнул в точку на карте незажженной папиросой. – Тут всего два-три острога, десяток домишек для персонала и телеграфная контора. Больнички – и той нет, насколько я осведомлен. А здесь, на западном побережье, – папироса поползла по карте выше, – располагается главная тюремная столица под поэтическим названием пост Дуэ. Там резиденция губернатора острова, основное скопище тюрем, угольные копи и вечно разбитый причал, к которому рискует причаливать лишь личный паровой катер островного начальства. Вот туда-то, милостивый государь, вам и следует направляться!

– Так почему неделя-то? – стоял на своем Агасфер.

– Потому что в Корсаковском посту пароход из Одессы будет выгружать часть груза, высаживать часть арестантов и забирать на борт тех, кто нуждается в серьезной медицинской помощи. А поскольку персонал в Корсаковском, как бы это помягче сказать... В общем, редкие пьяницы и бездельники, чего уж там! Ну и сами понимаете, сударь мой, спешить им совершенно некуда!

Некоторое время Агасфер осмысливал услышанное, потом, вычленив наиболее важное, заинтересовался:

– А вот вы упоминали вечно разбитый причал в каторжанской столице, как ее – Дуэ?

– Да-да, Дуэ. И что же?

– А как же тогда производится выгрузка грузов, высадка и посадка пассажиров?

– На баржах, милостивый государь! Капитан большого судна ложится в дрейф напротив Дуэ, как можно скорее грузит баржи товарами, людьми и отправляет их на берег. Вообще должен заметить, господин титулярный советник, что моряки страшно не любят Татарский пролив! Во-первых, там очень быстро и безо всяких угрожающих признаков возникают сильнейшие штормы. А во-вторых, дно Татарского пролива представляет собой практически монолитную каменную плиту, за которую не зацепишься никаким якорем! Так что на время шторма – пока он не кончится, корабли уходят под материковый берег и там маневрируют двигателями и парусами, чтобы не разбиться о скалы...

– М-да-а, – Агасферу даже не надо было изображать потрясение: подобные новости способны испортить настроение кому угодно.

– Однако, милостивый государь... – Вице-губернатор вытянул из-под кителя цепочку с часами. – Однако прошу меня простить, но у меня время обеда-с! Желудок барахлит, доктора требуют строгости в соблюдении режима питания!

Поскольку у Агасфера осталась масса вопросов, а местный чиновник и не думал приглашать его составить компанию за обедом, то он решил пригласить вице-губернатора сам.

– Рад бы, да не могу! – прижал руки к груди вице-губернатор. – Откровенно говоря, это мне следовало бы пригласить вас к себе – обедаю я дома, но супруга, знаете ли, страшно нервничает при появлении в доме посторонних людей. Так что простите великодушно, но в следующий раз – непременно!

Чиновник принялся торопливо рассовывать по ящикам стола курительные принадлежности, и разочарованному Агасферу ничего не оставалось, как заметить, что, судя по количе-

ству заготовленных папирос, курит господин вице-губернатор изрядно, а ведь это вредно для здоровья.

– Ну что вы, сударь, я и вовсе не курю! – рассмеялся чиновник. – Это так, баловство, можно сказать! Заготовлю пару-тройку сотен, да и сдам во флотскую лавочку! Мелочь, конечно, пустячок-с, зато по субботам, когда пулечку расписать компания собирается, не надо у супруги денег на игру просить... А что касается пообедать со вкусом, то могу рекомендовать вам ресторацию Бронштейна, «Морской клуб», либо клуб купеческий, основанный самыми крупными здешними предпринимателями. Видели, небось, вывески повсюду – торговый дом «Кунст и Альберс»? Он же «Немецкий клуб». Так вот, это они и есть! Ну а за сим вынужден откланяться, милостивый государь! Возникнут вопросы – заходите в любое время!

Еще раз попрощавшись уже на крыльце присутствия, вице-губернатор засеменил куда-то вдоль домов, составляющих, надо полагать одну из улиц Владивостока. Агасфер решил, что ему тоже пора возвращаться в гостиницу, к жене. Кликнув извозчика, он приказал везти его в какую-нибудь приличную ресторацию, где подают обеды на вынос, и тут же был подвезен к заведению Бронштейна.

Заведение, как и весь город, пустовало. Появление посетителя, приехавшего к тому же на извозчике, вызвало у obsługi тихий ажиотаж. У Агасфера поинтересовались – что господину угодно?

Агасфер объяснил, что поселился в гостинице «Европа» с супругой, которая пока слишком слаба после перенесенного пути, чтобы выходить на улицу. И пообещал, что если доставленный обед понравится, то он заключит с хозяином договор на поставку в гостиницу также завтраков и ужинов.

Пока Агасфер знакомился с меню, кто-то из obsługi послал за хозяином заведения. Господин Бронштейн с крошками в окладистой бороде вручил Агасферу свою визитную карточку и обещал доставить новым клиентам истинное удовольствие.

К удивлению Агасфера, меню ресторации было весьма обильным и разнообразным. Преобладали в нем блюда из дичи. Договорившись о том, что обед доставят в гостиницу через час, Агасфер на прощанье поинтересовался наличием во Владивостоке докторов акушерского направления.

Весь персонал ресторации всполошился: как?! Господину требуется медицинская помощь, а он отвлекается на пустяки?! Агасферу едва удалось успокоить людей, пояснив, что его жена находится в положении, и до прибытия парохода он бы желал организовать за ней профессиональный присмотр и уход.

В общем, доктора обещали прислать в гостиницу вместе с обедом, а может быть, и раньше: один из официантов помчался куда-то по улице, даже не сняв передника. Агасфер, в свою очередь, поспешил в гостиницу.

Приезжие пообедали доставленными кушаньями, приняв на «десерт» визит доктора, смиренно дожидавшегося окончания обеда в гостиничном коридоре.

Несмотря на скромность, доктор Якобзон оказался весьма знающим специалистом, не опустившимся в глубокой провинции. Как выяснилось, он выписывал массу специальных журналов, в том числе и на немецком языке. И был, таким образом, в курсе если не последних новинок медицины, то предпоследних – наверняка.

Он же предложил Агасферу совершить вместе с ним прогулку по вечернему Владивостоку, пообещав познакомить со всеми местными достопримечательностями, а также показать самую главную – «Немецкий клуб».

Агасфер имел особые виды на эту торговую фирму, и, разумеется, согласился, поинтересовавшись для приличия, не повредит ли это практике доктора? Тот печально улыбнулся: нет, не повредит...

Настенька охотно отпустила супруга: было видно, что месячное путешествие ее сильно вымотало.

Не спеша прогуливаясь по полупустым улочкам, Агасфер за какой-то час узнал о Владивостоке много нового.

Залив Петра Великого, на побережье которого расположен Владивосток, стал известен в Европе только в 1852 году благодаря членам экипажа французского китобойного судна, случайно совершивших зимовку в бухте Посыет. По некоторым сведениям, эти же китобои в 1851 году посетили и бухту Золотой Рог.

В 1856 году английское судно «Винчестер» из состава англо-французской эскадры, искавшей российскую эскадру во время Крымской войны, посетило бухту Золотой Рог. Англичане назвали ее Порт-Мей.

В 1859 году генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Она напоминала бухту Золотой Рог в Константинополе, и генерал-губернатор предложил назвать ее так же, а на берегах приказал учредить военный пост, который он же поименовал Владивостоком. 20 июня 1860 года военный транспорт «Маньчжур» основал военный пост, который теперь уже официально получил название Владивосток. Солдаты и матросы приступили к постройке поста. Этот день официально считается днем основания города. В 1862 году военный пост переименовали в порт, а для увеличения объемов внешней торговли ему присвоили статус порто-франко – свободного порта.

Торговый дом «Кунст и Альберс», ставший впоследствии широкой коммерческой сетью на Дальнем Востоке, был основан в 1864 году.

Немало интересного узнал Агасфер и об улицах восточного форпоста российской цивилизации. Самые первые улицы Владивостока были выстроены вдоль северного побережья бухты Золотой Рог. Располагались они весьма произвольно, поэтому, по свидетельству очевидцев, город с моря был практически незаметен – сплошная зелень! Позже в густых зарослях прорубили параллельно бухте широкую просеку, ставшую Американской улицей – в честь корвета «Америка», исследовавшего залив Петра Великого. Понадобилось пятнадцать лет, чтобы городские власти сочли название Светланская более подходящим – на фрегате под таким названием эти края посетил великий князь Алексей Александрович.

– Ну, вот и «Немецкий клуб», – остановившись на углу Светланской, доктор показал глазами на феешенебельное здание в два этажа. – Приличных людей швейцар пропускает без членских карточек, так что не волнуйтесь! Если ваша милость сумеет понравиться господину Даттану¹⁷ – попадете на Сахалин очень быстро. Он, кстати, бывает здесь ежевечерне.

Чтобы отблагодарить человека, потратившего значительную часть на медицинский осмотр супруги (гонорар за визит Якобзон брать пока категорически отказался) и экскурсию по городу, Агасфер предложил ему зайти в клуб и выпить по стаканчику хереса. Однако доктор отказался, и, развернувшись, торопливо направился в обратную сторону.

Как он и предсказывал, швейцар не стал чинить препятствий новому во Владивостоке человеку. Поклонившись и сняв фуражку, он лишь попросил записаться в журнале посетителей.

Устроившись в укромном уголке обеденной залы, Агасфер заказал большую кружку темного пива и стал с любопытством осматриваться. Народу в клубе пока было, как и предсказывал доктор, немного: немцы – народ пунктуальный и трудолюбивый, до пяти часов пополудни их от амбарных книг и арифмометров не оторвать. Русской речи в зале почти не слышалось – говорили вокруг по-немецки, на голландском и английском языках. Подивился Агасфер и крайней

¹⁷ В описываемое время Даттан не был еще полноценным компаньоном фирмы – Кунст и Альберс ценили его как ловкого и небесталанного бухгалтера.

малочисленности здесь японцев: в том же Иркутске людей монголоидной расы было не в пример больше.

– Позвольте составить вам компанию? – вопрос был задан явно для проформы, ибо толстяк-бородач в светлой паре и с обширной лысиной уже угнездился за столиком Агасфера. И тут же представился: – Генрих Шнитке, оптовая торговля. Впрочем, как и почти все прочие присутствующие.

Агасфер привстал, отрекомендовался: Михаил Берг, инспектор Главного тюремного управления.

– Вот это меня и заинтересовало, сударь мой! – густо захохотал толстяк. – В гостинице человек записался Бергманом, здесь в журнале – Бергом. Как же на самом деле?

Агасфер улыбнулся:

– Знаете, герр Шнитке, это можно назвать данью уважения обоим родителям: матушка моя в девичестве имя Бергмана носила. Так что стараюсь вот, пополам почтение оказывать... Однако и вы мне любопытны, сударь: я первый день во Владивостоке, а моей скромной персоной уже интересуются...

– А-а-а, ерунда! Сие – болезнь маленьких провинциальных городишек, – пренебрежительно махнул рукой толстяк. – К тому же ваше появление в нашем форпосте цивилизации можно назвать несколько шокирующим: петербургский чиновник сходит не с борта корабля, а является из окрестных «джунглей», да еще с красавицей-женой... Что вы пьете? Пиво? Напрасно, сударь мой, напрасно! С пивом вы очень скоро перестанете нравиться женщинам!

И Шнитке опять захохотал, гулко похлопав себя по обширному чреву.

– Вот стаканчик мадеры – в самый раз, – продолжил толстяк и уже по-серьезному, вприщур поглядел на собеседника: – А в самом деле, Берг, что вы позабыли в нашем Богом забытом уголке?

– Разве об этом не говорит мой мундир? – подивился Агасфер.

– Бросьте, Берг! Вы интеллигентный человек, за версту видно! Когда здесь появляются эти тюремные грызуны, они первым делом топают в свое управление и хлещут втихаря «очищенную»!

– Ну, во-первых, я для местных «грызунов», как вы изволили выразиться, великое столичное начальство, которому не подобает напиваться с подчиненными. Во-вторых, я просто не люблю водки. И в третьих, на тюрьмы я еще успею наглядеться, уверяю! В-четвертых, мундир Главного тюремного управления – не каинова печать на всю оставшуюся жизнь. Так что почему бы не провести вечерок в компании приятных людей? И в-пятых, меня серьезно беспокоит проблема переправки собственной персоны на Сахалин. Неужели здесь, как сообщил мне вице-губернатор, нет каботажного сообщения, и мне придется три недели ждать большого корабля из Одессы?

– Каботажка есть, как не быть! – махнул рукой толстяк. – Но нынешняя навигация только открылась, в Татарском проливе еще полно льдов. Да и не любит наш брат, коммерсант, афишировать свои козыри на новый сезон. Ну да откуда вам наши секреты знать, людишкам без коммерческой жилки... Или все-таки с коммерческой слегка?

Агасфер поймал на себе острый оценивающий взгляд собеседника. Черт возьми, за кого они его тут принимают?!

А Шнитке тем временем продолжал болтать о пустяках, время от времени перемежая пустопорожние расспросы каверзными вопросами. Когда Агасферу это надоело, он положил на ладонь немца тяжелый протез левой руки и слегка придавил – до сей поры одинаковые перчатки Берга скрывали от собеседника его изъян.

Шнитке, успевший хлебнуть стаканчиков пять мадеры, вытаращился на «железную руку» нового знакомого, почувствовал холод и твердость металла. Он поднял водянистые глаза на ставшее каменным лицо Агасфера.

– Милейший, а вы меня ни с кем не путаете? – задушевно спросил Агасфер, не снимая протеза с руки немца. – Я ведь не из Министерства внутренних дел, не из Минфина и даже не из Госсовета!¹⁸

– У вас, сударь, рука из железа никак? – ни к селу ни к городу спросил Шнитке.

– Я весь из железа! – вполголоса рывкнул Агасфер. – Извольте объясниться, сударь, к чему все эти странные вопросы?

Шнитке открыл было рот, но тут к столику быстро подошел довольно полный человек, прямо-таки излучавший из себя власть и волю.

– Позвольте представиться, господин Берг, – по-немецки начал он. – Адольф Васильевич Даттан, главный прокурисф фирмы «Кунст и Альберс». Вы ведь говорите по-немецки, не правда ли? Ну вот и славно! Отпустите, пожалуйста, руку нашего друга, я вам все сейчас объясню! Вы позволите присесть? Спасибо! Бутылку содовой! – бросил он подбежавшему официанту.

– У нас здесь действительно небольшое сообщество, – доверительно обратился Даттан к Агасферу. – И вы не должны удивляться тому, что это общество было несколько... возбуждено вашим прибытием. Я имею в виду и сам способ прибытия, и то, что из официальных лиц вы нанесли визит одному вице-губернатору. Торговые люди, да еще торгующие на краю света – весьма подозрительны по своей натуре. Должны быть таковыми, во всяком случае! Итак, я предлагаю вам раскрыть карты! Кто вы такой, господин Берг?

– Бокал арманьяка! – потребовал Агасфер. – Надеюсь, господин Даттан и господин Шнитке составят мне компанию? Три арманьяка!

Подскочивший метрдотель тревожно поглядел на Даттана:

– Я не уверен, сударь, что в наших погребах... Это достаточно редкий и малоспрашиваемый напиток, к тому же весьма дорогой... Я должен самолично убедиться...

– Принеси! – бесцеремонно прервал его Даттан.

Поклонившись, метрдотель поспешил выполнить заказ и вскоре вернулся с покрытой пылью бутылкой на подносе. Распечатав ее, он плеснул немного на дно бокала, и, повинувшись тяжелому взгляду прокурисфа, дал снять пробу Агасферу. Соблюдая традицию, тот отпил немного и, покатав на языке солнечный напиток, кивнул, одобряя.

Метрдотель торжественно наполнил три бокала и отступил. Агасфер поднялся, полюбовавшись на медово-янтарный арманьяк при свете окна:

– Выпьем, господа! – провозгласил он. – Выпьем за то, чтобы люди больше доверяли друг другу!

Выпив свой бокал, Агасфер сунул в кармашек метрдотелю крупную купюру, поклонился сотрапезникам и... удалился, посмеиваясь про себя.

До вечера он успел побывать еще и в Морском клубе – там никто не стал допытываться у него, кто он таков и зачем сюда приехал. Затем он прогулялся по Светланской и окончательно убедился, что в городе Владивостоке решительно все имеет отношение если не к морю, то к морскому ведомству.

В западной части города располагались фанзы азиатов – корейцев, китайцев, маньчжуров и японцев. Восточная часть города была густо застроена казармами и домами, в которых жили военные моряки. Образовательные заведения Владивостока состояли из мужской классиче-

¹⁸ Российской торговлей, помимо Минфина и Министерства торговли и промышленности, а также вопросами российского фондового рынка занимался и Государственный совет. В марте 1898 г. им был предложен особый механизм по гарантиям неприкосновенности вложений частных лиц в кредитные учреждения. Участие в регулировании отечественного финансового рынка принимало и Министерство внутренних дел. В частности, в 1894 г. на его Главное управление по делам местного хозяйства был возложен контроль за всеми страховыми компаниями. Это было связано с тем, что страховые общества достаточно рискованно размещали свои капиталы, так что порой попадали под банкротство. Это в свою очередь могло сказаться на социальной и экономической стабильности государства. Исходя из этого, МВД и поручили курировать данный сегмент финансового рынка.

ской прогимназии и женского училища – опять-таки принадлежащих морскому ведомству, мужского трехклассного и двух начальных училищ, ремесленного училища в порту и Александровских морских классов. В общем и целом Владивосток носил на себе ясный военноморской отпечаток.

Свое «профильное», тюремное ведомство Агасфер решил оставить на один из последующих дней, смутно подозревая, что после посещения оно делать ему во Владивостоке станет решительно нечего. Однако, справившись, где размещается Владивостокский окружной суд, он невольно рассмеялся: суд тоже гнезвился в здании штаба главного командира морских портов Восточного океана!

Сожалая о том, что военноморское ведомство имеет свое собственное командование и посему «меморандум» Куропаткина вряд ли будет принят здесь во внимание, Агасфер решил все же попробовать зайти к командиру всех портов Восточного океана.

Однако попасть к нему оказалось не так просто: сначала дорогу Агасферу преградил вахтенный часовой, потребовавший пропуск. Где берут эти самые пропуска, часовой либо сам не знал, либо это было страшной военноморской тайной.

– Отойди! – рычал матрос, помяная при этом регламент службы и то, что с посторонними часовому разговаривать запрещается. Положение спас офицер, вышедший из штаба. Он подвел Агасфера к окошку в нескольких саженях от крыльца с надписью «Бюро пропусков», козырнул и исчез.

Матрос в окошке, коловший орехи, мигом сбросил шелуху на пол, сделал строгое лицо, потребовал бумаги и спросил, по служебному ли делу следует в штаб посетитель с буквами «ГТУ» на околыше фуражки. После чего пропуск был мгновенно выдан, предъявлен стражу у входа, и Агасфер попал в штаб.

Побродив по извилистым коридорам, он наконец добрался до высоченной двери с бронзовой, свеженадраенной табличкой. Здесь порученец в форме морского офицера охотно объяснил ему, что график отправки военных судов на Сахалин представляет собой строгую служебную тайну. Но даже если бы это и не было тайной, то посторонних на военные суда брать все равно не положено.

С тем Агасфер и вернулся в гостиницу, где его ожидали отлично выспавшаяся и посвежевшая Настенька и посыльный из ресторана, желающий знать, когда господам будет угодно получить свой ужин. Получив указание, он немедленно умчался.

Агасфер во всех подробностях рассказал супруге о своих дневных странствиях. Больше всего Настеньку расстроила неопределенность с большим пароходом. Мало того что его нужно ждать три недели, так еще и неизвестно, будет ли там свободная каюта...

– Ну, эта проблема, допустим, имеет достаточно простое решение, – высказался Агасфер. – Пароход прошел Коломбо и следующую остановку делает в Сингапуре. Достаточно дать запрос в Сингапур на имя капитана или старшего помощника, и мы будем знать ответ. Честно говоря, мне больше не нравятся недомолвки местных торгашей. Ну собираешь ты груз на Сахалин – возьми да и скажи. Я же не спрашиваю – что именно ты повезешь, и свинью не подложу. Нам только и надо что маленькую каютку до «столицы каторжной империи». За кого они меня приняли – черт их разберет!

– Слушай, Миша, а давай я завтра с тобой в этот клуб пойду! – подала идею Настенька. – Женщин, насколько я понимаю, здесь не очень много. Пококетничаю, построю глазки – глядишь, и вызнаю что-то полезное!

На том и порешили.

Ретроспектива 3

(июнь 1886 г., Индийский океан)

Соньке до сей минуты ужасно хотелось спать. Но при словах Блохи сон как корова языком слизнула. Не выдержав, она прыснула, спохватилась, зажала рукой рот.

– Вот баба все-таки и есть баба всегда! – застрожился Семен. – Тебе о серьезных вещах, а ты регочешься, будто щекочут тебя!

– И что ты с кораблем делать станешь, Сема? Поднимешь «черного Роджера» и пойдешь на штурм каторги, куда нас везут?

– Эх, Софья, Софья! Я к тебе, можно сказать, с полным уважением. По-мужински! А ты одне смешки разводишь, образованностью своей кичишься...

– погоди, Сема! Прости! – опомнилась Сонька. – Сам посуди: ну что тут ответишь сразу, когда ночью разбудят и такое скажут, а? Да и что отвечать, если ты ничего мне и не сказал? Где, когда, как?

– А может, тебе и время точно назвать, и заводил главных? – усмехнулся Блоха.

– А вот этого мне не надо! И слышать не желаю! У вас что сорвется или прознают морячки о бунте – где виноватых мужики искать станут? Ясно дело: бабу виноватой сделаете! Мыслями желаешь обменяться по своей задумке? Изволь! Давай с арифметики начнем, Сема! Считать-то, поди, способен? Вот и давай посчитаем: арестантов на «Ярославле» более шести сотен, включая сотню с небольшим баб, которые, по мужинскому разумению, только языками трепать умеют, да вас, героев, «подмахивать»! Значит, сотню долой! А у них, Сема, 40 вооруженных караульных, да 110 человек экипажа, у которых на корабле вроде нашего тоже наверняка оружие должно быть. Я вот когда свободная была, и по подписке от имени графини Стоцкой деньги на Добровольный флот сдавала, то слышала рассуждения: мол, эти «добровольцы» – резерв военного флота. Понимаешь? Коммерческие корабли, которые в любую минуту можно в легкие крейсера превратить. Палубы на носу и на корме усилены под установку легких пушек. Ну, пушки могут и в портах приписки храниться, а вот пулеметы у них точно есть!

– И я про пулеметы слышал, – пробормотал Блоха. – Говорили, что, когда к Сингапуру подходить станем, те пулеметы на палубу вытащат на случай пиратского нападения. Пираты, Софья, в тех узких проливах до сих пор пошаливают! Ладно, до них еще базар дойдет! Ты с арифметикой своей покончила?

– Почти, Сема. Ну, пассажиров можно не считать: пять человек в каютах едут, да человек 30 – палубные паломники, либо богомольцы-индусы. Посчитал? Пятьсот безоружных против 150 стволов.

– Это я уже давно без тебя посчитал, Софья! – отмахнулся Блоха. – Расклад для боевой сшибки – не в нашу пользу, это верно. А ежели иначе дело провернуть?

– Ну, скажи тогда, чего я не знаю.

– Знаешь! Не можешь не знать, Софья! Порядку на нашем корабле нету! Как бабье поселили на «Ярославль», так и кончился порядок! Взять караульную команду – да какой же это караул?! Сам слышал, жалуются: мы-де классные специалисты, гальванщики, мотористы – а нас экономии ради господина из Главного тюремного управления арестантов охранять заставили! Ни устава караульного не знают, ни сноровки караульной! В состав экипажа они не входят – временно прикреплены, на время плавания. Капитан грозит их по прибытии во Владивосток за баб под суд отдать, а оне хохочут. Попробуй, гряд, отдай! У нас – свое начальство. Оно нас не затем два года учило, чтобы всякий тюремный капитан трибуналом грозил! И не отдадут ведь! Караульный в трюме – видела? – табурет себе притащил сверху, чтобы отдыхать, сидючи... И смешки строит, иуда: куда вы, варнаки, с корабля, грит? Скоро шконку себе поставит...

Помолчав, Сема Блоха оглянулся, прислушался и продолжил:

– Скоро, бают, к острову Цейлону подойдем – так весь караул сговаривается на берег сойти, погулять как следывает! Капитану то ли донесли, то ли официальную петицию объявили, а тот опять в крик: «Под трибунал!» А они ему опять: пусть твои матросики жуликов покараулят, от них не убудет! Вольница! Глядя на такую вольницу, и экипаж нахальничать

начинает. Дерзит капитану! А чего не дерзить? «Фонарь» стеклянный у лазарета по случаю жары все время поднят, все слышно! Вот наши и подслушали, когда их в лазарет водили. И капитан дохтуру жаловался – спьяну, видать: мол, не знаю, что и делать! Полтора года до полной выслуги осталось служить. Ну, напишу, мол, рапорт про нездоровую обстановку на судне – меня ж и обвинят: стар стал, экипажем управлять не можешь! Кыш, скажут, прыщ старый, в отставку, без полного пенсионера!

Снова помолчали, искоса поглядывая друг на друга.

– Ну, что скажешь, Софья?

– А что тут сказать? – вздохнула та. – Захватить корабль, может, и не сложно. Про то говорить не будем. Как – не мое, не женское дело. Одно ясно: начинать надо сразу после стоянки в каком-то порту.

– А почему после, а не при подходе? Или не на отстое, когда половина матросни гулять на берегу будут? – перебил ее Блоха.

– Чтобы иметь полный запас угля и воды на тот случай, если за нами погоня учредится!

Сема, помолчав, крикнул:

– Умная ты, зараза! И вправду умная, Софья! – похвалил он. – Не сказки про твои вольные похождения на пересылках и централах рассказывают! Я б тебя в «иваны» кликнул, да ведь наши дураки под бабу не пойдут!

– А ты сначала бы у меня спросил – я в ваши «иваны» пойду ли? Я б тебе то же самое ответила. О другом я, Сема: ну, захватили вы корабль. Матросиков с караулом и пассажиров – за борт, ясное дело: свидетели вам не нужны. А что потом-то?

– Как – что потом? – не понял Блоха. – Свободка потом, Софья! Нешто тебе в каторгу или в тюремный замок хочется? А ведь туда и попадем, ежели не предпримем ничего!

Блоха вытянулся вдоль решетки, подложив под голову кулаки. Сонька прилегла рядом, со своей стороны решетки, грустно улыбнулась в темноту, протянула руку, ласково потрепала собеседника за колючие, начавшие отрастать волосы на обритой голове.

– Ты чего? – не понял Блоха. – Приласкаться желаешь, что ли?

– И почему вы, мужики, до седых волос мальчишками остаетесь? Почему если и думаете наперед, так не больше чем на день, много два?

– Ты о чем? – опять не понял Блоха.

– Да все о том же, Наполеонка ты мой глупенький! Сколько портов до Владивостока? – не давая времени обидеться на Наполеонку, жестко спросила Сонька.

– Три або четыре. Цейлон, Сингапур, Нагасаки. Иногда, матросы говорили, перед Нагасаки в Гонконг заходы бывали – если угля или воды в Сингапуре мало на борт принималось. А что?

– А ты сам-то не понимаешь? Вот представь себе: заходим в Сингапур. Грузимся там углем, водой, еще там чем – и выходим из порта. А через два-три дня, как с матросней и пассажирами управимся, возвращаемся обратно. Здравсьте, мол, господа англичане! Приютите беглых русских арестантов, которым в каторгу неохота! Экипаж свой и конвоиров мы, извините, перетопили, чтобы не путались под ногами. Принимайте нас! И по берегу в своей рванине, свободой наслаждаться... Так, что ли?

Блоха с тоской выматерился, харкнул в темноту.

– Денег нет, одежды нет, из документов – только «статейные списки», – меж тем ровным голосом, без издевки, скорее печально продолжила Сонька. – И что, по-твоему, Семушка, сделают с нами англичане? А вот что: до тюрьмы не доведут! По морским законам вооруженный захват корабля, сиречь пиратство, имеет одно наказание: петля на шею! Зачем им русские страдалцы-арестанты – своих хватает! Так и перевешают на пальмах.

– Можно на пустынный берег, подальше высадиться, – забормотал не ожидавший такого поворота Сема Блоха. – В Австралию можно уплыть, али еще куда. В Японию податься... А

то и в Сингапуре местных пиратов поискать, – оживился он. – А что? Те точно примут! Свои, можно сказать!

– А ты полагаешь, что сингапурские англичане этих пиратов не ищут? Давно ищут, да найти не могут! Эх, Сема, Сема! Но это все во-вторых! А во-первых – сходняк общий провести надо! Выяснить – все ли согласны? Попомни мое слово: не все! Мужика, допустим, «от сохи на время взятого»¹⁹, на полтора года в каторгу везут – а ты ему вместо 18 месяцев виселицу верную навязываешь!

Блоха поглядел на Соньку уже с ненавистью: у этой умной стервы на все был готов ответ.

– Нельзя сходняк по таким вопросам проводить! – сквозь зубы пробормотал он. – Тогда точно гнида найдется, упредит капитана и экипаж... Подготовимся по-тихому, упредим только кого надо. Остальных, когда начнется, кровью повяжем, чтобы не могли уже отступить!

Сонька села, запахнула на ногах серый арестантский халат.

– В той половине о твоих планах знают?

– Откуда? Через караульного передавать? – зло спросил Блоха. – Вот думаю – как попасть туда?

– А вот это я тебе подскажу! – почти весело протянула Сонька. – Есть старый каторжанский способ сменить камеру! Когда «мастакам»²⁰ в камере обыгрывать некого становится, устраивают драку. В больничке слезно каются перед тюремным начальством: да, мол, картежники! И быют нас смертным боем за картежные «вольты». Если вернете в старую камеру – до смерти убьют! А какому начальнику охота за убитого под его присмотром бумаги писать? Проще перевести! А можно письмо при проверке начальству подбросить: так, мол, и так: готовится бунт в отделении! И подписаться непременно! Чтобы знало начальство, кого о бунте расспрашивать. Вызовут стукачей – те опять в картежных пристрастиях признаются. Подписку дадут, что готовы стать стукачами – только пусть их переведут в другую половину!

– Ловко придумано! – оценил Сема Блоха. – Стерва ты все-таки, Софья! Умная! Дело-то вроде в твоём вкусе, а участия принимать самолично не желаешь. Не при делах остаться хочешь, только советы даешь?

Драки между арестантами в тюремном трюме «Ярославля» были явлением нечастым. Если кого-то и били, то старались, чтобы до корабельного начальства дело не дошло: старший помощник капитана Промыслов в первый же день передал арестантам распоряжение командира: нарушения будут наказываться.

– Разбираться не будем – кто, кого, за что, – зычно вещал Промыслов в проходе между клетками сразу после погрузки, еще до выхода «Ярославля» в море. – Случится драка – на следующий день вся арестантская команда остается без верхней палубы! Без прогулки то есть. Ни помыться, ни бельишко постирать – понятно, да? А когда в южных широтах доктор красное вино распорядится давать для здоровьишка – то и без вина! Ежели у драки будут последствия – смертоубийства там, переломы, сильные ушибы – то наказание может быть увеличено до 2–7 дней. Все понятно, господа варнаки?

«Господа варнаки» тогда особого значения предупреждению старшего помощника не придали: мало их начальство в пересылках да в острогах пугало! Однако не успел «Ярославль» дойти до Порт-Саида, а невольники уже в полной мере оценили ежедневное удовольствие купа-

¹⁹ Так в русских тюрьмах преступники-профессионалы пренебрежительно отзывались о тех, кто попал в Молох закона по ошибке.

²⁰ Мастаками на тюремном жаргоне называют признанных мастеров – картежных шулеров. «Вольт» в карточной игре – способ незаметно поменять местами плохие и хорошие карты.

ния под сильными струями воды из брандспойтов. В Суэцком канале в правом трюме случилась небольшая драка, без особых последствий – и капитан сдержал слово: на следующий день, показавшийся арестантам адовым пеклом, на купание был наложен запрет.

А когда после выхода в Красное море невольным пассажирам стали выдавать к ужину по большой кружке красного терпкого анатолийского вина – «иваны» пустили среди глотов и особенно игроков²¹ свое указание: кто оставит братву без купания и вина, тех будем наказывать сами, своим «следствием»²².

И в трюме почти на две недели воцарились тишина и спокойствие. Нет, без оплеух и подзатыльников, отвешиваемых тупой и забитой шпанке²³, конечно, не обходилось – так это разве в счет?

Расставшись с Сонькой, Сема Блоха проскользнул к единомышленникам-«иванам», бывшим в курсе дерзкой задумки. Наскоро пересказал Сонькины идеи. Кое-что показалось дельным, хотя сама мысль действовать под диктовку бабы, пусть и аферистки высшего разбору, была противна. Кинули, посмеиваясь, жребий – кому первому по сопатке получать – все должно быть натуральным, с кровью и столами.

Заранее морщась, Сема предупредил друга, чтобы тот своими кулачищами шибко не зверствовал: смотри, мол, потом ведь моя очередь придет! Опосля решили колотить набитый тряпьем армяк²⁴, и шумно, и не больно.

Загородившись на всякий случай от дремлющего караульного тряпками, Семе Блохе накрыли голову халатом и дали первую плюху. Дали, видимо, от души, потому как тот, подскочив от боли, зашипел:

– Я ж тебя просил, падла... Ну, держись, когда мой черед придет!

– Терпи, казак, атаманом будешь! – гыгыкнул второй заговорщик, отвешивая второй удар, едва не разбудивший караульного.

Сему удержали от немедленной «оборотки», сняли с физиономии халат, придирчиво осмотрели повреждения.

– Сойдет, Сема! – больше всех успокаивал кореша второй. – Кровишки поболее по харе размажем – и сойдет!

Оп-па! Не дожидаясь, пока кореша накроют, Сема дважды ударил его от души, сбил на пол. Закатившись под шконку, дал сигнал остальным: давай, мол, робята!

Те тут же принялись пинать армяк и лупасить его, сопровождая «избиение» дикими воплями.

Первыми тревогу забили женщины-арестантки из смежной клетки:

– Эй, мужики! А ну кончай морды друг дружке «гладить»! – негромко заголосила одна, опасливо поглядывая на продолжающего храпеть караульного. – Без помывки ведь ироды завтра оставит!

Видя, что драка в полутьме и неверном свете качающихся фонарей продолжается, женщины накинулись на своих «кавалеров», успевших проникнуть к ним.

– Колян, Федька! Да разбудите вы своего товарища! Без воды, без стирки ведь останемся завтра!

– А нам-то чево? – вяло посмеивались кавалеры. – Не наша вахта!

²¹ Категории осужденных-скандалистов, чаще всего подверженные «внутренним разборкам».

²² «Следствие» – жестокая игра-наказание для провинившихся, нарушивших тюремные неписанные законы. Как правило, виновных скручивали тряпками и подбрасывали к потолку, давали возможность падать с высоты на пол. «Усиленное следствие» означало, что под тело падающей жертвы подкладывали твердые предметы вроде деревянных чурок, ломавших ребра, позвоночники, руки и ноги.

²³ Самая низшая, всеми забитая категория арестантов.

²⁴ Зимняя верхняя одежда, выдаваемая всем заключенным при отправке на дальнюю каторгу.

Однако шум внизу уже привлек внимание караульного с верхней палубы. Заглянув с фонарем вниз, он увидел катающуюся по полу в мужском отсеке кучу-малу, мелькающие ноги и кулаки. Перевел фонарь на спящего караульного в нижнем проходе, заорал:

– Эй, вахтенный, мать твою так и этак! У тебя там драка по левому борту! Эй, варнаки, а ну прекращай шум! Расходись по шконкам!

И пронзительно засвистел в оловянный свисток, созывая дежурную ночную вахту.

Через полчаса старший вахтенный докладывал старпому Промыслову:

– Так что опять драка в левобортном отсеке, ваш-бродь! Дрались человек восемь, пока мы спустились, все разбежались, как водится. Осмотрели отсек – в крови только эти двое, ваш-бродь. И карты по шконке раскиданы... Прикажете разбудить капитана, ваш-бродь?

– А зачем? – зевнул Промыслов. – Зачем будить-то? Сказано было, и не один раз: кто, кого, за что – нас не интересует! Факт драки зафиксирован? Значит, и моего рапорта капитану хватит: завтра все арестанты остаются без помывки и без вина!

– Господин начальник, ваше высокоблагородие! – заблажил Блоха, подтирая кулаком кровавые сопли под носом. – Прикажете нас с Мишаней в правый отсек перевести! Убьют ведь, варнаки! Тихо-мирно с Мишаней в штос кидались – а эти ироды накинудись, всю морду попортили!

– Несчастные какие! – покачал головой Промыслов. – На пару, значит, играли?

– Так точно, ваш-бродь! А оне...

– Кто – оне? – вкрадчиво поинтересовался Промыслов. – Скажешь – рапорт писать не стану!

– Ваш-бродь, нешто вы порядков наших, каторжанских, не знаете? Не видели мы никого, темно ведь...

– Понятно, – равнодушно кивнул Промыслов. И повернулся к судовому доктору: – Евгений Сидорович, осмотрите этих потерпевших, будьте добры! Есть ли у них ранения, представляющие опасность для жизни и здоровья?

Паламарчук опасливо обошел связанных кусками линька «картежников», покачал головой:

– Та вроде немає ничего страшного. Мордуленции разбиты, так это им не привыкать, я так полагаю...

– В госпитализации они нуждаются, доктор? Эй, варнаки, руки-ноги целы? Ребра вам не успели потоптать?

– Никак нет, ваш-бродь!

– Вахтенный! Запри голубчиков до утра в «фонарь»²⁵, а перед завтраком переведи их в другой отсек. Мастаки, видать. Им к себе возвращаться нельзя – убьют! А нам отвечать – что мер не приняли!

– Вот спасибо, ваш-бродь! Тока в «фонари»-то за что? Мы же с Мишаней как есть пострадавшие, и нас же в «фонарь»!

– За память плохую! – усмехнулся Промыслов. – Марш отсель!

Как ни старались Сема Блоха и его агитаторы соблюсти конспирацию, понятие свободы для каждого арестанта является совершенно особым. Одни ждут ее для того, чтобы попытаться

²⁵ «Фонарем» на кораблях такого типа называли полое основание мачты, которое обычно использовалось вместо карцера, для наказания арестантов. В тесном отделении «фонаря» нельзя было даже сесть – лишь чуть-чуть согнуть ноги в коленях. В жаркие дни «фонари» для наказания не использовались: уже через полчаса заключенный туда арестант мог умереть от теплового удара.

что-то изменить в своей жизни, – таких всегда было меньше прочих. Для других свобода означала пьянящее чувство хоть временного избавления от тюремных норм и правил, от придирок начальства, от гнета самой каторги...

Отсидев в «фонарях» до утра и попав в правобортное отделение, Блоха и его друган Мишаня скоро познакомились с тамошними «иванами», для которых правый отсек хоть и был временной, но все же своей территорией, где они были хозяевами. Ближе к вечеру пришлые стали сначала намеками, а потом и откровенно говорить здешней арестантской «головке» про свои истинные цели попадания в «чужую хату».

Вся прочая арестантская братия – глоты, храпы, игроки, бродяги поначалу не увидели в смене «хаты» ничего, кроме обычной каторжанской хитрости. Способ смены камер был, как уже упоминалось, не нов. Подтянулись только местные игроки и мастаки, заподозрившие Блоху и Мишаню в покушении на их «экстерриториальность» и, соответственно, заработка.

Идея захватить корабль и получить таким образом свободу была воспринята с большим энтузиазмом. Каторга, как правило, живет одним днем: «Седни гуляем, а завтра – что будет, то и будет. Доживем – увидим!» Именно поэтому мало кто из арестантов задал себе и товарищам вопросы, с которых начала сутками раньше Сонька Золотая Ручка. Суть этих вопросов сводилась к следующему: ну захватим. А корабль как вести? А что дальше – без приличной одежды, без денег и документов, в чужой стране, не зная языков? Вопросы трудные. А раз трудные – стало быть, и головку свою ломать над ними незачем!

Следующей ночью, на малом сходняке, «иваны» окончательно решили: берем корабль! Но детали по первости обсуждались не практического свойства, а больше мечтательного.

– Первым делом старпома, паскуду, жизни лишить!

– Верно говоришь: он тут самый вредный!

– Робя, я согласный насчет старпома – тока не сразу. Чтоб помучался! Как нас, ирод, мучал! День-два в «фонаре» подержать, на солнышке!

– Ты чего несешь? «День-два»! – усмехался оппонент. – Известно, на солнышке в «фонаре» больше двух часов человек не высидит!

– Не дурней тебя. Час подержать, вытащить, водой облить – да снова в «фонарь»!

– Ну, это совсем другое дело. Тогда я согласный!

В другом углу – другие разговоры и шепот:

– Караульных – за борт, первым делом. Из экипажа машинистов тока оставить – нешто самим уголек ворочать?! Наворочались!

– Но капитана, братцы, не трожьте, Богом прошу! Пока до нужного нам места корабль не доведет – трогать капитана нельзя. Потом – конечно, кровь пустить: свидетель! Оставлять живым нельзя никак!

– Робяты, а вот мне сказывали, что у капитана казна есть. Сундучок такой. Не большой, да и не маленький. И держит там капитан деньжищи – уголь в портах покупать, провиант!

– Ага... И пассажиров пошерстить непременно, прежде чем за борт кидать. Многие, слышь, вместо лопатников книжки банковские с собой возют. Для удобства, чтобы «саргой»²⁶ карманы не оттягивать.

– Возют-то возют, а ведь там что-то по-грамотному писать надоть, чтобы бумажки энти на «саргу» в банке променяли! Вот ты, Петрован, грамотный – а что в книжечке той писать надо – знаешь?

– Откуда?! Тогда так, братцы: пассажиров с ихними книжечками пока в расход не списываем! Прибудем в порт какой – заставим сначала в банк сходить, «саргу» получить. А ты

²⁶ На блатном жаргоне лопатником называют бумажники, кошельки, портмоне. «Сарга» – на тюремном языке наличные деньги.

с ними, Петрован, гы-гы! Заместо слуги либо, скажем, капельдинера. Двери ему открывать будешь, да ботинки чистить...

– А чего до банка и дверь не открыть? – нехорошо улыбается Петрован. – А как «саргу» получит, так энтой же дверью, как кошку, и придавить, паскуду!

– погоди, робя! – вспомнил кто-то. – А поваров-то корабельных забыли! С ними как поступать будем? Кормят ведь от пуза!

– Точно! Я в детстве у мамки таких борщей не едал, как на «Ярославле»!

С этим не поспоришь. «Иваны» задумались: вопрос кажется им серьезным – убивать тех, кто хорошо их всю дорогу кормит, или нет? Постановили: поглядим по обстановке! «Жуликом»²⁷ по горлу – никогда не поздно, хе-хе...

Моряки – люди наблюдательные. Такими их делает профессия и само море, готовое в любую минуту взорваться штормом, в серых волнах которого таятся невидимые и коварные острые рифы. Множество признаков, за которые мореплаватели в течение сотен лет плавания заплатили своими жизнями, научили их серьезно относиться к каждому из таких признаков, оценивать их в совокупности с другими, принимать меры предосторожности.

Нет, наверное, ничего удивительного в том, что первыми заметили признаки надвигающегося бунта на корабле именно матросы.

И пока на тюремной палубе «Ярославля» арестантская «головка», почуявшая возможность обрести свободу, с полной серьезностью решала: кого отправить за борт в первую очередь, а кого поддержать перед смертью за горло ввиду нужности, в матросских кубриках, отданных на время рейса «Ярославля» на Сахалин караульной команде, чуяли признаки приближающейся бури.

Через день после удачно проведенной двумя «иванами» операции по переселению в правобортный трюм матрос-караульщик Степанов, отстояв вахту, лежал у себя на шконке, рассматривая лопнувший шов на своем ботинке. Заниматься ремонтом в жару было край как неохота, о чем он, лениво матюгнувшись, и довел до сведения своих товарищей по кубрику.

– Та тут еще и кожа така, что хоть пулей прошибай! – поддержал товарища сосед с верхней шконки. – Усе ручечки попортишь, доколь три стежка сделаешь!

– Слышь, земля, а ты архаровца какого из трюма попроси! – посоветовал третий. – Они за колоду карт тебе не тока починят – новые пошьют!

Но карт ни у кого из кубрика не было – а может, и была у кого припрятана колода, так для своих надобностей берег.

– А вот у меня один настоящую карту нашего маршрута спрашивал, – вдруг вспомнил Степанов. – Говорю: а на что тебе? Боишься, мол, что мимо каторги проплывем? Гы-гы...

– Они со вчерашнего дня вообще какие-то другие стали, варнаки наши! Раньше замечание сделаешь – подскочат к решетке, глаза злые, как у чертей, так бы, кажись, и разорвали! Вывалит целую кучу словесного поноса, все дотянуться пытается. А теперя – не успеешь замечание сделать – бегом бегут, как кадеты-новобранцы!

– И к чему бы такое послушание, братцы?

– Ох, не к добру! Может, затевают чего?

– Что ж с ботинком-то делать? Дратвы кусочка ни у кого нету, братцы?

– Слышь, Степанов, а ты в кают-компанию просочись как-нибудь, – посоветовали ему. – Там книжек целый шкаф. И видел я там здоровенный «Мировой атлас». Днем господа офицеры в кают-компанию не ходят, так ты бритвочкой карту Южного полушария вжик – и, как на нижнюю вахту пойдешь, сразу спрашивай сапожника! Карта как карта – авось возьмет за починку!

²⁷ «Жуликом» арестанты часто называли остро наточенные ножи, носимые за голенищем сапог.

– А ежели поймают? За порчу своих книг господа офицеры взыскивают! Разве что вообще спереть тот атлас, братцы, а?

Посмеиваясь, незадачливому Степанову решили помочь. Стащили атлас, вырезали пару нужных страниц, даже маршрут «Ярославля» карандашом обозначили.

А на следующий день после помывки на верхней палубе очередной партии арестантов кто-то из них вместе с шайкой вернул вахтенному матросу из экипажа подметное письмо, многозначительно при этом подмигнув. Письмо передали боцману, тот – старпому Промыслову. Разобрав полуразмытые каракули, тот решил, что письмо стоит показать капитану.

– Ну и что вы думаете по этому поводу, Юрий Петрович? Опять какая-то арестантская хитрость?

– Даже и не знаю, что сказать, Сергей Фаддеич, – пожал тот плечами. – Думаю, нервы наши проверяют, не иначе! Бунт на корабле – штука серьезная, это все знают. Была бы хитрость – подписал бы аноним свое письмо. Чтобы вызвали его, скажем, в другой отсек перевели...

– Юрий Петрович, я в твои дела не лезу, – помолчав, капитан вложил клочок бумаги в судовой журнал. – Но ведь у тебя, кажется, осведомители внизу есть? Может, их порасспрашивать? Мы часов через сорок к Цейлону подходим, сам понимаешь...

– Понимаю. Но чтобы моих людишек не выдать, надо бы общий медосмотр, что ли, организовать. С выводом арестантов в санчасть. Паламарчук, правда, скулить начнет – наш доктор-то только спать горазд!

– Объявляй медосмотр, – решил капитан. – А с хохлом нашим я сам поговорю. Начнет скулить – спишу на берег прямо в Цейлоне! И обыск помещений проведем!

Промыслов встал, потоптался у выхода, тихо спросил:

– Так вы полагаете, господин капитан, что варнаки что-то серьезное затевают?

– Это я у вас должен, милостивый государь, спрашивать про серьезность! Кто у нас за арестантов отвечает? Идите к доктору, Юрий Петрович!

Предупредив доктора о необходимости внеочередного проведения медосмотра, Промыслов вызвал матроса, которому передали подметное письмо. Как минимум, старпом хотел выяснить – из какой клетки был тот помывщик-«писарь». Как максимум – была слабая надежда, что матрос его узнает.

Но матрос, хоть и показался старпому сообразительным, надежд не оправдал. Он смог назвать только точное время передачи записки, а посему удалось установить, что мылись арестанты из правого трюма.

– А арестантов этих, ваш-бродь, сам черт друг от друга не отличит – прощения просим на грубом слове! Тем более – голышом. Волосатый, кривоногий, вроде прихрамывает... Но чтобы узнать его – не знаю, ваш-бродь. Зря обещаться не люблю...

Под усиленным караулом первую партию арестантов в 50 душ вывели для медосмотра на верхнюю палубу. Остальных из правого отделения перегнали в левое. Жалобы на неудобства и тесноту во внимание не принимались.

Для обыска освободившегося отделения по правому борту капитан назначил боцмана Скибу – дотошного и въедливого старослужащего, плававшего по морям второй десяток лет.

– Мирон, ты моряк опытный. Если арестанты что-то спрятали в трюме – ты найдешь, я в тебя верю! Возьми себе в помощники столько людей, сколько считаешь нужным – и чтобы дело как можно быстрее сделать, и толкотни лишней не было. На карты наплюй – в конце концов, чем им еще тут заниматься, как не картами? Искать надо в первую очередь то, что может помочь в побеге и захвате корабля. Следы приготовления оружия и путей для побега.

– Коли есть така бяда – сыщем, ваше благородие! – уверил боцман.

Доктору тоже были даны указания: заглядывать под все тряпки, которыми за неимением бинтов арестанты имели обыкновение заматывать язвы и раны, а также проверить, сколько можно, естественные отверстия человеческого тела.

Отдельную поисковую группу матросов назначили тщательно обыскивать одежду, личные вещи невольников и их мешки. Усиленная группа караульных, встав шеренгой вдоль решетки, отделяющей разделенное на женское и мужское отделение от коридора, внимательно наблюдала за всеми перемещениями групп арестантов, следила за тем, чтобы те не передавали ничего друг другу и даже не разговаривали. Последнее, разумеется, удавалось меньше всего: арестанты – кто громко, кто шепотом – выражали свое возмущение нарушенным порядком, издевательством над людьми, пытали караульных о причине такого вселенского шмона.

Укрывшись в самом дальнем углу, Сема Блоха и еще с десяток «иванов» тихо обсуждали неожиданный медосмотр и обыск.

– Кто-то стукнул, Сема! – уверенно шептал один из «иванов». – Как пить дать – стукнул! Говорили мы тебе: не надо раньше времени народишко булгачить, о планах захвата говорить!

Блоха и сам теперь понимал, что именно к этому совету Соньки он не прислушался напрасно. И что напрасно, соответственно, дал санкцию на пущенный по тюремному трюму слушок. С другой стороны, целый ряд приготовлений, необходимых для захвата корабля, осуществить втихомолку от всех было просто невозможно. Взять те же заточки: вооружить требовалось как можно больше народа, да и на изготовление каждого ножа, при отсутствии в трюме точильных камней, времени уходило порядочно.

Что могут сдать – знал и он, и все «иваны». Догадывались главные заговорщики и о том, что корабельное начальство имеет внизу свою агентуру. Полагали, что кто-нибудь из шпанки, прознав о назначенном захвате, мог до смерти перепугаться затеянной попытки бузы и гибели где-то на чужбине. А то и виселицы, как верного следствия бунта на корабле.

– Что сделано, то сделано, и нечего об этом трепать! – зло отозвался Блоха. – Нам чичас другое важнее: сберечь то, что успели приготовить! А как именно начальство в известность поставили, *кто* поставил – дело второе! Найдем паскуду, разберемся с ним по-нашенски – протчие желающие потрепаться по гроб жизни языки в зады себе засунут поглубже!

«Иваны» закивали: все так, все верно!

– И все ж давай думать, братцы: как мог паскудник весточку на верхнюю палубу бросить? Через караульного записочку передать?

«Иваны» подумали, мысль Блохи отвергли:

– Чтобы караульный близко к решетке подошел, надо, чтобы он не боялся того, кто зовет. А оне все боятся...

– На пол в проход кинуть письмецо, чтобы тот подобрал?

– Никак невозможно, Сема! На караульщике все время сотня глаз. Смотреть-то тута более некуда! Было бы письмо – кто-то да заметил бы, слушок пошел бы...

– Не об том мыслим, робяты! – подал голос один из «иванов». – Какая, к свиньям, разнища – как именно паскудник письмецо передал! Он его писал – вот от чего танцевать надо! У многих ли нашенских здесь, на корабле, бумага да карандаш имеется? По пальцам таких счесть можно!

– Точно! – подхватил Сема Блоха. – Да и писать великих мастеров нетути! По большей части каторга безграмотна. А ежели кто и способен, так семь потов прольет, пока несколько слов напишет! Глотов по следу пустить надо! Оне день и ночь шныряют, слушают – не зазвенит ли у кого в нычке копеечка? Василь, Петрован, а ну-ка, пошукайте тут глотов побойчее, да соберите сюда.

– Не поздно ли Сема? – усомнился кто-то.

– Может, и поздно, – стоял на своем Блоха. – А может, и нет! Если сыщем писаку, то он ведь и покаяться корабельному начальству может – сглупил, мол! Либо по скудоумию написал! Может, и шмон отменят... Я более всего за заточки наши болею, – признался он.

Уже через час контрразведывательные меры Блохи принесли свои плоды. Один из глотов приволок к «иванам» до смерти перепуганного мужичонку из «поднарников»²⁸. Мужичонку как могли успокоили, посулили на будущее защиту и даже малость «сарги» – если его сведения окажутся верными. Приободрившись, «поднарник» рассказал, что вчера утром своими глазами видел, как четверо мужичков-первоходков, земляков из какого-то уездного города, накрывши шконку халатами, писали что-то. И были весьма испуганы, когда по нечаянности один из халатов упал как раз в тот момент, когда «поднарник» был совсем рядом. Мужичонке пригрозили за длинный язык, повесили халат на место и продолжили свое дело.

– Имена знаешь? – прищурился Блоха. – Ну тогда укажешь! Немедля иди!

Находки были сделаны к тому времени и в лазарете, и во временно освобожденном от арестантов отсеке по правому борту «Ярославля». Морщась от омерзения, доктор Паламарчук пальцами достал из задних проходов шестерых арестантов обернутые тряпицами заточки в разной степени готовности – без рукояток, естественно.

– От бисова дитына! – искренне недоумевал доктор, тряся перед носом очередного «дитыны» вонючей находкой и от волнения переходя на малороссийский язык. – Совсим с глузда зъехав, колы яку железину в проход себе забил?! Прямая кишка чоловика имае множество кровеносных сосудов! Да и вообще: повредишь проход – до конца жизни гнить станешь! Не розумиєшь?

Несколько заточек было найдено в котах, под подметками, в хитро замаскированных тайниках.

Внесла свой вклад в розыскные мероприятия и боцманская команда. Острый глаз Мирона Скибы, например, споткнулся на свежих царапинах возле винтов, крепящих к бортовой обшивке рамы иллюминаторов. Боцман не поленился поработать отверткой и в открывшейся узкой щели нашел целый склад полезных для арестантов вещей. В числе прочих находок был с десяток давно исчезнувших из хозяйства Скибы отверток и даже пара универсальных ключей, позволяющих скручивать гайки и болты с большинства облицовочных панелей.

Под другим иллюминатором обнаружилась схема эвакуации пассажиров и экипажа «Ярославля» на случай пожара либо крушения. Ценность схемы заключалась в том, что на ней были показаны все внутренние помещения парохода – от галюонов до замаскированных оружейных помещений. Схема должна была висеть на видном месте, и за ее отсутствие капитаном с боцмана было в свое время строго взыскано.

Нескольких самых мощных отверток и стамеску боцман все же в трюме не заметил – хотя они были у него буквально под носом. Отвертки были упрятаны в месте крепления к потолку корабельных фонарей, горящих в арестантском трюме днем и ночью...

²⁸ Поднарник – предельно низкий статус арестанта. В эту категорию обычно попадают самые забитые, всеми презираемые каторжники.

Глава четвертая

(июль 1903 г., Владивосток)

Утро во Владивостоке выдалось на редкость теплым и солнечным. Чтобы убить время до вечера, на который был намечен визит в «Немецкий клуб», Настенька и Агасфер принялись перепаковать багаж. Он достал подарки командующего Горемыкина, с удовольствием пощелкал курком маузера, прикинул к своей искусственной левой руке винчестер. С тоской вспоминая мастера-виртуоза Тимофея, оставшегося в далеком Петербурге, подумал, что надо бы поискать в здешних доках и мастерских слесаря с головой – чтобы переделать запасный протез кисти для удобного захвата ложа винтовки.

Настенька впервые проявила интерес к оружию, подошла к столу, где Агасфер разбирал и чистил маузер, и неожиданно попросила:

– А поучил бы ты меня, Мишаня, стрелять, а? Едем в дикие края – мало ли что...

Учиться так учиться. Умолчав о том, что и сам-то вряд ли может считаться чемпионом по стрельбе, Агасфер тем не менее согласился. Узнав у разносчика из ресторана о наиболее удобном месте для тренировки, он уговорился с ним доставить нынешний обед на лоно природы. Погрузились на извозчика и отправились в район Семеновского ковша, населенного в то время в большинстве своем азиатами.

Нашли подходящее местечко в небольшой ложбине, подальше от китайских фанз. Извозчик, нанятый на весь день, выпряг лошадь, пустил ее пастись, а сам, замотав голову тулупом, чтобы выстрелы не мешали, забрался спать в кусты неподалеку.

Длинноствольный маузер оказался для Настеньки тяжеловат, и решено было осваивать его постепенно: закрепив к нему приклад, в который превращалась деревянная коробка пистолета, Настенька начала со стрельбы с упора.

Агасфер предполагал, что грохот выстрелов и отдача быстро надоеет супруге, однако, к его удивлению, Настенька стрельбой увлеклась и не успокоилась до тех пор, пока не закончилась захваченная с собой сотня патронов.

На звуки «канонады» явился разносчик из ресторации. Перекусив, супруги растолкали извозчика и отправились обратно в город: Настенька отдыхать, а Агасфер – продолжать делать визиты. Нынче он решил пойти по своему профилю – посетить тюремные заведения Владивостока и их администрацию.

Как оказалось, слух об инспекторе Главного тюремного управления уже достиг местных чиновников, инспектора ждали, удивлялись его отсутствию и делали из этого факта выводы для себя один страшнее другого.

Даже с учетом того, что Агасфер был дилетантом в тюремном деле, отличие местных тюремных «замков» от Александровского, основательно обследованного им в Иркутске, было поразительным. Здесь под тюрьму несколько лет назад был переоборудован частный купеческий дом вместимостью максимум 50 человек. А когда дом оказался наполненным (вернее, переполненным до предела), начальство из Петербурга, не особо заморачиваясь проблемами финансирования, отдало распоряжение об аренде... второго частного дома. Ни мастерских для занятий трудом арестованных, ни больницы, ни бани, ни даже помещения для отправления религиозных обрядов тут и в помине не было.

Каждый новый вопрос инспектора лишь пригибал и без того, казалось, низко опущенные плечи местного тюремного начальства. В качестве оправдания Агасферу показали целую кипу копий прошений, докладных и челобитных, направленных местной администрацией в ГТУ, и не менее объемистую пачку отказов по всем пунктам финансирования.

Робкий огонек надежды засветился в глазах начальника местных тюрем лишь при упоминании о том, что инспектор, собственно говоря, тут проездом, а конечный пункт следования – остров Сахалин.

– Ну, господин инспектор, там-то вы увидите картины почище нашенских, – заявили Агасферу.

– Неужели это возможно? – холодно осведомился тот, походя и легко отодрав от угла тюремного «замка» изрядный кусок прогнившей трухлявой древесины.

– Сами убедитесь! – окончательно развеселился начальник, бережно поднимая оторванный кусок и для чего-то пытаясь приладить его к стене обратно. – У нас еще, слава богу, суды не успевают всех дел рассматривать, а то впору третий купеческий особняк арендовать!

Распрощавшись с тюремным начальником, Агасфер сделал для себя зарубочку: будет время – непременно посетить председателя окружного суда Владивостока. И тут же поморщился: чтобы посетить его, надо снова идти в штаб главного командира портов Восточного океана, добывать пропуск и т. д.

Вот куда Агасферу хотелось непременно сходить, так это к местным контрразведчикам. Однако ротмистр Лавров²⁹ в зашифрованных директивах категорически его от этого предостерегал. Причина не называлась, но она была понятной и без разжевывания: миссии Агасфера придавалось слишком большое значение, а дальневосточные воинские штабы наверняка не были свободными от японских шпионов. Достаточно одного подозрения в работе на русскую контрразведку – и многолетняя многоходовая комбинация с внедрением Агасфера в Японию в качестве мирного русско-немецкого коммерсанта пойдет, как говорится, псу под хвост.

Вздыхнув, Агасфер направил стопы к гостинице: пора было собираться в «Немецкий клуб». Сделать карьеру коммерсанта в этих краях без помощи и покровительства представителей крупнейшего торгового дома «Кунст и Албертс» было весьма проблематично.

Об этой фирме Агасфер знал не так много, но достаточно для общей ориентации. Уже к началу 1850-х товарооборот немецких компаний на Дальнем Востоке в три раза превосходил французские и догонял американские и британские.

Немецкие компании получали субсидии от своего правительства, банковские кредиты, поддержку страховых обществ. Специальные судоходные линии и были нацелены в основном на импорт. Однако до 80 процентов торговли в Уссурийском крае контролировали китайцы. Русское купечество оказалось неконкурентоспособным и правительство вынуждено было открыть в 1856 году во Владивостоке «порто-франко»³⁰.

Кунст и Албертс повстречались в Шанхае и, убедившись, что там с французами и англичанами конкурировать в торговом деле трудно, отправились во Владивосток, который представлял собой военное поселение с сотней жителей. В 1864 году они стали компаньонами и основали во Владивостоке крупный торговый дом.

Для большинства немцев, прибывших на российский Дальний Восток из Германии, была характерна замкнутость и корпоративность. Они старались сохранить свою национальную среду и общались между собой на родном языке. При этом большие суммы тратились на благотворительность. Для приобретения земельных участков они принимали русское подданство, а заодно и православие.

Для доставки товаров из Китая во Владивосток фирма фрахтовала небольшие суда, на которых вывозила отсюда морскую капусту и трепанга.

Деятельность фирмы набирала обороты, а регулярные рейсы судов Добровольческого флота во Владивосток, начавшиеся в начале 80-х годов XIX века, открыли торговым компа-

²⁹ Ротмистр Лавров – начальник Разведывательного отделения Генштаба Русской армии, созданного незадолго до начала Русско-японской войны, Владимир Николаевич Лавров.

³⁰ В справочнике 1909 года указывается: «торговля в Приамурье, собственно, и не знает нормальных условий. Подъем и оживление беспорядочно чередуются с угнетением и застоєм».

ниям новые возможности. Этому способствовал рост населения Владивостока к середине 70-х годов до восьми тысяч. В 1886 году в бизнес вошел немец Адольф Васильевич Даттан, работавший до этого в нем прокуристом (бухгалтером).

В начале 1890-х годов цены на местном рынке были в два-три раза выше, чем в европейской России. Согласно утверждению управляющего Контрольной палатой, «потребитель на Амуре пока беден, а бедные потребители всегда переплачивают. Торговля всегда берет большой процент там, где можно, и это очень естественно, потому что капитал – не благодетель».

Даттан оправдывал положение дел тем, что торговые издержки на Дальнем Востоке были слишком велики по сравнению со сбытом, большую часть наценки съедали накладные расходы. Кроме того, финансовый риск здесь был выше, чем в европейской России, но выше была и прибыль, иначе никто не стал бы заниматься столь трудоемким и долговременным бизнесом.

В 1893 году в Николаевске-на-Амуре фирмой был открыт первый универсальный магазин, в 1894 году – в Александровске на Сахалине, в 1895 году – в Благовещенске и Хабаровске, в 1900 году – в Харбине и наконец, в 1913 году – в Облучье. Причем открытие новых торговых точек даже в небольших поселках всегда было продиктовано торгово-экономическими перспективами.

Товарищество «Кунст и Албертс» ориентировалось на обслуживание образованной и обеспеченной элиты из офицерства и администрации и строило свои универмаги в самых престижных местах, позиционируя их как зоны престижного потребления.

Настеньку Агасфер застал в гостинице почти готовой – вместе с местной портнихой она пыталась привести свой весьма скудный гардероб хоть в какое-то соответствие нынешней моде, фасоны которой были почерпнуты из нескольких потрепанных журналов годичной и более давности.

Зная цену женской «готовности к выходу», особенно если речь идет нарядях, Агасфер вздохнул, прошел в спальню и уселся в кресло, блаженно вытянув усталые ноги: ходить по Владивостоку в те времена приходилось не по улицам и тротуарам, а практически по лесным тропам и оврагам – то вверх, то вниз. Город еще только строился, улицы были совсем короткими и обрывались в самых неожиданных местах. Совсем не редкостью были особняки на отшибе, похожие на загородные виллы.

Незаметно для себя Агасфер задремал, и пробудился оттого, что его усиленно тормошила Настенька:

– Соня-засоня! В клуб собрался – и храпит здесь! Ну, как я выгляжу? – Она крутнулась на каблуках.

– Как всегда – прелестна! – Агасфер глянул на часы. – Ого! Одна моя знакомая полтора часа назад говорила, что почти готова!

– Мишаня, ну я не виновата, что портниха попала такая нерасторопная и непонятливая! Пошли скорее! Мне не терпится поглядеть на этот твой «Немецкий клуб». Насчет извозчика я уже распорядилась!

Однако поездка едва не оказалась испорченной. Перед входом в клуб дорогу Агасферу преградил внушительного вида швейцар:

– Прощения просим, господа хорошие: только сие заведение – сугубо мужское! С дамами по уставу клуба никак нельзя-с!

Агасфер нахмурился: он вспомнил свое вчерашнее посещение клуба. И хотя все его внимание было отвлечено на Шнитке, а позднее и на Даттана, он хорошо помнил женский смех и голоса где-то в другом зале. Ему и в голову не могло прийти, что здесь могут быть такие ограничения...

Между тем Настенька вспыхнула до корней волос, прикусила нижнюю губу и, круто повернувшись, начала спускаться по лестнице, окликая не успевшего отъехать извозчика.

– Прощения просим! – виновато повторил швейцар. – Без дам сколько угодно-с! А с ими никак!

– Предупреждать надо, любезный! – только и нашелся что сказать Агасфер, поворачиваясь вслед за Настенькой. – Хотя бы табличку какую повесили, провинция чертова!

– Провинция? – послышался сзади знакомый голос. – О нет, вы ошибаетесь, господин Берг! Мы здесь живем на краю света, но провинциалами себя никак не считаем!

Обернувшись через плечо, Агасфер увидел появившегося рядом со швейцаром вчерашнего знакомого, Даттана с сигарой в руке.

– Здравствуйте, господин Берг! – как ни в чем не бывало сделал приветственный жест Даттан. – А это ваша супруга? Должен сказать, что это вы сделали ошибку, не предупредив нас о том, что намереваетесь прийти вместе с супругой!

Он сбежал по лестнице, поклонился уже забравшейся в экипаж Настеньке.

– Ну, представьте же поскорее меня вашей очаровательной супруге, господин Берг! Я не настолько провинциален, чтобы делать такие вещи самостоятельно!

Услышав легкую насмешку в голосе немца, Агасфер решил не обращать на это внимания. Спустившись с высокого крыльца, он представил супруге своего вчерашнего знакомого:

– Это Адольф Васильевич Даттан, дорогая. Крупный коммерсант и один из столпов местного общества, если не ошибаюсь. Позвольте представить вам мою супругу, Анастасию Васильевну фон Берг!

– Очень, очень приятно! – Даттан приложился к нехотя поданной Настей ручке. – Недоразумение будем считать исчерпанным, господа! У нас действительно существует ограничение насчет женского пола, но оно касается главным образом местных дам определенного сорта. Видите ли, у нас только в головном предприятии работает не менее сотни молодых приказчиков и специалистов, выписанных из Германии и Прибалтики. И все они безумно скучают по дамскому обществу – настолько, что одно время начали приглашать в клуб местных красоток, в том числе и ссыльных с Сахалина.

Непрерывно болтая, Даттан открыл дверцу экипажа и подал руку госпоже Берг.

– Вы обиделись? О-о, не стоит обижаться на туповатого швейцара, слишком буквально понимающего распоряжения начальства! Пшел прочь, дурень! – прикрикнул он на швейцара. – И больше не попадайся на глаза этой даме – во всяком случае, сегодня! Анастасия Васильевна, я вас умоляю, окажите нам честь!

Настенька, все еще хмурия брови, незаметно поглядела на Агасфера, и тот столь же незаметно кивнул: прости, мол! Пожав плечами, она подала руку Даттану и, почти не прикоснувшись к ней, легко прыгнула на землю.

Минут через сорок, благодаря дружелюбной болтовне Даттана и восхищенным взглядам мужчин, заполнивших обеденные залы клуба, обстановка полностью разрядилась, и Агасфер начал понемногу ориентироваться в ней.

Несмотря на то что истинными хозяевами «Немецкого клуба» были партнеры крупнейшей местной фирмы Кунст и Албертс, двери сего заведения были широко раскрыты для всех желающих. Берга представили пяти или шести коммерсантам-иностранцам и отечественным купчинам, трем сухопарым датчанам, владельцам кабельной телеграфной линии, уходящей в районе Владивостока под воду и соединяющей Европу с японскими городами Кобе и Нагасаки. Среди его новых знакомых оказались несколько чиновников из городской думы, моряки (в чинах не ниже капитана 2-го ранга) и даже председатель окружного суда титулярный советник Черепанов, к которому Агасфер собирался идти на следующий день. Черепанов, ввиду чрезвычайной занятости, в клубе не задержался: выпил рюмку водки, закусил осетринкой и был таков.

Поймав задумчивый взгляд Агасфера, устремленный вслед председателю окружного суда, Даттан словно прочел его мысли:

– Если хотите нанести Николаю Петровичу визит, то настоятельно рекомендую сделать это не позднее семи часов. Да-да, господин барон, я не ошибся, – рассмеялся собеседник. – Не позднее семи часов утра! Целыми днями он занят в заседаниях суда, а заканчивает свой рабочий день настолько поздно, что вряд ли будет способен адекватно реагировать на то, что вы имеете ему сообщить или спросить...

Агасфер поинтересовался относительно старших партнеров фирмы: будет ли он иметь удовольствие видеть их здесь?

– Вряд ли, – покачал головой собеседник. – Мои партнеры тоже чрезвычайно занятые люди, чтобы тратить время на светские развлечения. Если у вас, господин фон Берг, есть дело к кому-либо из них, я без затруднений договорюсь с любым из Густавов – да-да, оба мои партнеры носят одно имя – об аудиенции для вас!

– А вы, Адольф Васильевич, стало быть, не столь занятой человек, и достаточно легкомысленны для того, чтобы ходить по клубам? – не замедлила поддеть нового знакомого Настенька.

Даттан рассмеялся:

– А язычок-то у вас словно бритва, Анастасия Васильевна! Уели, насмерть уели! Хотя, если признаться, иной раз мне жаль времени, потраченного здесь. Однако ничего не поделаешь: в серьезной фирме должны быть не только мозги, но также глаза и уши!

– Стало быть, вы – «глаза и уши» фирмы? – с невинным видом спросила Настенька.

– Мозги, глаза и уши, – серьезно поправил ее Даттан.

– А что больше насторожило вас вчера при моем появлении, господин Даттан? Глаза, уши или мозги? – спросил Агасфер.

Даттан внимательно поглядел на собеседника, на мгновение отвлекся, отдавая распоряжение метрдотелю, и откинулся на спинку кресла.

– Глаза и мозги, – без обиняков заявил он.

– И какой же вы сделали вывод? – с усмешкой, но внутренне напрягшись, поинтересовался Агасфер.

– Честно? Вы не похожи на чиновника тюремного ведомства! – заявил Даттан. – Сегодня еще, слава богу, локоны со лба убрали, а вчера, я так полагаю, явились сюда прямо от местного цирюльника?

– Не без этого, – согласился Агасфер. – Но вы ошибаетесь, господин Даттан, представляя себе тюремных чиновников в виде крокодилов или волосатых безмозглых павианов! Мы разные бываем, уверяю вас!

– Значит, меня пора гнать из «глаз и ушей», – стоял на своем Даттан. – Либо у вас есть какая-то жутко интересная тайна, которая заставляет вас маскироваться!

– Вам столь интересны чужие тайны? – Агасфер поиграл вилками на белоснежной ска-терти, выстроил из них квадрат. – Что ж, извольте! Но предупреждаю, моя тайна может оказаться не столь интересной, как вам представляется, господин Даттан!

– Все что угодно за чужие тайны! – шутливо-патетически прижал руки к груди немец.

– В далеком прошлом я офицер, господин Даттан. Гвардейский офицер. И в том же далеком прошлом, в молодости, совершил одно... одно безумство, вполне объяснимое тогда, но которое не всем будет понятно сегодня. В общем, из гвардии меня – фьють! – Агасфер изобразил здоровой рукой улетающую птицу. – Естественно, я был обижен, не понят и покинул Петербург, где передо мной закрылись двери многих домов, еще вчера гостеприимно распахнутые перед гвардейским офицером. Свою обиду я переживал в поместье своих родителей, которые, надо признаться, совсем не были рады моему возвращению. Особенно отец, оскорбленный моей «позорной отставкой» – он вовсе перестал говорить и общаться со мной. К тому же я не мог рассказать родителям всей правды о случившемся, будучи связан словом чести...

Агасфер был хорошо подготовлен к таким вопросам, ответ на которые, по уверению ротмистра Лаврова, являлся не враньем, а его оперативной «легендой». Переложив вилки треугольником, он продолжил:

– Одно безумство повлекло за собой второе. Я попытался искать утешение на дне бутылки, вызвал на поединок гвардейского капитана, позволившего себе оскорбительное замечание. В результате остался без кисти левой руки...

– А ваш противник? – быстро поинтересовался Даттан.

– К несчастью, его рана оказалась смертельной. Было возбуждено следствие. И хотя секунденты и немногочисленные оставшиеся друзья свидетельствовали в мою пользу, у погибшего капитана была слишком влиятельная родня. Чтобы не попасть за решетку, я уехал за границу, где пробыл с десяток лет, и был прощен только по случаю восшествия на престол Николая II. Матушка и отец к этому времени уже умерли, и отец, будучи человеком злопамятным, не забыл меня и в своем завещании.

– Отписал все на благотворительность?

– Ну, до этого дело не дошло, – усмехнулся Агасфер. – Единственному наследнику, то бишь мне, выделялась небольшая пожизненная рента. А основное состояние переходило в мое полное распоряжение при определенном условии. Я должен был поступить на государственную службу и приносить пользу отечеству в течение пяти лет. Чтобы не утомлять вас, добавлю лишь, что духовная моего батюшки была весьма сложной в исполнении и снабжена массой всевозможных ограничительных условий. Например, женитьба на богатой как раз и делала наследство достоянием и объектом благотворительности.

– М-да, – только что и нашелся ответить Даттан.

– Вы можете себе представить, каково это – впервые найти себе место на государственной службе в 36 лет, господин Даттан! По сути, батюшка зловредно предполагал, что я вынужден буду начать ее с какого-нибудь письмоводителя. Так бы, наверное, и произошло, если бы не счастливая встреча с Анастасией Васильевной...

– О-о, могу вас только поздравить! Значит, Анастасия Васильевна оказалась не только очаровательной спутницей жизни, но и...

Та звонко расхохоталась:

– Нет, женитьба на мне не лишила Мишу наследства, если вы это имеете в виду! Просто мой дядюшка много лет состоит в каком-то Попечительском о тюрьмах комитете при дворе великого князя. И это он устроил нам должность инспектора в Главном тюремном управлении с одновременным присвоением чина титулярного советника. А через полгода кончается определенный батюшкой Миши его испытательный срок.

– Так это же прекрасно! Вступите в права, устройте себе развеселую жизнь, компенсируете все свои лишения...

– Не все так просто, господин Даттан. Не все так просто! – задумчиво покачал головой Агасфер. – За год до окончания моего испытательного срока начальство неожиданно направило меня на службу в Иркутск. Ну, это еще так-сяк: там одна из лучших в России тюрем и лучший, пожалуй, начальник, искренне пекущийся о возврате осужденных к жизни в нормальном обществе. Далековато от столицы – но ничего страшного. Мы с Настенькой уже и о наследнике, так сказать, озаботились – да не красней, не красней, дорогая! Беременная женщина – это чудо! И родиться наследник должен был уже в Петербурге, но – увы!

Помолчав, Агасфер продолжил:

– Знаете, Адольф Васильевич, порой мне кажется, что батюшка, в силу своей зловредности, даже сейчас, упокоившись, не оставляет меня своими «заботами». Полтора месяца назад я получил из Петербурга предписание: с окончанием ледохода на Ангаре и прочих сибирских реках немедленно следовать на остров Сахалин для исполнения должности смотрителя поселений. Никакие мои телеграфные возражения об отсутствии опыта в новом назначении и даже о

беременности супруги действия не возымели. Вопрос был поставлен именно так: или Сахалин, или немедленная отставка по отрицательным мотивам! Ну не свинство ли, господин Даттан?

Немец сочувственно покачал головой.

– И вот вчера, желая составить себе представление о состоянии местных пенитенциарных учреждений, я заглянул в местные тюремные замки. То, что я увидел, ничуть не похоже на Александровский централ в Иркутске! А на Сахалине, про который ходят легенды одна страшнее другой, положение, уверяют, еще хуже!

Даттан кивнул:

– Не хочу вас пугать, господин барон, но сахалинская действительность хуже всяких ваших предположений! Знаете, как называют этот остров в обиходе? Островом неудачников! Имея при этом в виду не только арестантов, но и тех, кто надзирает там за ними. Мы тут с ужасом ждем весеннего и осеннего сплавов, с которыми сахалинские чиновники уезжают в отпуска либо возвращаются обратно после таковых. Тупой и совершенно неинтеллигентный народ, господин фон Берг! Сплошь пьяницы и казнокрады! Бытует мнение, что чиновников тюремного ведомства, как и арестантов, посылают на Сахалин в наказание и полнейшую неспособность к нормальной карьере в нормальном обществе.

Агасфер и Настенька не хуже Даттана были в свое время ознакомлены со множеством «сахалинских прелестей», однако, вынужденные до конца играть свои роли, с ужасом переглянулись.

– Как хотите, господин фон Берг, а вашей супруге ехать на этот проклятый остров решительно нельзя! Тем более – в ее положении! Сомневаюсь, что на Сахалине есть доктора-акушеры – за исключением вечно пьяных лекарей-коновалов, лечащих как попало арестантов. Новорожденные же – я сам отец, и знаю это не понаслышке – подвержены в первые месяцы жизни множеству хворей и опасностей. Что вы будете делать, случись что – не дай бог, конечно, – с вашим малышом? Простите за нескромность, но когда вы ожидаете появления на свет наследника, госпожа Берг?

– В конце октября или начале ноября, – покраснела Настя.

Даттан неслышно, одними губами выругался.

– Это же как раз начало сезона осенних штормов в Татарском проливе! Навигация кончается здесь в сентябре, отдельные суденышки-каботажи рискуют выполнять сахалинские рейсы еще месяц, но все обычно кончается тем, что капитаны-рискачи исчезают в морской пучине. Так что, господин барон, шанс увидеть своего наследника или наследницу у вас появится не раньше декабря-января. И то при условии, что вы выдержите условия собачьей почты через пролив до Николаевска, а оттуда – все удовольствия почтовых лошадей до Хабаровки³¹ и Владивостока!

За столом воцарилось гробовое молчание.

– Здесь есть дамская комната? – со слегка натянутой улыбкой прервала молчание Настенька. – Мне необходимо носик попудрить...

– Разумеется! – вскочил Даттан. – Егор, проводи даму! А мы с вами пока покурим, господин барон!

В мужской комнате Даттан начал разговор с места в карьер:

– Теперь я и сам вижу необходимость вашей аудиенции со старшим партнером нашей фирмы, господин барон! Смею вас заверить, господин Кунст пользуется большим авторитетом у генерал-губернатора, генерала от инфантерии Гродекова³². Николай Иванович, в свою очередь, насколько я знаю, пользуется полным доверием государя и его приязнью. Я просто

³¹ Так в то время именовался Хабаровск – несмотря на то, что был резиденцией генерал-губернатора Приамурской области.

³² Генерал от инфантерии Н. И. Гродеков – приамурский генерал-губернатор, позднее – туркестанский генерал-губернатор, член Государственного совета, участник среднеазиатских походов. Военный писатель.

уверен, что господин Кунст, проникнувшись сложностью вашего положения, согласится обратиться к генерал-губернатору с личной просьбой, которая, конечно же, будет удовлетворена. Вы получите какую-нибудь должность при генерал-губернаторе и выполните, таким образом, все условия вашего покойного батюшки!

Агасфер с искренней благодарностью пожал руку Даттану. Не будь его собственное жизнеописание оперативной «легендой», подобное участие человека, еще позавчера совершенно не знакомого, могло бы тронуть любое сердце. Однако Агасферу нужен был именно Сахалин – именно там он должен был дожждаться неизбежной войны с Японией и под видом немецкого коммерсанта попытаться быть интернированным в Японию. Так что единственный совет Даттана, которым он мог воспользоваться, – это оставить Настеньку до родов во Владивостоке. Не подвергать ее и будущего малыша лишнему риску. Ну а потом... Если война не разразится до лета следующего, 1904 года, Настеньке с ребенком все же предстояло приехать на Сахалин... И ждать начала войны вместе с мужем... Сколько? Сегодня этого предсказать не мог никто! Никто – кроме самих японцев...

– Благодарю вас, Адольф Васильевич, за участие в нашей судьбе. – Агасфер с удовольствием затыкнулся превосходной «манилой». – Но, как я уже говорил, не все так просто!

– Погодите! Помолчите минуту, пожалуйста! – встревожился Даттан. – Неужели вы настолько горды, что намерены отказаться от моего предложения?!

– Кроме одного: пожалуй, будет благоразумнее оставить мою Настеньку до рождения ребенка здесь. Тут, по крайней мере, есть доктора. Есть дамское общество, с которым моя супруга, будучи человеком весьма общительным, уверен, сойдется. А я должен ехать, Адольф Васильевич. Спасибо, но – увы!

– Но почему, почему, ради Бога?

– Во-первых, душеприказчики моего покойного батюшки – такие же зловредные старики, как и он сам, земля ему пухом! Я не сомневаюсь в том, что они непременно расценят незавершенное пятилетие моей службы в Главном тюремном управлении как нарушение условий заветования. И не поглядят при этом ни на ходатайство вашего Гродекова, ни самого государя! Что же мне, через суд оспаривать исполнение воли покойного родителя? Или служить под началом Приамурского генерал-губернатора еще пять лет?! Нет уж, увольте-с! Дослужу-с! Дождусь замены, которую мне обещали не позднее чем к лету следующего года, и тогда душеприказчикам не к чему будет придаться!

Даттан только покачал в изумлении головой. Агасфер встал, прицелился и ловко забросил окурочек сигары через всю комнату, прямо в узкое горлышко урны.

– Пойдемте, Адольф Васильевич. Боюсь, что Настенька заждалась меня. Но с вами у меня разговор не закончен, Адольф Васильевич. Дело в том, что у меня появились кое-какие мысли относительно Сахалина, и, видя ваше расположение ко мне, я рассчитываю, что вы мне поможет кое в чем другом. Поможете?

– Втемную не играю, – буркнул Даттан, разочарованный отказом нового знакомого от своего предложения. – Впрочем, почему бы и не помочь? Судя по всему, несбыточного вы не попросите!

Ретроспектива 4

(июль 1886 г., Индийский океан)

Блоху легонько тронули за плечо, и он обернулся столь резко, что стоящий позади глотонец в испуге попятился.

– Ты чего, Сема? Ты чего? Я хотел сказать: «писак» нашли...

– Всех четверых?

– Не-а. Троих. Четвертого на палубе шмонают как раз, с первой партией. Их Поляк стережет, в углу, чтоб не разбежались...

– Пошли. И Петрована покличь, чтобы мигом там был!

Сема Блоха, предводительствуемый глотом, ввинтился в толпу – впрочем, не слишком быстро, чтобы не вызвать окриков шеренги матросов, выстроившихся в проходе. Через минуту-другую глот подвел его к трем мужичкам, которые сидели на корточках в самом темном углу отделения. Мужичков окружала плотная толпа арестантов с каменными равнодушными лицами.

Блоха присел напротив «писак», задумчиво улыбнулся:

– Стало быть, это вы, падлы, начальство уведомили? Зачем?

Мужички, по виду действительно первоходки, испуганно закрестились, замотали кудлатыми необритыми головами. Но глаза у них бегали, глаза выдавали...

Блоха вздохнул, поднялся, негромко распорядился:

– Чурбачок тут где-то был для сапожных работ. Сломайте, робяты, им всем хребты. Да морды прежде не забудьте покрепче замотать, чтобы вопежа не было слышать.

– Блоха, может, до конца шмона погодить? – встревожился Петрован. – А то с одного шмона на вторую «правилку» попадем! Когда спать-то?

– Сейчас ломайте, – подтвердил распоряжение Блоха и пошел обратно к разделительной решетке.

Не успев дойти, он услышал три глухих вскрика.

Капитан спустился с мостика в судовой лазарет, когда первых пятьдесят голых арестантов отправили в обысканный боцманом правобортный отсек. С интересом осмотрел добытый улов – с десяток отмытых санитарями заточек, выложенные рядком на подносе для хирургических инструментов. Здесь же, в углу лазарета, была сложена и принесенная командой боцмана Скибы добыча из трюма.

Поискав глазами подходящий инструмент, капитан пинцетом поднял одну из заточек, повертел перед глазами. Сунув лезвие в щель, без труда согнул, констатировал:

– Дрянь металл. Но убить этой штукой, безусловно, можно. Из чего понаделали?

Боцман Скиба поставил перед капитаном черпак, коим арестанты вычерпывали из трюма воду:

– Видите, ваш-бродь, по краю след круговой? Сам-то черпак деревянный, стандартный. И ручка к каждому полагалась – из полосового металла. Вот они ручки-то и поснимали. Мой недогляд, конечно...

– Угу... Сколько черпаков было в арестантских трюмах? По дюжине на каждое отделение? А нашли пока десяток, из них полдюжины вы извлекли из арестантских э... организмов. Доктор, а вы хорошо смотрели?

Паламарчук сердито фыркнул:

– Исходя из человеческой анатомии и особенностей прямой кишки, больше чем по одной железяке, в задницу не засунешь. Так что не хвильтесь³³, господин капитан! Полста задниц только осмотрено! Разрешите следующую партию выводить на осмотр?

– Разрешаю. Боцман, что вы можете сказать о своих находках?

– Ничего хорошего, ваш-бродь! За пропажу схемы вы с меня взыскали, ваш-бродь, – а надо было взыскать за то, что я ее не снял перед погрузкой арестантов в Одессе. Отвертки и ключи жулики на палубе подобрать не могли – не валяются у меня инструменты где попало,

³³ Не беспокойтесь (укр).

голову на отсечение даю. Значит, арестантам передал их кто-то из команды! Либо из экипажа, либо караульщики.

– Хочешь сказать, Мирон, что у бунтовщиков есть свои люди среди матросов? Нет, в это я не могу поверить. По глупости передать – могли. Скажем, та же караульная команда, которая к бабам-арестанткам через рукав вентиляции лазит. Бабы же за свои дамские услуги полтинники да рубли требуют. Караульщики все деньги, что у них были, им отдали – а те тогда, по наущению бунтовщиков, стали потребные тем инструменты за услуги просить.

– С десяток отверток я днями не досчитался. Ключи не пересчитывал, врать не стану. Сей момент по ведомости погляжу и вам доложу.

– Давай, подбивай свою наличность, Мирон! А мы, как закончим обыск, с их старшиной по-серьезному поговорим... Мы на то, что караульная команда к бабам лазила, можно сказать, глаза закрывали, безобидным зовом природы считали, а оно вот как оборачивается... Теперь вот еще вопросец, господин боцман! – перешел на официальный тон капитан Винокуров. – Куда можно было выбраться из тюремного трюма, располагая имевшимся у арестантов инструментом и этой схемой эвакуации? Подумай, Мирон, хорошенько! Возьми схему, сядь где-нибудь в тихом уголке и подумай! Сие очень важно! А по пути покличь мне старпома – что-то я его давно не видел!

– Ну что, Юрий Петрович? Удалось поговорить с кем-нибудь из твоей агентуры? – С порога спросил капитан явившегося на вызов старпома Промыслова.

Тот покачал головой:

– В первой партии арестантов, выведенных сюда для осмотра, моих «соловухек» не было. Учитывая большой риск выявления агентов арестантами и дальнейшей неминуемой расправы с ними, специально я никого не вызывал. Сейчас приведут вторую партию – погляжу, может, среди них окажется и мой человечек!

– Ваш-бродь, а ваш-бродь! – деликатно затормошил за рукав капитана подвахтенный матрос. – Старпом просят спуститься в лекарскую...

Передав вахту по кораблю дежурному помощнику, мичману Стельге, капитан поспешил в лазарет. Царапнув сердитым взглядом выстроившихся под матросским караулом понурых арестантов, прошел в лазарет, где доктор осматривал очередного пациента. Паламарчук на мгновение поднял голову, и, поймав взгляд капитана, еле заметно кивнул на дверь изолятора. Не останавливаясь, капитан прошел туда. Шагнув через комингс³⁴, плотно прикрыл за собой дверь.

Арестант, голышом стоящий спиной к двери и прикрывающий сложенными ладонями причинное место, вздрогнул и даже чуть отпрыгнул в сторону, дико обернулся на хлопок дверной защелки. Старший помощник капитана Промыслов, сидящий напротив верхом на стуле, при виде капитана встал, одновременно успокаивая арестанта.

– Не бойся, это капитан, не арестанты! Расскажи-ка его благородию еще раз – что мне тут рассказывал!

Однако арестант молчал и только судорожно сглатывал слюну, не поднимая глаз от начищенной капитанской обуви. Поняв, что сейчас из стукача и гвоздодером слова не вытянуть, Промыслов пересказал новость:

– В левом трюме, где мы сейчас весь народ собрали, трех человек «иваны» убили. Жестоко расправились, будто нам напояз!

– За что?

³⁴ Дверной порог на судне. Обычно 30–50 см в высоту.

– Как будто за то, что письмецо, вам известное, написали и во время «баньки» на палубе матросу передали. По информации от этого моего человечка, придумали написать письмо четверо мужичков-первоходков. Не хотели бунтовать и пароход захватывать, вот нас и упредили.

– Почему тогда троих убили?

– А четвертый в первой партии с осмотром прошел. Так что наверняка будет еще один труп! Как только «иваны» в правый отсек попадут... Чтобы неповадно, значит, было...

– Ага... Все понятно, – капитан тяжело сел на койку, промокнул платком лоб, поднял на арестанта усталый взгляд: – Ты четвертого знаешь?

Тот быстро затряс головой:

– Христом Богом, господин начальник!

– Если даже и знает, теперь не скажет, Сергей Фаддеич, – Промыслов тряхнул своего агента за плечи. – Подскажи-ка, Тихон, как того четвертого спасти можно? Может, сюда его, в санчасть, до конца рейса определить?

– Тады только до конца рейса живой будет, – помолчав, хрипло вынес вердикт арестант. – А каторга все одно жизни лишит...

Винокуров выругался:

– Вот народец, прости господи! Сами жизнь страшную для себя выбрали, из которой обратного хода нет! Назвали бы лиходея, я бы своей властью на нее вздернул бы – глядишь, остальные «иваны» присмирели бы! Юрий Петрович, может, и вправду определить бедолагу в изолятор до Владивостока, а там местным тюремным властям сдать? Как больного, скажем! Ну хотя бы в порядке благодарности за то, что предупредил, а?

– Не знаю, Сергей Фаддеич! – угрюмо отозвался старпом. – Во-первых, нашего «благодетеля» еще вычислить требуется! Вы же не полагаете, надеюсь, что он сам к нам за помощью обратится? Слышь, Тихон, а ты сам-то четвертого в лицо знаешь? Я не имя спрашиваю, заметь!

После паузы арестант еле заметно кивнул.

– Та-ак! – обрадовался капитан. – А скажи-ка еще мне, мил человек, в вашей партии, что сейчас на осмотр вывели, «иваны» есть? Нету? Тогда давай, Юрий Петрович, так сделаем: не всю партию сразу в трюм отправлять будем, а, скажем, десятками. И нашего Тихона в первую десятку определим! А ты, мил человек, как в трюм попадешь – шепни этому четвертому про смерть его товарищей. И передай: пусть больным скажется сразу, к доктору попросится. Сделаешь? Христианский поступок будет! Ну?

После очередной томительной паузы арестант нехотя кивнул и попросил:

– Велите тогда мне обмылочек дать поменьше. Я тому бедолаге передам, он пену изо рта пустит, припадочного изобразит... Не вызывали бы вы меня больше, ваше благородие! Счас «иваны» озвереют, за одно подозрение душить будут! Христом Богом!

– Ладно, ступай! – похлопал по спине агента-стукача Промыслов, вручая ему кусочек мыла с умывальника. – У самого-то в заднице ничего не припрятано? Точно нет? Ну, ступай, доктор все равно заглянет!

Когда арестант, кланяясь, задом выбрался из изолятора, капитан бросил на старпома вопросительный взгляд:

– Как по-вашему – предупредит? Не побоится?

– Ручаться не стал бы, Сергей Фаддеич. Но нижнему караульному строго-настрого приказать надо насчет «больного». Чтобы не мешкал, сразу санитаров звал. После окончания обыска и досмотра трюмов беседу с арестантами проводить будем?

– Самым строжайшим образом! Помывки на верхней палубе и вина на недельку лишим. Пригрозим, что с Цейлона тюремному начальству в Петербург депешу пошлем – мол, за ненахождением истинных виновников подготовки бунта на корабле капитан просит разрешения повесить для острастки по «ивану» с каждого трюма! По жребию. Не поверят, знаю – но наверняка призадумаются! Аналогичную беседу проведем с караульными матросами: объявлю, что

пошлю депешу во Владивосток, в главный штаб капитана всех портов Восточного океана, в чье распоряжение они направляются. Сообщу об их нарушениях устава, потребую санкций на серьезное наказание – эти-то поверят! И поставить наших матросиков на пост возле парусинового рукава вентиляции!

– Попробовать можно! Убиенных троих, полагаю, не сразу обнаруживать надо. Партии две еще пропустим, чтобы нашего стукача не вычислили! И еще одна мыслишка появилась, Сергей Фаддеич! На баб-арестанток нажать надо! В женском отделении профессиональных преступниц, кроме Соньки Золотой Ручки, нету! Потребуем, чтобы сказали – для кого из смежного отделения отвертки и ключи вместо платы за свои услуги требовали! Если две-три на одного человека покажут – тот и захват корабля планировал! Тут вам, как капитану, и карты в руки!

Глубокой ночью, после окончания обыска и досмотра арестантских отсеков, Сонька серой тенью пробралась к решетке, отделяющей женскую половину от мужской. Шепотом окликнула лежащего на ближайшей шконке арестанта, велела позвать Сему Блоху – она видела, что тот сумел после осмотра вернуться из правобортного отсека обратно. Поворчав для порядка, арестант пошел за Блохой, вернулся с ним.

Сонька схватила руки Семы своими горячими ладонями, притянула поближе, зашептала в самое ухо:

– Что, стратег хренов, обломился захват?

– А ты, стерва, позвала, чтобы надсмешки тут строить? Смотри, девка, заточки-то не все у нас отобрали. Красоту твою попортить найдется чем.

– Не собачься, Сема! Не до этого нынче.

– Неужто испугалась капитановых угроз, что по жребии вешать будет людей? – хмыкнул Блоха. – Нету таких законов, девонька!

– Зато другие есть, Сема. Ты как думаешь, почему женское отделение последним обыскивали и осматривали? Или полагаешь, что старпом совсем лошак, слаще моркови ничего в жизни не пробовал?!

– Что случилось-то, Софья?

– То и случилось, что повинились наши дуры, назвали тех, кто заставлял матросиков отвертками да ключами какими-то расплачиваться! И кому передали эти железки.

– Кого назвали? – теперь уже Блоха вцепился в руку Соньки так, что та ойкнула.

– Петрована назвали, Михея... Хорошо хоть, что у тебя ума хватило в стороне от этого дела остаться!

Блоха шепотом выругался.

– Это еще не все, Семушка! Дырку, через которую караульная команда в наш отсек лазила, теперь охраняют матросики из экипажа. Так что караульные тоже хвосты поджали: капитан пригрозил, что ихнему начальству депешу отправит с Цейлона!

– Только мне и делов до караульной команды!

– А как ты полагаешь, Сема, чем сейчас капитан со старпомом занимаются? Одна наша бабонька слышала, как рассылный жаловался матросу на карауле, что ноги сбил, кофе им кают-компанию таская! И что господа офицеры готовят там документы для капитанского суда. Утром суд будет!

– Нету таких правов у ихних благородий! – неуверенно предположил Блоха.

– Капитан в море – и царь, и бог, и судья, Сема! Так что гляди, чтобы твои Петрован с Михеем, когда им пеньковую петлю на шею наденут, не сдали тебя как главного заводилу!

Помолчали. Сема Блоха хрипло дышал.

– Все точно говоришь, Софья? – наконец нарушил он молчание.

– Все, как есть, сказала! Эх, Сема, Сема... Не спешил бы ты так, не загорелся бы захватом корабля – глядишь, мы бы с тобой что-нибудь и придумали. Вдвоем бы сбежали, не торопясь и наверняка!

– Чего теперь об этом, Софья... До Петрована не добраться – он в правом трюме. Михей молчать будет. Ну а ты, девонька, не печалься! Я ж говорю: не все нашли заточки, отвертки с ключами. Дай Бог завтра живому остаться – мы с тобой, может, еще и погуляем на воле!

Блоха отлепился от решетки и исчез в полутьме.

Утром, после завтрака, который вахтенные матросы спустили в арестантские трюмы без обычных шуточек-прибауточек, было объявлено о капитанском суде, который состоится на верхней палубе. Желаям присутствовать – не более чем по 10 человек из каждого отделения – прилично одеться и ожидать возле люка.

– Кого судить-то будут?

– Откель здесь, на корабле, судьи возьмутся?

Матросы отмалчивались. Вскоре «Ярославль» заметно сбавил ход, а вниз спустилась почти вся караульная команда. Выпустили по 10 арестантов из отделений, увели наверх.

Потом в трюм спустился хмурый и явно не выспавшийся старпом Промыслов, выкликнул:

– Осужденные Петровских, кличка Петрован и Михеев по кличке Михей – на выход! Всем остальным – соблюдать молчание и спокойствие!

Выкрикнутые арестанты выходить не торопились. Толпа глухо роптала.

Промыслов пожал плечами, оглянулся на цепь караульных, скомандовал:

– Кар-раул, к плечу! Заряжай, напра-ву целься! – И в сопровождении двух матросов шагнул в правый отсек. – Все по шконкам! При попытке нападения, сопротивления – караул открывает огонь без предупреждения! Петровских, Михеев, лучше добром выходите!

Нашли Петрована, вывели в коридор. Тот через силу улыбался, пробовал шутить, но вскоре примолк. Старпом, не найдя Михея, вышел из отделения, велел отпереть левобортовое, малое. Цепь караульных с винтовками развернулась в нужную сторону.

Обойдя отсек и вглядываясь в лица, старпом, наконец, остановился возле шконки, на которой лежала накрытая с головой халатом фигура.

– Осужденный Михеев, встать! Встать, кому приказано?! – старпом сдернул халат, замер на мгновение, потом снова накрыл фигуру с головой: у того было от уха до уха перерезано горло. – Вот вы, значит, как со своим же товарищем...

Грохоча ботинками по железным листам обшивки пола, Промыслов вышел из отделения, жестом велел запереть дверь. Через плечо распорядился:

– Старшой по отделению есть? Пока суд да дело, труп Михеева поднести к проходу. Кровь замыть. Суд закончится – пришлю санитаров...

Тем временем на палубе арестантов заковали попарно в кандалы – на время суда, как им объяснили. Петровских сковали по рукам и ногам, усадили на специально принесенный из кают-компаний диванчик с гнутыми ножками – пародия на скамью подсудимых. Рядом с ним разместился старпом, исполняющий нынче функции присяжного поверенного, с другой стороны – корабельный поп, отчаянно потеющий в своей черной рясе. Позади диванчика встали трое караульных с винтовками наизготовку.

Капитан Винокуров, несмотря на жару, тоже был одет в парадный мундир. Его речь не была долгой.

– Согласно морскому уставу, капитан на корабле несет полную ответственность за жизнь и здоровье всего вверенного ему экипажа, пассажиров и прочих перевозимых людей, а также целост и сохранность генерального груза. Бунт на корабле, согласно тому же уставу и его статьям... – Капитан скороговоркой перечислил с десятков положений морского устава. – Так вот, бунт на корабле, равно как и подготовка к нему, а также явная подготовка к захвату корабля являются тягчайшими преступлениями. В этом случае мне, как капитану Общества Добровольного флота парохода «Ярославль», делегировано право принять исчерпывающие меры к предотвращению бунта, его подавлению всеми доступными средствами. Учитывая нынешнюю удаленность нашего корабля от России, а также крайнюю опасность, которую представляют действия подстрекателей к бунту, равно как и то, что имеющимися в распоряжении капитана средствами выявить всех причастных к преступным намерениям лиц не представляется возможным, мною принято следующее решение...

Сделав небольшую паузу, капитан продолжил:

– Приняв во внимание письменное предупреждение о готовящемся бунте арестантов и захвате корабля, мной был отдан приказ об усиленном досмотре арестантских помещений и самих арестантов. В результате этого досмотра было найдено 19 колюще-режущих самодельных предметов, именуемых в быту заточками. Кроме того, из тайников, устроенных неустановленными лицами из числа арестантов, были извлечены шесть отверток и два универсальных ключа, а также полная схема помещений парохода «Ярославль». Все вышеперечисленное, по моему глубокому убеждению, подтверждает сведения о готовящемся незаконном захвате корабля.

– А че я-то тут делаю? – заорал со своего места Петрован. – У меня, что ли, заточки и ключи какие-то нашли?!

– Молчать, подсудимый! – рявкнул капитан. – В свое время вам будет предоставлена возможность опровергнуть мои слова. Кроме этого, у вас есть защитник-старпом господин Промыслов. Ему также будет предоставлено слово для защиты ваших интересов!

– Ну, а че я тогда один-то здесь делаю? – опять загнусавил Петрован. – Сажайте тогда всех, кто готовился! Я чё, один отдуваться за всех должен?!

– Еще один выкрик без разрешения суда – и я прикажу удалить вас с палубы! – прервал его капитан. – В этом случае суд, закончив свою работу, вынесет приговор в ваше отсутствие!

...Накануне ночью, жарко обсуждая со старпомом все возможные перипетии грядущего суда, капитан высказал предположение, что подсудимые, почуяв серьезность момента, могут назвать многих участников заговора.

– И что же мне тогда, батенька, половину арестантов расстреливать? Бабенки назвали двоих, вот и судить будем двоих. И так, боюсь, с полгода за это отписываться придется!

Перед самой судебной процедурой, когда Промыслов заскочил к капитану доложить об убийстве одного подсудимого, тот сначала перекрестился, потом выругался:

– Одного своего сами порешили – это хорошо! Мне на душу греха меньше брать. И из сего убийства можно сделать по меньшей мере два вывода. Остались в трюме сообщники Михеева, вот и убили его, чтобы не сболтнул лишнего! А еще – «течет» наш кораблик, старпом! Откуда убийцы узнали, что Михеева судить будем? И почему тогда и Петровских за компанию не зарезали?

– Потому что тот, кто может отдать такой приказ, заперт у нас в левобортовом трюме. Очевидно, Сергей Фаддеич, не смог он до второго добраться – ну ничего! Со временем мы сами его сыщем!..

...добившись тишины, капитан потряс в воздухе стопкой бумаг:

– Суд располагает 16 письменными показаниями свидетелей, которые, будучи допрошены в ходе следствия поодиночке, в присутствии понятых, своей подписью подтвердили подготовку к бунту и захвату корабля. Фамилии свидетелей занесены в протокол суда, однако из

опасения за их жизнь оглашены не будут! Не буду я терять время и на зачитывание этих показаний, они практически одинаковы. Их суть такова: Петровских и его сообщник Михеев, зарезанный сегодня неустановленным лицом на своей шконке, угрозами и запугиванием вынуждали свидетелей требовать в качестве оплаты за свои услуги определенного свойства у матросов определенные инструменты. А именно: отвертки и универсальные гаечно-разводные ключи. Скажу сразу: дело этих матросов, которых мы, несомненно, установим, будет выделено в отдельное производство и передано на рассмотрение военно-морского трибунала по прибытии во Владивосток. Что же касается подсудимого Петровских, то его вину я считаю доказанной. Господин защитник, есть у вас смягчающие вину подсудимого обстоятельства? Если есть – доведите их до сведения суда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.